38
638

38/638

ВОЛЫНСКАЯ ТРЕВОГА

1789 года.

В. Антоновичъ.

Изданіе Кіевской Коммиссіи для разбора древнихъ актовъ.

БІБЛІОТЕКА
МОНАСТИРЯ ОО ВАСИЛІЯН
В ЖОВКВІ

КІЕВЪ.
Типографія Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго
1902

Печатано по распоряженію Председателя Коммиссіи
для разбора древнихъ актовъ.

ГОСУДАРСТВ. ОРДЕНА ЛЕНИНА
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
1067791

Въ концѣ XVIII столѣтія политическій организмъ польскаго государства быстро приближался къ паденію, причины котораго лежали глубоко въ существѣ этого организма; онѣ ясно обрисовались уже въ XVII столѣтіи и продолжали развиваться въ теченіе двухъ столѣтій, не встрѣчая малѣйшихъ попытокъ къ ихъ устраненію. Причины эти привели къ гибели государства, которое пало собственною тяжестью, потому только, что внутренній строй его сдѣлалъ дальнѣйшее существованіе его невозможнымъ. Главною и основною причиною разложенія польскаго государства послужилъ сословный строй его, сосредоточившій всѣ функціи государственной власти исключительно въ рукахъ дворянъ. Конечно, и при такомъ строѣ, хотя и тягостномъ для не-дворянскаго населенія края, дворяне могли бы, если бы обладали бо́льшимъ политическимъ развитіемъ, создать, подобно Венеціи, если не очень могущественное, то, по крайней мѣрѣ, гарантированное по отношенію къ внѣшнимъ обстоятельствамъ и сколько нибудь прочное государство. Но въ Польшѣ дворянство оказалось лишеннымъ не только политическаго развитія, но простого инстинкта, необходимаго для пониманія хотя бы только интересовъ своего сословія. Послѣ упорной, хотя медленной, борьбы съ монархическою властью, дворяне захватили всѣ атрибуты этой власти, оставивъ королямъ лишь почетное представительство своей республики, безъ всякой власти и права иниціативы; другія сословія края были лишены всякаго участія въ общественныхъ

дѣлахъ, а огромная масса земледѣльческаго сословія была порабощена безусловно въ пользу дворянъ. Овладѣвши государствомъ, дворяне смотрѣли на него, какъ на свою собственность, какъ на источникъ своихъ правъ и доходовъ, но не считали нужнымъ заботиться о его сохраненіи и дать ему сколько-нибудь прочную организацію; напротивъ того, они, уклоняясь отъ всякихъ обязанностей и ревниво защищая то, что они называли „шляхетскою вольностью“, разрушили одно за другимъ всѣ необходимыя для существованія государства учрежденія. Исполнительная власть была совершенно разрушена; администраціи и ея органовъ не существовало, или они были совершенно призрачны. Судебные приговоры исполнялись частными усиліями заинтересованныхъ лицъ. Характернѣе всего было отношеніе къ финансамъ и военной силѣ. Дворяне считали главнымъ иммунитетомъ своего сословія освобожденіе отъ уплаты всякихъ податей, прямыхъ и косвенныхъ, между тѣмъ они владѣли главною массою территоріи и населявшаго ее народонаселенія. Скудные доходы государства состояли изъ податей и пошлинъ, оплачиваемыхъ мѣщанами, но при безпошлинномъ провозѣ товаровъ для личнаго употребленія дворянъ, доходъ этотъ быстро погасъ, и торговая и промышленная дѣятельность городовъ совершенно почти зачахла. Другой источникъ дохода составляли государственныя имѣнія, такъ называемыя староства и державы, но методъ управленія этими имѣніями доставлялъ въ казну едва 25% настоящаго дохода: староства раздавались въ видѣ награды, или, точнѣе, по мѣрѣ вліянія отдѣльныхъ лицъ, въ пожизненное владѣніе шляхтичамъ; такой староста былъ обязанъ уплачивать въ казну только четверть дохода (quartam), остальнымъ же пользовался самъ по праву. Наконецъ, незначительный доходъ казна получала отъ немногочисленныхъ государственныхъ оброчныхъ статей (соляныя копи и т. п.). Только въ случаѣ крайней необходимости правительство обращалось къ дворянству съ просьбою помочь общественному горю добровольною складчиною. Складчины такія (подымное, subsidium charitativum etc.) разрѣшались сеймами

весьма рѣдко, неохотно, на опредѣленную лишь потребность, и взыскивались крайне вяло и неаккуратно. Конечно, при такомъ финансовомъ строѣ казна всегда была пуста. Не доставало денегъ на уплату жалованья войску, на содержаніе крѣпостей, вооруженіе и т. д.—результатомъ этого были военныя конфедераціи, самовольное оставленіе службы офицерами и солдатами, захватъ ими государственныхъ имѣній для взысканія неуплаченнаго жалованья,— слѣдовательно, полное разстройство военной дисциплины и невозможность окончить любую начатую военную кампанію. Но это неустройство войска, зависѣвшее отъ скудости финансовъ, не было единственнымъ недостаткомъ военнаго дѣла въ Польшѣ. Шляхетское сословіе постоянно заявляло опасеніе, что регулярное войско можетъ послужить королю орудіемъ для разширенія своей власти и введенія, какъ тогда говорили, „absolutum dominium“. Вслѣдствіе этого всякая попытка со стороны короля, клонящаяся къ усиленію или упорядоченію военныхъ силъ, вызывала бурю въ средѣ шляхетскаго сословія и протесты сеймовъ, иногда крайне оскорбительные для трона. На такую реакцію наткнулся Владиславъ IV въ 1646 г. Еще рѣзче выразилась она при Августѣ II въ 1715—1717 годахъ; король этотъ, желавшій дѣйствительно сокращенія шляхетской анархіи и разширенія королевской власти, ввелъ въ предѣлы Польши, подъ благовиднымъ предлогомъ, свою саксонскую армію. Немедленно на всемъ протяженіи государства поднялась шляхетская вооруженная конфедерація (извѣстная подъ именемъ Тарногродской) и послѣ двухлѣтней войны, при посредствѣ князя Долгорукаго, посланника Петра I, принудила короля заключить условія, по которымъ онъ не только обязался вывести изъ Польши саксонцевъ, но долженъ былъ согласиться уменьшить регулярную польскую армію на половину (17,000 вмѣсто бывшаго комплекта 36,000)[1]). Это постановленіе было утверждено сеймомъ 1717 года,

---

[1]) Dziennik konfederacji Tarnogrodzkiej. Poznań, 1841. стр. 256—258. Volumina Legum, т. VI, стр. 113 и слѣдующія.

какъ обязательный законъ. Такимъ образомъ, разрушивши администрацію и финансы, шляхтичи лишили свое государство военной силы и свели ее на степень, далеко несоразмѣрную съ пространствомъ и народонаселеніемъ этого государства. Случилось это въ то именно время, когда многія сосѣднія государства старались путемъ введенія правильнаго управленія, упорядоченія финансовъ и развитія военнаго дѣла, снискать возможную силу и занять подобающее политическое значеніе. Среди этихъ развивающихся и съ каждымъ днемъ усиливающихся государственныхъ организмовъ, шляхетское государство играетъ роль настоящаго больного человѣка; оно держится еще около столѣтія благодаря лишь силѣ инерціи, но несомнѣнно, что зданіе это должно разрушиться при первомъ сколько-нибудь серьезномъ толчкѣ. Анархическое положеніе шляхетской республики, крайне опасное для всякаго государства, осложнялось еще въ Польшѣ этнографическимъ составомъ ея населенія. Болѣе чѣмъ $^2/_3$ государства заселено было народонаселеніемъ не польскимъ: въ прусскихъ провинціяхъ Польши господствовало нѣмецкое, протестантское населеніе; сѣверныя области В. К. Литовскаго заняты были: Жмудью, Литвинами и Латышами (въ польской Лифляндіи), наконецъ, въ составъ Польши входили обширныя провинціи западной и юго-западной Руси съ населеніемъ бѣло-и малорусскимъ. Конечно, при такомъ разноплеменномъ населеніи государства и при численныхъ отношеніяхъ, крайне невыгодныхъ для господствующей народности, всякій политически развитой правящій классъ понялъ-бы, что для сохраненія цѣлости государства необходимо предоставить подчиненнымъ народностямъ широкія гарантіи, обезпечивающія ихъ культурныя и историческія особенности и свободное развитіе ихъ національныхъ началъ, что такой только образъ дѣйствія могъ бы привязать гетерогенныя народности къ общему государству и вызвать съ ихъ стороны искреннее содѣйствіе при каждой исторической коллизіи. Но такого политическаго такта польское дворянство не проявило; оно употребило всевозможныя усилія для того, чтобы ассимилировать съ собою дворянскіе

слои подчиненныхъ народностей и, достигнувъ этой цѣли, сочло дѣло ополяченія оконченнымъ. По мнѣнію шляхты, она исключительно составляла народъ, народныя же массы были созданы лишь для исполненія приказаній шляхты и не должны были приниматься въ разсчетъ при политическихъ и общественныхъ соображеніяхъ. Крупный взрывъ народнаго протеста, случившійся въ южной Руси въ половинѣ XVII столѣтія и повлекшій за собою потерю нѣсколькихъ областей, не образумилъ дворянскаго сословія. Оно не измѣнило своего образа дѣйствій и продолжало навязывать насиліемъ свои взгляды религіозные, сословные и національные жителямъ не польскихъ областей. Результатомъ этого образа дѣйствій было полное отчужденіе всѣхъ не-дворянскихъ классовъ общества отъ государственныхъ интересовъ и симпатіи ихъ къ другимъ государственнымъ организмамъ, въ которыхъ всѣ или нѣкоторыя черты ихъ національнаго быта пользовались бо́льшимъ уваженіемъ. Это настроеніе народныхъ массъ проявляется, смотря по мѣсту и обстоятельствамъ, то болѣе активно (какъ въ гайдамацкихъ движеніяхъ на Украинѣ), то болѣе пассивно—въ видѣ полнаго индифферентизма къ судьбѣ своего государства. Въ полномъ разслабленіи государственнаго организма просуществовала Польша до конца третьей четверти XVIII столѣтія. Это время, извѣстное подъ названіемъ „времени Саксонцевъ“, оставило въ памяти дворянскаго сословія воспоминанія, какъ время самаго большаго развитія такъ называемой „золотой шляхетской вольности“, т. е. время, когда дворяне пользовались самымъ цвѣтущимъ благосостояніемъ и самымъ безконтрольнымъ произволомъ. Если по временамъ высказывались рѣдкія мнѣнія, сѣтовавшія о господствовавшей анархіи, то они замолкали въ виду страннаго афоризма, пріобрѣвшаго большую популярность среди шляхетскаго общества: „Польша стоитъ крѣпко именно потому, что поддерживается анархіею“ [1]).

Это благоденствіе и безпечность дворянскаго сословія были непріятно встревожены въ 1772 году первымъ раздѣломъ Польши.

[1]) „Polska mocno stoi, bo stoi nierządem“.

Внутреннія смуты, возникшія въ Рѣчипосполитой, подали поводъ тремъ сосѣднимъ державамъ къ политическому вмѣшательству въ ея дѣла, результатомъ котораго была потеря нѣсколькихъ крупныхъ областей и протекторатъ надъ остальнымъ государствомъ. Ясно было, что дни Рѣчипосполитой сочтены, если она не приметъ энергическихъ мѣръ для своего спасенія и не проведетъ съ возможною быстротою реформъ, которыя обновили бы ея разлагающійся политическій организмъ. Мысль о необходимости реформъ стала мало-по-малу распространяться среди дворянскаго сословія и привела въ 1788 году къ созванію такъ называемаго четырехлѣтняго сейма (1788—1792), которому предстояло пересмотрѣть и видоизмѣнить основные законы государства. Эта задача, весьма трудная уже по самому существу своему, требовала, въ виду весьма невыгодныхъ внѣшнихъ условій, особеннаго такта, терпѣнія, сдержанности и значительнаго политическаго развитія и подготовки со стороны депутатовъ, входившихъ въ составъ сейма. Но депутаты, собравшіеся на сеймъ, были, за малыми исключеніями, совершенно лишены этихъ качествъ: они не только не имѣли яснаго представленія о характерѣ и цѣли небходимыхъ реформъ, но не признавали никакихъ правилъ парламентарной дисциплины и относились къ предлагаемымъ для обсужденія вопросамъ, повинуясь исключительно или минутному нервному увлеченію, или личнымъ разсчетамъ и связямъ. Вслѣдствіе отсутствія политической подготовки депутаты стали тормозить засѣданія сейма и упразднили возможность всякой программы въ обсужденіи законодательныхъ вопросовъ. Каждый вопросъ, предложенный для обсужденія, не только затягивался безконечными преніями вслѣдствіе того, что мнѣнія депутатовъ не были раньше ими продуманы, но среди преній каждый депутатъ считалъ себя въ правѣ ставить новые, къ дѣлу не относящіеся вопросы и настаивать на ихъ обсужденіи; многіе требовали голоса для того, чтобы говорить длинныя, совершенно не нужныя рѣчи, относившіяся или къ вопросамъ уже рѣшеннымъ, или просто ни къ чему не относившіяся и заключавшія лишь поздравленія сейма

за его почтенные труды или панегирики знатнымъ лицамъ [1]). Такимъ образомъ характеристическою и преобладающею чертою четырехлѣтняго сейма былъ образцовый обструкціонизмъ, правда не умышленный и не вытекавшій изъ злоупотребленія парламентарною тактикою, но невольный, зависѣвшій отъ слабой степени политическаго развитія членовъ сейма. Безпорядокъ засѣданій сейма усиливался еще болѣе вслѣдствіе того, что вниманіе его безпрестанно отвлекалось отъ основныхъ законодательныхъ задачъ текущими вопросами внѣшней и внутренней политики; вопросы эти, сильно волновавшіе страсти, и отвлекали постоянно занятія сейма отъ его законодательныхъ трудовъ.

Въ самомъ началѣ сейма одинъ изъ такихъ текущихъ вопросовъ,—вопросъ объ отношеніи къ сосѣднимъ государствамъ, занялъ всецѣло вниманіе сейма и волновалъ его въ теченіе почти всего времени его существованія, оказывая непосредственное вліяніе на направленіе и ходъ законодательныхъ занятій и безпрестанно отвлекая отъ нихъ членовъ сейма. По этому вопросу сеймъ раздѣлился на двѣ враждебныя партіи: одна изъ нихъ, „королевская“-состоявшая изъ болѣе трезвыхъ и болѣе развитыхъ представителей, предлагала сохранить возможно добрыя отношенія къ Россіи и закончить подъ дружественнымъ протекторатомъ этой державы предположенныя реформы, долженствовавшія доставить въ будущемъ возможную силу разслабленному организму Рѣчипосполитой; другая партія, „прусская“, или „патріотическая“, какъ она сама себя называла, поддавшись весьма искуснымъ обольщеніямъ прусскаго посланника Люкесини, требовала немедленнаго разрыва съ Россіею и заключенія тѣсной дружбы съ Пруссіею, полагая, что послѣдняя охранитъ своимъ авторитетомъ дѣйствія сейма. Среди преній, возникшихъ между двумя указанными партіями, король, отстаивавшій союзъ съ Россіею, сказалъ очень искреннюю и продуманную рѣчь (въ засѣданіи 6 ноября 1788 года). Онъ указалъ въ рѣчи на дру-

[1]) Kalinka, Sejm czteroletni. Изданіе 4-ое. Краковъ 1895. I, 344, 529—530 и др.

желюбное настроеніе Россіи, на то, что держава эта не выразила никакого протеста противъ дѣйствій сейма, и предостерегалъ, что враждебное отношеніе къ Россіи можетъ вызвать серьезную опасность. Правда, сеймъ постановилъ усилить составъ своей арміи до контингента въ 100,000 человѣкъ, но пока онъ не обдумалъ средствъ, необходимыхъ для вооруженія и содержанія этой арміи, и она существовала лишь на бумагѣ; между тѣмъ Россія обладаетъ грозною военною силою, защищаться противъ которой Польша не имѣетъ возможности. „Притомъ, прибавилъ король, мы не должны забывать, что, въ случаѣ коллизіи, мы, весьма правдоподобно, можемъ встрѣтить самыхъ жестокихъ враговъ въ собственныхъ подданныхъ“ [1]). Эта рѣчь короля произвела совершенно неожиданное впечатлѣніе: всѣ серьезные, высказанные имъ мотивы въ пользу союза съ Россіею оставлены были безъ вниманія, но послѣдняя фраза подхвачена была общественнымъ мнѣніемъ и составила тему для толкованій совершенно неожиданныхъ. Вскорѣ среди сеймовыхъ депутатовъ и варшавскаго общества укоренилось убѣжденіе, будто русское правительство приняло мѣры дли того, чтобы поднять крестьянское возстаніе въ русскихъ областяхъ Речипосполитой и будто король знаетъ объ этомъ проектѣ и пользуется имъ, какъ угрозою для того, чтобы провести на сеймѣ свое мнѣніе. Уже на другой день послѣ того, какъ рѣчь была произнесена, предводители „патріотической“ партіи рѣшили послать къ королю депутацію, которая должна была, между прочимъ, потребовать, чтобы все наличное польское войско было отправлено въ Украину для усмиренія того крестьянскаго бунта, о которомъ упоминалъ король [2]). Хотя нѣсколько дней спустя оппозиціонная партія и смягчила редакцію этого требованія, но увѣренность въ существованіи крестьянскаго заговора глубоко засѣла въ убѣжденіи шляхтичей. Изъ Варшавы разсѣялась по русскимъ областямъ цѣлая стая тревожныхъ писемъ,

[1]) Kalinka, Sejm czteroletni. I, 260.
[2]) Тамъ, же стр. 264.

въ которыхъ сеймовые депутаты просили своихъ довѣрителей собрать на мѣстѣ и сообщить имъ всѣ свѣдѣнія о предполагающемся крестьянскомъ бунтѣ. Многіе корреспонденты откликнулись на эти вопросы. Правда, никакихъ точныхъ фактовъ по данному вопросу не имѣлось въ ихъ распоряженіи, но за то, при полномъ отчужденіи шляхтичей отъ крестьянской массы, при совершенномъ ея незнаніи и непониманіи, въ средѣ провинціальной шляхты прочно установилось убѣжденіе,—конечно, не безъ основанія,—что крестьянская масса проникнута глубокою противъ нихъ ненавистью. Основываясь на этомъ общемъ положеніи, многіе корреспонденты изъ провинціи присылали въ Варшаву отвѣты, исполненные весьма тревожныхъ общихъ соображеній, предположеній и догадокъ, которыя поддерживали тревожное настроеніе въ столицѣ и иногда доводили его до настоящей паники. Многіе корреспонденты усиливали тревогу bona fide, сами ее раздѣляя, другіе воспользовались смутою для того, чтобы пріобрѣсти репутацію горячихъ патріотовъ или снискать какую-либо личную выгоду. Вотъ нѣсколько примѣровъ такихъ провинціальныхъ извѣстій, которыя читались и обсуждались въ засѣданіяхъ сейма. Уже въ концѣ декабря (1788) читали въ сеймѣ донесеніе генерала Любовидскаго, командовавшаго частью войскъ, расположенныхъ въ Украинѣ, который доносилъ сейму, что имъ приняты нужныя мѣры надзора за крестьянами, наклонными къ бунту. Вслѣдъ за тѣмъ кн. Сангушко заявилъ, что онъ провелъ на Волыни нѣсколько дней, встрѣтилъ тамъ несомнѣнные признаки подготовляемаго бунта и слышалъ жалобы помѣщиковъ на то, что сеймъ не заботится объ ихъ безопасности, и потому онъ просилъ, чтобы три полка кавалеріи были направлены немедленно въ Волынское воеводство. Предложеніе Сангушка было поддержано многими депутатами и было отложено лишь вслѣдствіе заявленія генерала артиллеріи Феликса Потоцкаго, главнаго начальника войскъ, расположенныхъ въ южно-русскихъ областяхъ, который, выразивъ сомнѣніе въ правдивости тревожныхъ слуховъ, объявилъ, что онъ немедленно отправится лично въ Украину для того, чтобы

провѣрить ихъ достовѣрность. Уже 19 января (1789) онъ прислалъ сейму рапортъ изъ Острога, въ которомъ увѣрялъ, что всѣ извѣстія о бунтахъ не имѣютъ никакого основанія и что онъ не встрѣтилъ малѣйшаго ихъ признака.[1])—Но извѣстіе это не успокоило тревоги, тѣмъ болѣе, что въ сеймѣ существовала партія, руководимая гетманомъ Браницкимъ, желавшая во что бы то ни стало раздуть мнимую опасность для того, чтобы возвратить гетману ту военную диктатуру, которой онъ былъ лишенъ постановленіемъ одного изъ предшествующихъ сеймовъ. Въ засѣданіи 3 февраля читались частныя письма отъ ксендза Сѣраковскаго изъ Умани и отъ отставного генерала Курдвановскаго изъ Волыни, которые въ общихъ выраженіяхъ утверждали, что крестьяне готовятся къ бунту, собираются толпами во время праздниковъ, покупаютъ оружіе и произносятъ угрозы противъ дворянъ[2]). Письма эти взволновали сеймъ и вызвали предложеніе немедленно отправить все наличное польское войско въ Украину, а оттуда перевести въ Польшу всѣхъ городовыхъ козаковъ (т. е. придворныя милиціи, организованныя на свой счетъ мѣстными владѣльцами для охраны ихъ имѣній и придворной службы); только съ большимъ трудомъ удалось королю и болѣе спокойнымъ депутатамъ отклонить это предложеніе, указавъ, что невозможно предпринимать серьезныхъ государственныхъ мѣръ на основаніи частныхъ писемъ и что проектируемая мѣра, даже въ случаѣ существованія дѣйствительной опасности, скорѣе усилила бы ее, чѣмъ предотвратила. Новые два рапорта Феликса Потоцкаго (отъ 26 января и 6 февраля изъ Тульчина) отрицали не только существованіе всякаго волненія среди крестьянъ, но утверждали его полную невозможность: въ началѣ зимы выпало такое количество снѣга, что въ Украинѣ прекратилось всякое сообщеніе, дороги не проходимы, села совершенно разобщены и передвиженіе войскъ невозможно. — Подъ вліяніемъ раздраженія, вызваннаго оппозиціею,

---

[1]) Тамъ же, стр. 434—435, 436.

[2]) Тамъ же, стр. 437—440.

войсковая коммиссія (исполнявшая тогда функціи военнаго министерства), въ которой предсѣдательствовалъ гетманъ Браницкій, попыталась отдѣлаться отъ Потоцкаго; она отправила, помимо него, приказъ подвѣдомственнымъ ему генераламъ: Любовидскому, Ерличу и Дзержку, поручая имъ сосредоточить войска въ мѣстностяхъ, болѣе всего угрожаемыхъ бунтомъ, подвергнуть военному суду всѣхъ виновныхъ и слѣдить за настроеніемъ крестьянъ, для чего рекомендовала обратиться къ помощи еврейскаго населенія. Потоцкій, какъ кажется, понялъ цѣль этого распоряженія: онъ не подалъ просьбы объ отставкѣ и лишь въ письмѣ къ королю указалъ на неправильность дѣйствій войсковой коммиссіи, сносившейся помимо него съ его подчиненными, и на безнравственность пріема обращенія за свѣдѣніями къ евреямъ, которые, по его мнѣнію, воспользуются немедленно даннымъ имъ порученіемъ для преслѣдованія личныхъ выгодъ.[1]) Оппозиція попыталась еще разъ налечь въ сеймѣ на тревожное будто-бы настроеніе крестьянъ въ Украинѣ; въ засѣданіи 19 февраля прочитано было письмо, полученное изъ Чуднова отъ чиновника, завѣдывающаго таможенными сборами; онъ доносилъ, что въ границы Рѣчипосполитой вступилъ полкъ русской конницы въ сопровожденіи большого обоза, нагруженнаго оружьемъ и другими боевыми припасами, и остановился въ имѣніи князя Потемкина, м. Смилѣ, и что вслѣдствіе появленія русскаго войска, крестьяне стали волноваться, произносить угрозы и припасать оружіе, что вслѣдствіе этого необходимо прислать въ Украину побольше войска и обязать помѣщиковъ слѣдить за крестьянами и отнять у нихъ оружіе. Письмо это, несмотря на успокоительные рапорты Потоцкаго, было подхвачено многими сеймовыми депутатами, и партія Браницкаго предложила призвать къ оружію общее ополченіе дворянъ. Но предложеніе это было слишкомъ легкомысленно и заносчиво. Болѣе умѣренные члены сейма указали на комическую сторону предложенія: смѣшно было на основаніи частныхъ писемъ призывать къ

[1]) Тамъ же, стр. 442—443.

оружію дворянъ всего государства противъ невѣдомаго врага и идти войною противъ собственныхъ крестьянъ, спокойно пребывавшихъ въ своихъ домахъ. Затѣмъ ясно было высказано предположеніе, что вѣсти о мнимомъ бунтѣ и возбуждаемая по этому поводу тревога служатъ лишь орудіемъ въ пользу личнаго честолюбія какихъ-то интригановъ. Оппозиція смутилась и замолчала [1]). Вообще тревожнымъ слухамъ въ сеймѣ перестали вѣрить и все дѣло готовившагося будто-бы крестьянскаго бунта причислили, какъ это и было въ дѣйствительности, къ числу неудачныхъ сеймовыхъ стратагемъ. Послѣдняя попытка въ этомъ направленіи—присланное изъ Житомира коллективное заявленіе, подписанное 60-ю дворянами Кіевскаго воеводства, извѣщавшее объ опасномъ настроеніи крестьянъ и требовавшее присылки войска,—не обратила на себя вниманія сейма и послѣ ея прочета сеймовый маршалъ заявилъ, что нужныя мѣры уже приняты, и безъ дальнѣйшаго обсужденія перешелъ къ дневному порядку [2]).—

Для успокоенія общественнаго мнѣнія, сеймъ счелъ нужнымъ поручить дѣло наблюденія и предотвращенія бунта какой-либо спеціальной институціи; но такъ какъ въ Польшѣ полиція и другіе административные органы вовсе отсутствовали, создать же ихъ вдругъ было трудно, то сеймъ придумалъ слѣдующую мѣру. Съ начала русско-турецкой войны русскія войска устроили въ границахъ Рѣчипосполитой запасные магазины провіанта и скупали съ этою цѣлью съѣстные продукты въ юго-западномъ краѣ; мѣстные помѣщики, желая регулировать это дѣло, избрали въ каждомъ воеводствѣ изъ своей среды такъ называемыя провіантскія коммиссіи, которымъ поручили входить въ непосредственныя сношенія съ русскими военными властями, вести счетъ заказовъ, наблюдать за исправною доставкою припасовъ и служить посредниками при полученіи за нихъ денегъ. Сеймъ, обративъ вниманіе на существованіе этихъ коммиссій, постановленіемъ отъ 23 февраля 1789 г. перемѣнилъ ихъ назначеніе; онъ переименовалъ эти коммиссіи въ „*поряд-*

[1]) Тамъ же, стр. 446—451.
[2]) Тамъ же, стр. 470.

ковыя" и поручилъ имъ принять должныя мѣры для предупрежденія крестьянскаго волненія[1]). Къ постановленію сейма приложена была коммиссіямъ инструкція, состоявшая изъ 6 пунктовъ: 1) Коммиссіи должны придумать мѣры для собранія точныхъ свѣдѣній о предполагаемомъ бунтѣ и буде заговоръ дѣйствительно окажется, обдумать средства для предупрежденія вспышки. 2) Всѣ помѣщики обязаны доносить ближайшей коммиссіи или военной командѣ о замѣченныхъ ими признакахъ волненія, оказывать коммиссіи всевозможную помощь и предоставлять въ ея распоряженіе свои надворныя милиціи. 3) Коммиссіи должны провѣрять сообщенныя имъ свѣдѣнія и сообщать результаты своихъ изслѣдованій сеймовымъ маршаламъ. 4) Коммиссіи не должны выходить за предѣлы указанной имъ функціи. 5) Оружіе можетъ быть доставляемо изъ-за границы съ разрѣшенія лишь порядковыхъ коммиссій. 6) Помѣщики приглашаются сеймомъ смягчить по возможности участь крестьянъ и не возбуждать среди нихъ тревоги поспѣшнымъ вооруженіемъ[2]).

Вмѣстѣ съ этимъ сеймъ издалъ универсалъ о запретѣ ввозить оружіе изъ-за границы и распорядился отправить въ Украину нѣсколько отрядовъ войска[3]).—

Перечисленныя мѣры оказались совершенно достаточными для успокоенія поднятой тревоги; въ теченіе полутора мѣсяца въ сеймѣ прекращаются всякія свѣдѣнія и дебаты по поводу предполагаемаго бунта; вѣроятно, этимъ и закончился бы весь инцидентъ, если-бы внезапно неожиданный, единичный случай не взволновалъ съ страшною силою общественное мнѣніе.

Въ восточномъ углу Волыни, въ нынѣшнемъ Ровенскомъ уѣздѣ, въ селѣ Неверковѣ жилъ богатый помѣщикъ Игнатій Вележинскій, ротмистръ народовой кавалеріи; ему принадлежало семь окрестныхъ селъ. Человѣкъ богатый и бездѣтный, Вележинскій со-

---

[1]) Тамъ же, стр. 451. Бродовичъ. Widok przemocy na słabą niewinność srogo wywartej, I, 9—10. Документъ № I, стр. 1—2.

[2]) Докум. № II, стр. 3—5.

[3]) Kalinka, l. c. 251—252. Докум. № III, стр. 6.—

держалъ домъ роскошно и имѣлъ многочисленную прислугу. Онъ обыкновенно набиралъ изъ своихъ селъ крѣпостныхъ мальчиковъ, давалъ имъ воспитаніе въ городахъ и затѣмъ переводилъ ихъ въ свою дворню. Въ числѣ воспитанныхъ такимъ образомъ „для собственной выгоды“ помѣщика мальчиковъ находились Самуилъ Раковичъ, лакей, и Семенъ Римарчукъ, рымарь (т. е. шорникъ); первый изъ нихъ писалъ и читалъ по-польски и по-нѣмецки, умѣлъ хорошо рисовать и играть на скрипкѣ; второй былъ также грамотенъ и изучилъ отлично свое ремесло. Вележинскій, по словамъ судебнаго слѣдствія, обращался съ ними ласково, положилъ имъ опредѣленное жалованье: первому 60 злотыхъ (9 руб.) въ годъ, второму 85 злотыхъ (около 13 руб.) и строго наблюдалъ за ихъ поведеніемъ: въ случаѣ незначительныхъ проступковъ онъ имъ дѣлалъ выговоры, въ случаѣ же болѣе крупныхъ отступленій наказывалъ ихъ розгами, но умѣренно, „по-отечески“. Какъ ни кротко было обращеніе Вележинскаго, молодые люди тяготились своимъ положеніемъ и обращались къ помѣщику съ просьбами отпустить ихъ съ своего двора на любыхъ условіяхъ, но встрѣчали рѣшительный отказъ; ожесточеніе въ душѣ ихъ развивалось постепенно и, наконецъ, послѣ одного изъ отеческихъ внушеній, они рѣшились отдѣлаться отъ пана убійствомъ. Устроивъ предварительно всѣ нужныя приготовленія, они, въ ночь съ 30 на 31 марта, привели свой умыселъ въ исполненіе; ворвавшись ночью въ спальню Вележинскихъ, они убили топорами помѣщика, его жену и, для сокрытія преступленія, перебили пять душъ женской прислуги. На другое утро они были арестованы, вслѣдствіе кровавыхъ пятенъ, оставшихся на ихъ одеждѣ, и заключены въ тюрьму. Луцкій гродскій судъ произвелъ подробное слѣдствіе, констатировалъ подробности преступленія и приговорилъ виновниковъ къ казни; преступникамъ покрыли руки паклею, облили смолою и сожгли, затѣмъ сняли со спины нѣсколько полосъ кожи, переломили ноги и затѣмъ обезглавили и четвертовали; части ихъ тѣлъ были развѣшены на висѣлицахъ въ разныхъ мѣстностяхъ Волыни. Луцкій судъ, послѣ подробнаго изслѣ-

дованія, удостовѣрилъ, что убійцы вовсе не имѣли сообщниковъ, а нѣсколько человѣкъ прислуги приговорилъ къ тѣлесному наказанію и сдачѣ пожизненно въ солдаты лишь за то, что они оказались нерадивыми и сонливыми, не узнали заблаговременно о намѣреніи убійцъ и не донесли объ этомъ господамъ, и во время совершенія преступленія не проснулись и не явились на помощь [1]).—

Это возмутительное дѣло, въ которомъ и убійцы и судъ какъ будто состязаются въ проявленіи жестокости, было, очевидно, послѣдствіемъ ненормальныхъ отношеній, вытекавшихъ изъ крѣпостного права. Аналогическія вспышки въ большемъ или меньшемъ размѣрѣ, при тѣхъ или иныхъ обстоятельствахъ, появлялись въ различное время и въ различныхъ мѣстностяхъ Рѣчипосполитой; обыкновенно онѣ разсматривались какъ уголовныя преступленія и строго наказывались судомъ, но никому не приходило въ голову придавать имъ важное политическое значеніе. Въ данномъ случаѣ убійство Вележинскихъ произвело необычное впечатлѣніе: не напрасно въ теченіе 4-5 мѣсяцевъ и въ сеймѣ, и въ столицѣ, и въ провинціяхъ толковали объ угрожающемъ крестьянскомъ возстаніи, принимали мѣры предосторожности и т. д. Все шляхетское общество было увѣрено, что бунтъ крестьянскій вспыхнулъ и что Вележинскіе пали лишь первыми его жертвами. Въ первые дни послѣ Неверковскаго убійства, молва о немъ распространилась съ неимовѣрною быстротою; болѣе близкіе сосѣди ѣздили или посылали въ Неверковъ узнать о происшествіи и немедленно разсылали о немъ письма во всѣ стороны. Констатируя фактъ убійства и не ожидая результатовъ судебнаго слѣдствія, они по личнымъ догадкамъ указывали виновниковъ преступленія: совершили люди невѣдомые,—пишетъ одинъ; преступленіе это совершили *пилипоны* [2]), которыхъ

---

[1]) Документъ № CXXI, стр. 201—216

[2]) *Пилипонами* или *маркетанами* называли коробейниковъ, съиздавна развозившихъ товары въ русскихъ воеводствахъ и въ Литвѣ и проникавшихъ даже въ Польшу. Это были старообрядцы, поселившіеся въ Черниговской и Могилевской губерніяхъ въ посадахъ: Добрянкѣ, Клинцахъ, Вѣткѣ и т. д.—Они достав-

арестовали съ повозками, нагруженными ножами,-передаетъ другой корреспондентъ. Житомирскій староста Илинскій, сообщая о гибели Вележинскихъ, утверждаетъ, что это первое проявленіе широко организованнаго заговора, который повсемѣстно вспыхнетъ къ празднику св. Пасхи, и что многіе заговорщики: священники и пилипоны, уже арестованы[1]). Паническій страхъ охватилъ все шляхетское общество въ русскихъ воеводствахъ, особенно на Волыни; многіе искали убѣжища въ укрѣпленныхъ замкахъ, перевозя туда свои семейства и болѣе цѣнное имущество; другіе бѣжали въ Польшу или за австрійскій кордонъ, распространяя по дорогѣ тревожныя вѣсти и выдавая измышленія своего страха за положительные факты[2]). Сложилась, такимъ образомъ, подъ впечатлѣніемъ паники цѣлая легенда о мнимомъ заговорѣ. Утверждали, что въ послѣднее время черезъ границу прослѣдовало болѣе 2000 повозокъ „маркетановъ“, что повозки эти были нагружены оружьемъ: ружьями, пулями, порохомъ, ножами[3]), что маркетаны передаютъ деньги и оружіе священникамъ, у которыхъ останавливаются, а тѣ волнуютъ крестьянъ, что рѣшено заговорщиками начать истребленіе шляхтичей и евреевъ на Волыни, какъ въ странѣ, менѣе охраняемой войскомъ, и потомъ распространить возстаніе на другія русскія воеводства, что срокъ всеобщаго возстанія назначенъ будто въ ночь передъ святою Пасхою и что въ видѣ опыта лишь произведено нападеніе на дома Вележинскаго и совершено убійство Піотровскаго[4]); что заговорщики рѣшили выждать нѣкоторое время, пока лѣса покроются листвою и сами они успѣютъ организовать крупные отряды[5]).

ляли разныя произведенія русскихъ фабрикъ: красный товаръ, желѣзныя издѣлія, кольца, бусы и предметы домашняго обихода и т. п. (Бродовичъ, стр. 10—11).

[1]) См. № CXXII, стр. 216 - 218.

[2]) Kalinka, I, 478.

[3]) Среди другихъ товаровъ у маркетановъ дѣйствительно были карманные и кухонные ножи.

[4]) Маіоръ Піотровскій остановился на ночь въ корчмѣ близъ Острога, гдѣ былъ убитъ, повидимому съ цѣлью грабежа евреемъ — см. № CXXV, стр. 223.

[5]) Kitowicz. Pamiętniki, т. I, стр. 83—85. Авторъ, писавшій свои воспоминанія нѣсколько лѣтъ спустя, передаетъ ходившіе слухи съ полною вѣрою въ ихъ достовѣрность.

Немедленно послѣ убіенія Вележинскихъ тревожныя извѣстія полетѣли въ столицу. Уже 2 апрѣля получено было донесеніе отъ генерала кн. Любомирскаго изъ Дубна, въ которомъ онъ приписывалъ Неверковское убійство маркетанамъ и утверждалъ, что открытъ заговоръ священниковъ и крестьянъ, составленный съ цѣлью избіенія шляхты. Въ то же время волынскій воевода, кн. Сангушко, извѣщалъ короля, что повсемѣстно дворяне арестуютъ маркетановъ, какъ виновниковъ преступленія, и что они заявляютъ готовность вооружиться и спасти свою жизнь, хотя бы пришлось истребить всѣхъ крестьянъ и священниковъ. Кіевскій воевода Стемпковскій извѣщалъ короля, что многіе дворяне бѣгутъ за кордонъ, и что онъ, несмотря на крайнюю опасность, остается дома лишь потому, чтобы не усиливать всеобщей паники. Наконецъ, всѣ слухи о заговорѣ, пилипонахъ, священникахъ и т. п. повторила волынская порядковая коммиссія въ оффиціальномъ рапортѣ королю [1]).—

Во время полученія этихъ извѣстій засѣданій сейма не было; въ виду наступавшихъ праздниковъ они были отсрочены по 16 апрѣля. Не ожидая этого срока, король созвалъ на засѣданіе сеймовыхъ маршаловъ, предсѣдателя войсковой коммиссіи и остававшихся въ столицѣ депутатовъ Волынскаго воеводства и предложилъ обдумать мѣры для предупрежденія крестьянскаго возстанія; въ виду многочисленныхъ и единогласныхъ извѣстій, полученныхъ изъ Волыни, очевидно, и король, и сеймовый маршалъ Малаховскій, до того времени крайне скептически относившіеся къ извѣстіямъ о бунтѣ, поколебались и стали придавать имъ болѣе серьезное значеніе. На совѣщаніи рѣшено было принять слѣдующія предварительныя мѣры: отправлены были на Волынь военныя команды, числомъ до 2500 человѣкъ; войсковая коммиссія предписала генералу Феликсу Потоцкому разсылать по воеводствамъ военныя команды, поручить имъ зорко слѣдить за настроеніемъ населенія, арестовать всѣхъ безпаспортныхъ, особенно монаховъ и погонщи-

[1]) Kalinka, I, 472—473.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА

ковъ, пришедшихъ изъ-за границы, и, въ случаѣ безпорядковъ, немедленно являться на мѣсто, арестовать и допросить виновныхъ, препровождать ихъ къ начальству и сноситься съ порядковыми коммиссіями. Маршалы сеймовые послали приказъ гродскимъ судамъ, чтобы они немедленно судили виновныхъ, не ожидая сроковъ, назначенныхъ для судебныхъ засѣданій. Притомъ постановлено было успокоить дворянъ заявленіемъ, что всѣ необходимыя мѣры предосторожности приняты, и просить помѣщиковъ не раздражать крестьянъ взысканіемъ съ нихъ подати, которую обязались уплатить сами шляхтичи. Затѣмъ войску предписано вести себя скромно, не раздражать народонаселенія постоемъ и взысканіемъ продовольствія и не производить безъ суда взысканій и казней [1]).

Извѣстія, полученныя изъ Волыни, взволновали общественное мнѣніе въ столицѣ; публика повторяла эти извѣстія, прибавляя къ нимъ все новыя и новыя подробности. Разсказывали, что въ русскихъ воеводствахъ въ церквахъ, за царскими вратами, вездѣ устроены склады оружія, что все государство наводнено маркетанами, которые раздаютъ крестьянамъ ножи, что въ самую Варшаву ихъ проникло до 2000 [2]). Вотъ какими словами характеризуетъ тогдашнее настроеніе столичнаго общества польскій мемуаристъ Охоцкій, жившій въ то время въ Варшавѣ: „Слухъ о томъ, что украинскіе крестьяне приготовляются къ бунту, неизвѣстно откуда произошелъ, но, вслѣдствіе всеобщей паники, пріобрѣталъ все болѣе и болѣе довѣрія; подозрѣнія были обращены по преимуществу на уніатское духовенство, которое ни въ чемъ не было повинно, но сильно по этому поводу пострадало... Между прочимъ распространился слухъ, будто поймали нѣсколько десятковъ пилипонскихъ повозокъ, провозившихъ бочки, наполненныя ножами. Ножи эти странной формы, снабжены будто страшными зубцами и крючьями, придуманными для причиненія ужасныхъ страданій;

---

[1]) Kalinka, I. 473—475. См. также № IV, стр. 7—8, V, стр. 9—10 и VI, стр. 11.
[2]) Kalinka, II, 473.

образцы этихъ ножей въ Варшавѣ вырѣзывали изъ бумаги и разсылали всюду; при видѣ ихъ дамы падали въ обморокъ, мужчины же искали утѣшенія въ венгерскомъ. Множество бумажныхъ изображеній этихъ страшныхъ ножей я самъ разослалъ въ провинцію. Тѣмъ не менѣе ни въ Варшавѣ, ни въ провинціяхъ никто не видѣлъ желѣзнаго подлинника этого орудія: въ Польшѣ говорили, что ножи были задержаны въ Литвѣ, въ Литвѣ указывали на Кіевское воеводство, здѣсь же не могли указать источника этого тревожнаго слуха [1]).

16 апрѣля возобновилась дѣятельность сейма. На первомъ же засѣданіи прочитаны были всѣ рапорты, письма и извѣщенія, касавшіеся крестьянскаго бунта, но оказалось, что въ нихъ не было никакихъ точныхъ фактическихъ данныхъ; документы эти заключали лишь догадки и предположенія или указывали, какъ на факты, на неосторожно произнесенныя крестьянами личныя угрозы или на допросы, снятые съ пристрастіемъ [2]). Тѣмъ не менѣе сеймъ, уступая общественному мнѣнію, издалъ 18 апрѣля постановленіе, носившее заглавіе: „Обезпеченіе общественнаго спокойствія“; постановленіе это предписывало: 1) чтобы русскіе купцы, торгующіе въ предѣлахъ Речипосполитой, запаслись паспортами отъ скарбовой коммиссіи или отъ ближайшихъ судебныхъ учрежденій; всѣ же маркетаны и пилипоны, не имѣющіе таковыхъ паспортовъ, равно какъ и монахи, священники и извозчики, прибывшіе изъ-за границы, должны въ двухнедѣльный срокъ оставить предѣлы Речипосполитой; послѣ же этого срока какъ военныя команды, такъ и частныя лица должны арестовать ослушниковъ. 2) Всѣ православные духовные, живущіе въ Речипосполитой, должны немедленно принести присягу на вѣрность королю и въ молитвахъ не поминать иноземныхъ монарховъ, а молиться за короля и Речьпоспо-

---

[1]) Pamiętniki Jana Duklana Ochockiego, t. I, стр. 297—298 См. также Бродовичъ, I, 93.

[2]) Kalinka, I, 476.

литую. Тѣ, кто не пожелаетъ принести присягу, должны будутъ потерять свои мѣста и удалиться за предѣлы государства [1]). Вслѣдъ за этимъ постановленіемъ скарбовая коммиссія (т. е. министерство финансовъ) приказала всѣмъ таможеннымъ чиновникамъ не пропускать черезъ границу лицъ, не имѣющихъ паспортовъ, товары же купцовъ, снабженныхъ паспортами, осматривать на границѣ и не допускать ввоза оружія [2]).

Затѣмъ сеймъ вошелъ въ сношенія съ порядковыми мѣстными коммиссіями, предоставилъ имъ право призывать въ случаѣ нужды военныя команды, рекомендовалъ имъ употреблять по мѣрѣ возможности кроткія мѣры для успокоенія крестьянъ и возложилъ на нихъ обязанность заботиться о содержаніи арестантовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ отъ имени сейма изданъ былъ универсалъ ко всѣмъ жителямъ края; онъ призывалъ всякаго, кто узнаетъ что-либо о заговорѣ, доносить о томъ помѣщику или ближайшей военной командѣ, обѣщалъ даже соучастникамъ заговора помилованіе и награды, въ случаѣ если они донесутъ раньше, чѣмъ сами будутъ арестованы. Универсалъ, обращаясь къ крестьянамъ и желая ихъ успокоить, говорилъ: „Всякій хлопъ долженъ повиноваться своему пану; правило это освящено религіею и закономъ.... Мы надѣемся потому, что каждый подданный постарается, чтобы земля, которую онъ орошаетъ потомъ чела своего, не была обагрена его кровью“. Затѣмъ универсалъ предписывалъ судить заподозрѣнныхъ лицъ исключительно въ гродскихъ и земскихъ судахъ [3]).

Этими мѣрами сеймъ ограничился, предоставивъ остальныя заботы о предотвращеніи бунта мѣстнымъ порядковымъ коммиссіямъ, и занялся другими вопросами. Въ концѣ мая, когда тревога нѣсколько улеглась, сеймъ выдѣлилъ изъ своей среды особую коммиссію, состоявшую изъ трехъ сенаторовъ и девяти сеймовыхъ де-

---

[1]) См. № VII, стр. 12—14.

[2]) См № IX, стр. 16—18.

[3]) См. №№: X, стр. 18—19 и XI, стр. 20—21.

путатовъ. Коммиссія эта, получившая названіе „Депутаціи для слѣдствія надъ лицами, обвиненными въ бунтѣ“, должна была снестись съ порядковыми коммиссіями и гродскими судами, вытребовать къ себѣ лицъ обвиненныхъ, чинить имъ допросы, по выработанной программѣ, собрать свидѣтельства и каждое дѣло представлять съ своимъ заключеніемъ въ сеймъ для окончательнаго приговора[1]). Впрочемъ, дѣятельность этой сеймовой депутаціи не отвѣчала ея названію и цѣли, для которой она была назначена. Съ одной стороны, мѣстныя порядковыя коммиссіи успѣли себѣ выработать до времени назначенія депутаціи опредѣленный, тотъ или иной взглядъ на дѣло бунта; онѣ сосредоточили въ своихъ рукахъ всѣ дѣла, имѣвшія къ нему отношеніе, и многія изъ нихъ окончательно порѣшили. Съ другой стороны, одновременно съ назначеніемъ депутаціи возникло новое дѣло, которое было ей передано и на которомъ депутація сосредоточила исключительно свое вниманіе, забывъ первоначальное свое назначеніе. Это новое дѣло состояло въ слѣдующемъ. Въ сеймовомъ засѣданіи 21 апрѣля литовскій сеймовый маршалъ, князь Казимиръ Сапѣга, доложилъ нѣсколько писемъ, полученныхъ имъ изъ Литвы, обвинявшихъ слуцкаго православнаго архимандрита Виктора Садковскаго и подвѣдомственное ему православное духовенство въ томъ, что они подстрекаютъ крестьянъ къ бунту и отбираютъ втайнѣ присяги; извѣстія эти подтвердилъ владѣлецъ Слуцка, кн. Радзивилъ, на основаніи рапортовъ, полученныхъ имъ отъ управляющихъ имѣніемъ[2]). Вслѣдствіе этихъ заявленій сеймъ рѣшилъ арестовать Садковскаго и привезти его въ Варшаву; пріѣздъ его совпалъ со временемъ назначенія депутаціи, которой и поручено было разслѣдованіе этого дѣла; коммиссія имъ исключительно и занялась, изрѣдка только въ болѣе выдающихся случаяхъ справляясь о ходѣ

---

[1]) См. № XIII, стр. 23 - 25.

[2]) Kalinka, I, 504. Relacja deputacji do examinowania sprawy o bunty oskarżonych, m. I, стр. 149.

дѣлъ въ порядковыхъ коммиссіяхъ. Изъ опросовъ Садковскаго и пересмотра взятыхъ у него бумагъ депутація ясно убѣдилась, что онъ вовсе не повиненъ въ дѣлѣ мнимаго бунта; напротивъ того, всѣ распоряженія Садковскаго стремились къ сохраненію общественнаго порядка: онъ доносилъ властямъ объ опасности, угрожавшей со стороны лицъ, блуждавшихъ подъ видомъ странствующихъ монаховъ, и требовалъ ихъ удаленія, наблюдалъ за исправнымъ поведеніемъ подчиненныхъ ему монастырей и т. п.[1]). Зато изъ бумагъ Садковскаго члены депутаціи узнали, что въ Польшѣ существуетъ православная епархія, находящаяся въ вѣдѣніи русскаго синода, и что Садковскій состоитъ ея представителемъ, что и вмѣнено ему было въ государственное преступленіе. Конечно, это открытіе было новостью для сеймовой депутаціи, только благодаря полному незнанію своего края и его отношеній въ сферахъ нешляхетскихъ. Въ договорѣ, заключенномъ съ Россіею въ 1768 году, польское правительство признало въ своихъ границахъ двѣ православныя епархіи: Бѣлорусскую и кіевскую. Когда Бѣлорусская епархія въ 1772 году была присоединена къ Россіи, всѣ православные, оставшіеся въ предѣлахъ Польши, должны были состоять въ подчиненіи кіевскаго митрополита; но завѣдывать дѣлами епархіи, находившейся въ другомъ государствѣ, было неудобно, и потому митрополиты поручали управленіе частью своей паствы, находившейся въ Польшѣ, представителямъ мѣстнаго духовенства. Самую крупную православную институцію, остававшуюся въ Польшѣ, представляла Слуцкая архимандрія, почему и естественно митрополиты должны были свои полномочія скорѣе всего передавать слуцкимъ архимандритамъ. Въ 1783 году, за смертью архимандрита Волчанскаго, мѣсто его, по рекомендаціи русскаго посланника Штакельберга и съ согласія кн. Радзивилла, которому принадлежало право патроната надъ Слуцкою архимандріею, занялъ Викторъ Садковскій, воспитанникъ и сотрудникъ бѣлорус-

[1]) Kalinka, I, 512.

скаго архіепископа Георгія Конисскаго; послѣдній, состоя въ то время членомъ св. синода, предложилъ возвести Садковскаго въ санъ епископа переяславскаго и бориспольскаго и викарія кіевской митрополіи; предложеніе это было одобрено свят. синодомъ, о чемъ состоялось синодальное постановленіе отъ 31 марта 1785, утвержденное Высочайшимъ указомъ [1]). О постановленіи этомъ Екатерина II увѣдомила польское правительство черезъ своего посланника, по представленію котораго король особымъ рескриптомъ отъ 27 іюля 1785 года утвердилъ епископа Виктора Садковскаго въ качествѣ верховнаго представителя православной церкви въ предѣлахъ Рѣчипосполитой и призналъ за нимъ право управленія епархіею [2]).—Такимъ образомъ іерархическое положеніе Виктора Садковскаго было вполнѣ законно и гласно, и очевидно сеймовая депутація лишь по незнанію сочла это дѣло новымъ открытіемъ. Затѣмъ, коммиссія указывала на то, что Садковскій получалъ указы свят. синода, что совершалъ, согласно съ требованіемъ этихъ указовъ, молебствія по поводу рожденія лицъ русской императорской фамиліи, что поминалъ на ектеніяхъ имя императрицы, собиралъ помѣстный соборъ, распространялъ книгу: „Сокращенный катехизисъ“, изданную синодомъ, и т. д. Такимъ образомъ сеймовая депутація посвятила все свое время разсмотрѣнію отношеній православной іерархіи въ польскомъ государствѣ и совершенно отстранилась отъ того дѣла, для котораго была назначена, предоставивъ розыски о бунтѣ мѣстнымъ порядковымъ коммиссіямъ; въ этомъ отношеніи депутація проявила свою дѣятельность лишь распоряженіемъ въ гродскіе суды, чтобы допросы лицъ, обвиненныхъ въ бунтѣ, и приговоры надъ ними присылались раньше ихъ исполненія на пересмотръ депутаціи, и разсылкою въ тѣ же суды выработанной ею программы допросныхъ пунктовъ [3]). Послѣдній доку-

---

[1]) Relacja deputacji etc. Annexa, стр. 56, 139, 155, 173.

[2]) Тамъ же, стр. 177.

[3]) См. № XV, стр. 28—29.

ментъ представляетъ наглядное доказательство полнаго незнанія членами депутаціи края и его отношеній; онъ былъ составленъ почти исключительно подъ впечатлѣніемъ дѣла Садковскаго; на 20 допросныхъ пунктовъ только четыре, помѣщенные въ концѣ, имѣютъ отношеніе къ предполагаемому бунту, остальные же 16 относятся къ управленію православной іерархіи, требуютъ свѣдѣній о помѣстныхъ соборахъ, о зависимости церквей отъ синода, о распоряженіяхъ Садковскаго, о присягахъ, приносимыхъ духовенствомъ, объ ектеніяхъ и молебствіяхъ, о книжкахъ: „Сокращенный катехизисъ“ и „Побѣда на супостаты“, распространяемыхъ будто Садковскимъ, и т. п. Самый странный характеръ представляетъ то обстоятельство, что допросные пункты были посланы для руководства въ гроды воеводствъ: Подольскаго и Волынскаго, въ которыхъ въ то время всѣ церкви безъ исключенія числились уніатскими и православнаго духовенства вовсе не было. Гродскіе суды должны были по обязанности предлагать эти допросные пункты уніатскимъ священникамъ, оговореннымъ въ соучастіи въ бунтѣ; послѣдніе же, не имѣя никакихъ свѣдѣній ни о Садковскомъ, ни объ отношеніяхъ православной церкви къ синоду, были поставлены въ крайнее недоумѣніе и не могли дать себѣ отчета о томъ, чего судъ добивается отъ нихъ.

Проработавъ почти цѣлый годъ, сеймовая депутація представила сейму печатный отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ (26 марта 1790 г.)[1]). Редакторъ отчета, дѣлопроизводитель депутаціи, Игнатій Танскій, видя, что отчетъ совсѣмъ не отвѣчаетъ назначенію депутаціи, представилъ свое произведеніе, озаглавивъ его томомъ первымъ; въ немъ онъ сообщаетъ бѣглый очеркъ бывшихъ козацкихъ возстаній и затѣмъ переходитъ къ разсмотрѣнію дѣйствій епископовъ: Георгія Конискаго и Виктора Садковскаго и предполагаемыхъ послѣдствій этихъ дѣйствій, которыя, по мнѣнію депутаціи,

[1]) Relacja deputacji do examinowania o bunty oskarżonych. Томъ I и отдѣльный томъ приложеній „Annexa do pierwszej części Relacji“. Варшава, 1790 г.

должны были въ будущемъ вызвать возстаніе. Собственно же о бунтѣ, предполагавшемся въ 1789 году, не желая признаться въ отсутствіи всякаго фактическаго матеріала и стѣсняясь признать самое предположеніе неосновательнымъ и вымышленнымъ, редакторъ отчета обѣщаетъ представить разслѣдованія въ другомъ томѣ, изъ котораго сеймъ усмотритъ, существовалъ ли дѣйствительно заговоръ и не былъ ли бунтъ устраненъ мѣрами, принятыми сеймомъ[1]). Конечно, эта вторая часть труда Танскаго никогда не была напечатана и доложена сейму; есть полное основаніе думать, что она не была и составлена.

Вслѣдствіе изложеннаго отношенія сеймовой депутаціи къ возложенной на нее обязанности, задача розыска и предотвращенія бунта всецѣло выпала на долю воеводскихъ порядковыхъ коммиссій. Мы разсмотримъ ихъ дѣйствія въ каждомъ изъ четырехъ указанныхъ воеводствъ.

Тревожные слухи о предстоящемъ крестьянскомъ бунтѣ болѣе всего распространены были въ Волынскомъ воеводствѣ; обстоятельство это зависѣло какъ отъ болѣе значительнаго количества на Волыни шляхтичей средняго имущественнаго состоянія, такъ и отъ большей близости воеводства къ столицѣ, можетъ быть и отъ того, что случай съ Вележинскими произошелъ на Волыни. Во всякомъ случаѣ паническій страхъ объялъ все шляхетское общество и здѣсь создалась легенда о пріемахъ заговора и о подробностяхъ его образа дѣйствій. Шляхтичи были увѣрены, что русское правительство намѣрено призвать крестьянъ къ возстанію, что съ этою цѣлью оно отправило въ русскія области Польши цѣлыя тысячи агентовъ подъ видомъ маркетановъ, что послѣдніе, останавливаясь ночевать у священниковъ, передаютъ послѣднимъ указы императрицы, нужныя инструкціи, запасы ножей и значи-

---

[1]) Тамъ же, стр. 171—176 и 203 - 204.

тельныя денежныя суммы для распространенія агитаціи; что священники ведутъ эту агитацію среди крестьянъ и приводятъ послѣднихъ къ присягѣ на участіе въ заговорѣ, что, наконецъ, срокъ всеобщаго возстанія назначенъ въ страстную субботу и что тогда всѣ костелы будутъ окружены и собравшіеся въ нихъ для молитвы католики перебиты [1]).

Волынская порядковая коммиссія, состоявшая изъ 25 членовъ, подъ предсѣдательствомъ Францишка Пражмовскаго всецѣло вѣрила въ дѣйствительность этихъ слуховъ и приступила съ большою поспѣшностью къ исполненію своего дѣла; съ одной стороны, ею приняты были мѣры для самозащиты, съ другой организовано слѣдствіе для раскрытія виновныхъ въ заговорѣ.—Уже недѣлю спустя послѣ утвержденія сеймомъ порядковыхъ коммиссій въ Луцкѣ собралась Волынская коммиссія и въ одинъ день (31 марта) постановила и издала множество распоряженій. Первое изъ нихъ относилось къ организаціи мѣстной милиціи [2]): владѣлецъ каждаго села въ 30 и болѣе дворовъ долженъ былъ представить одного конного милиціонера, владѣлецъ мѣстечка—двухъ конныхъ, владѣлецъ же села менѣе чѣмъ въ 30 дворовъ—одного пѣшаго; милиціонеры должны были набираться исключительно изъ католиковъ и помѣщики обязаны были снабдить ихъ оружіемъ, мундиромъ и жалованьемъ (по 12 злотыхъ въ мѣсяцъ) на два мѣсяца впередъ и доставить въ восьмидневный срокъ въ повѣтовые города: Луцкъ, Кременецъ и Владиміръ; здѣсь начальство надъ ними должны были принять повѣтовые хорунжіе и, обезпечивши города нужными гарнизонами, разослать остальную милицію въ разъѣзды по повѣтамъ; начальникамъ милиціи предписано было сноситься съ командами регулярнаго войска, арестовывать всѣхъ подозрительныхъ лицъ и доставлять ихъ въ коммиссію вмѣстѣ съ рапортами о своей дѣятельности. Желая усилить составъ милиціи, коммиссія издала уни-

---

[1]) См. №№: CXXIV, стр. 220—221 и CXXV, стр. 221—224.

[2]) См. № XVII, стр. 30—31 и XXIX, стр. 53—59.

версалъ къ безземельнымъ дворянамъ Волынскаго воеводства, приглашая ихъ вооружиться и собраться въ повѣтовые города[1]).— Впрочемъ, эти энергическія мѣры, относившіяся къ организаціи милиціи, встрѣтили въ исполненіи большія препятствія въ апатіи и нерадѣніи помѣщиковъ, не желавшихъ нести довольно значительныхъ расходовъ на снаряженіе милиціонеровъ[2]). Начальники милиціи, порядковая коммиссія и повѣтовые сеймики постоянно жалуются, что многіе помѣщики не доставляютъ вовсе слѣдующаго отъ нихъ контингента, и жалобы эти повторяются въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ: апрѣля, мая и іюня, т. е. до конца существованія воеводской милиціи. Напрасно и коммиссія, и сеймики пытаются облегчить вооруженіе милиціи различными распоряженіями: они постановляютъ, что милиціонеры будутъ оставаться въ предѣлахъ своихъ (католическихъ) приходовъ, подъ командою мѣстныхъ помѣщиковъ, посылая лишь три человѣка съ прихода для усиленія луцкаго гарнизона; доставку пороха и свинца для милиціи вмѣняютъ въ обязанность евреямъ и т. п. Напрасно также сеймъ требуетъ, чтобы коммиссія опубликовала списокъ лицъ, исполнившихъ ея требованія относительно поставки милиціонеровъ, разсчитывая такимъ образомъ посрамить уклонившихся отъ этой обязанности[3]). Собрать полный составъ милиціи такъ и не удалось, пока, наконецъ, 1 іюля порядковая волынская коммиссія, вслѣдствіе настоянія дворянъ, постановила отмѣнить милицію, такъ какъ опасность уже миновала и дальнѣйшее охраненіе края обезпечено приходомъ регулярнаго войска[4]).

---

[1]) См. № XVIII, стр. 33 - 34.

[2]) Изъ подробнаго счета, представленнаго однимъ изъ поставщиковъ, мы видимъ, что снаряженіе двухъ конныхъ и одного пѣшаго милиціонера обошлось въ 1600 злотыхъ. См. № XXXVII, стр. 79—82.

[3]) См. №№: XXVI, стр. 48; XXIX, стр. 52—59, XXX, стр. 60—62; XXXII, стр. 65 - 69; XXXV, стр. 73; XXXVI, стр. 74—78; XXXVIII, стр. 82—83, XXXIX, стр. 84—88.

[4]) См. №№: XL стр. 89 - 91 и XLI стр. 92 - 93, Бродовичъ, стр. 83, 98.

Кромѣ организаціи милиціи, порядковая Волынская коммиссія въ первомъ же засѣданіи 31 марта постановила: чтобы помѣщики задерживали всѣхъ проѣзжихъ „пилипоновъ“, осматривали ихъ товары и при малѣйшемъ подозрѣніи отсылали ихъ въ Луцкую тюрьму. Съ этою цѣлью помѣщики должны были устроить въ своихъ селахъ постоянную, дневную и ночную стражу, осматривать лѣса и хутора и опрашивать всѣхъ проѣзжихъ[1]). Та же стража должна произвести домашній обыскъ у всѣхъ крестьянъ, отнять у нихъ оружіе и всѣхъ крестьянъ подозрительныхъ и дерзкихъ арестовать и доставить въ ближайшія военныя команды[2]). Затѣмъ помѣщикамъ предписывалось заготовить фуражъ, собравъ его съ крестьянъ, для продовольствія ожидаемаго регулярнаго войска и рекомендовалось имъ не выѣзжать изъ домовъ и не оставлять предѣловъ воеводства[3]). Отдѣльнымъ распоряженіемъ, опубликованнымъ черезъ кагалы еврейскому населенію воеводства, коммиссія вопретила продавать свинецъ, порохъ, сѣру и селитру и приказала торговцамъ свезти эти матеріалы въ Луцкъ, Владиміръ и Кременецъ и сдать ихъ на храненіе кагаламъ; всѣмъ же евреямъ, „какъ народу предусмотрительному и любознательному“, поручила все, что будетъ ими замѣчено подозрительнаго, сообщать какъ своимъ помѣщикамъ, такъ и непосредственно въ порядковую коммиссію[4]).

Главное вниманіе коммиссія обратила на охрану безопасности самаго Луцка и поставила городъ въ осадное положеніе; мосты были по возможности укрѣплены и охранялись стражею, равно какъ и перевозы; въ торговые дни стража удваивалась, она должна была обыскивать всѣ возы и не допускать въ городъ нищихъ и другихъ подозрительныхъ лицъ. Слесари, кузнецы и столяры должны были прекратить всякую работу и заняться исключительно приго-

---

[1]) См. №№: XVII, стр. 31 и XXXIX, стр. 87 88.
[2]) См. № XVII, стр. 31—32.
[3]) См. №№ XVII, стр. 32 и XXIII, стр. 43.
[4]) См. № XXI, стр. 39--40.

товленіемъ пикъ, пока все населеніе города не будетъ ими вооружено: притомъ слесари обязаны были сдать въ склады коммиссіи все находившееся у нихъ въ починкѣ огнестрѣльное оружіе. Евреи и караимы должны были поставить съ каждаго двора по одному вооруженному пикою человѣку, для участія въ патруляхъ и стражѣ; имъ воспрещалось продавать крестьянамъ порохъ, свинецъ и желѣзо, но каждое семейство обязано было доставить фунтъ пороха и фунтъ свинцу въ склады коммиссіи. Всѣ купцы, ремесленники, аптекаря, не числившіеся въ составѣ мѣстной городской общины, были обязаны доставить камень пороху и столько же свинца и всѣ жители города должны были запастись съѣстными припасами на два мѣсяца. Дворяне, бѣжавшіе въ Луцкъ, и канцеляристы мѣстныхъ судовъ приглашались вооружиться огнестрѣльнымъ оружіемъ и вооружить своихъ слугъ католиковъ и принять участіе въ разъѣздахъ и караулахъ; духовенство приглашалось жертвовать порохъ и свинецъ и вооружить своихъ слугъ и старшихъ учениковъ подвѣдомственныхъ имъ школъ[1]). Всѣ эти мѣры доставили Луцку гарнизонъ въ 300 человѣкъ, который былъ еще усиленъ помѣщикомъ Чацкимъ, доставившимъ изъ Варшавы на почтовыхъ хоругвь регулярнаго войска, и небольшимъ отрядомъ старостинской стражи; съ этими силами коммиссія съ тревогою ожидала дня св. Пасхи, воспретивъ на всякій случай собираться въ теченіе страстной недѣли на богослуженіе въ костелы. Наконецъ, наступила роковая страстная суббота: въ теченіе цѣлаго дня и ночи по городу разъѣзжали военные патрули; ночью Чацкій съ своею хоругвью и судья Загурскій съ милиціею отважились выступить изъ города, осмотрѣли его окрестности и даже дерзнули заглянуть въ сосѣдній лѣсъ, но, къ крайнему изумленію всей охраны, враги не только не показывались, но не получалось никакихъ извѣстій о мѣстѣ ихъ пребыванія[2]).—Очевидно, экстренныя мѣры, предпри-

---

[2]) См. №№: XIX, стр. 35—37 и XX, стр. 37—39.
[3]) Kalinka I, стр. 478, Бродовичъ, стр. 34.

нятыя коммиссіею, получали нѣсколько комическій характеръ; но коммиссія и окружавшее ее общество не усумнились въ поводахъ своего опасенія; видя, что заговоръ пока не обнаруживается вооруженнымъ возстаніемъ, коммиссія рѣшилась разыскать и обличить его виновниковъ путемъ судебныхъ разслѣдованій, и прежде всего, снеслась съ порядковыми коммиссіями сосѣднихъ воеводствъ, желая сообщить имъ свою точку зрѣнія и заручиться ихъ солидарностью. Волынская коммиссія сообщала сосѣднимъ о томъ, что черезъ границу переправилось 4000 пилипоновъ, которые занялись организаціею крестьянскаго возстанія; что при обыскахъ у нихъ найдены: ножи, оружіе, сѣдла, пистолеты и большія суммы денегъ, которыя они раздаютъ крестьянамъ. Изъ допросовъ арестованныхъ лицъ коммиссія будто-бы узнала, что срокъ возстанія назначенъ на св. Пасху, что руководителемъ его будетъ сынъ Гонты. Въ виду этого Волынская коммиссія приказала арестовать всѣхъ маркетановъ, произвела допросъ многимъ крестьянамъ и священникамъ и многихъ изъ нихъ подвергла смертной казни, учредила воеводскую милицію и т. д. Сообщая эти извѣстія, Волынская коммиссія предлагаетъ коммиссіямъ сосѣднихъ воеводствъ послѣдовать ея примѣру, принять тѣ же мѣры для предотвращенія общей опасности и сообщать ей о результатахъ своихъ дѣйствій[1]).

Прежде всего Волынская коммиссія обратила вниманіе на маркетановъ и приказала всѣхъ поголовно арестовать; изъ сохранившихся свѣдѣній видно, что количество ихъ было далеко не такъ значительно, какъ утверждали шляхтичи: въ Луцкой тюрьмѣ ихъ оказалось 12 человѣкъ, въ Кременецкой 6, въ Дубенской крѣпости 21 и нѣсколько человѣкъ во Владимірѣ; при арестѣ у нихъ были отобраны товары (въ томъ числѣ нѣсколько дюжинъ карманныхъ ножей) и деньги, вырученныя отъ торговли. Никакихъ документовъ, относящихся къ заговору, при нихъ не оказалось, и

[1]) См. №№: XXII, стр. 41—42; XXV, стр. 46—47; XXVIII, стр. 50—51, XXXIV, стр. 71—72 и CXLVIII, стр. 268—270.

снятые съ нихъ допросы не обнаружили никакой вины. Тѣмъ не менѣе коммиссія распорядилась удержать ихъ подъ арестомъ впредь до разъясненія дѣла на томъ основаніи, что у многихъ изъ нихъ въ паспортахъ, данныхъ на отхожіе промыслы, не было ясно указано, что имъ разрѣшается торговля въ земляхъ, принадлежавшихъ Польшѣ, и что нѣкоторые изъ нихъ должны были встрѣтиться на свѣтлой недѣлѣ въ м. Олыкѣ, что показалось коммиссіи весьма подозрительнымъ. Только 7 мѣсяцевъ спустя послѣ ареста, декретомъ кременецкаго гродскаго суда шесть человѣкъ, арестованныхъ въ Кременцѣ „вслѣдствіе всеобщей молвы“, были признаны невинными; ихъ приказано было освободить, возвратить имъ товары и деньги и подъ военнымъ конвоемъ выпроводить за границу. Менѣе счастлива была участь остальныхъ: они томились въ тюрьмахъ въ теченіе 2—3 лѣтъ; коммиссія хотѣла всѣхъ ихъ предать казни и была удержана отъ этой мѣры лишь запретомъ короля; еще въ 1791 году русскій посланникъ, Булгаковъ, хлопоталъ объ ихъ освобожденіи. Безцѣльный арестъ ихъ объясняется развѣ случаемъ, происшедшимъ во Владимірѣ: одинъ изъ арестованныхъ здѣсь маркетановъ оказался совершенно невиннымъ и гродскій судъ рѣшилъ его освободить, но предсѣдательствовавшій въ судѣ подстароста Заленскій приписалъ къ этому декрету, что, несмотря на оправданіе, судъ вслѣдствіе нѣкоторыхъ, вѣдомыхъ ему, причинъ постановилъ удержать подсудимаго еще нѣкоторое время въ арестѣ; эти „вѣдомыя причины“ состояли въ томъ, что подстароста растратилъ нѣсколько тысячъ злотыхъ выручки, отобранной отъ маркетана, и не желалъ или не могъ ее возвратить.[1]).

Такимъ образомъ слѣдствіе надъ главными агентами мнимаго заговора не дало никакихъ положительныхъ результатовъ, и коммиссіи предстояло искать нитей бунта другими пріемами; пришлось

---

[1]) См. №№: CLXXXV, стр. 333—334, CLXXXVI, стр. 334—335, CLXXXVIII, стр. 336—337 и CLXXXIX, стр. 338—339; также Kalinka, т. I, стр. 478 и 485 и Бродовичъ, стр. 101.

воспользоваться частными доносами и произвольными арестами лицъ, почему-либо казавшихся подозрительными. Поводомъ для доносовъ служили по большей части неосторожныя слова и угрозы, произнесенныя въ пьяномъ видѣ или въ ссорѣ, пріемъ на ночь маркетановъ или покупка у нихъ товаровъ, какія-нибудь неясныя воспоминанія или письма, относившіяся къ давно минувшему времени; иногда подозрѣніе падало на священника лишь потому, что онъ пользовался особымъ уваженіемъ прихожанъ. Всѣ доносы принимались коммиссіею охотно и если впослѣдствіи оказывались ложными, то доносчикъ не подлежалъ никакой отвѣтственности. Многія темныя личности воспользовались всеобщею смутою для того, чтобы свести старые счеты съ противниками, отмстить врагамъ или удовлетворить личные интересы или самодурство. Офицеры, командовавшіе разъѣздами, являются въ дома священниковъ, производятъ обыски, будто-бы разыскивая оружіе, и забираютъ найденныя деньги, иные просто пугаютъ священниковъ доносомъ и арестомъ, утверждая, что въ ихъ рукахъ собраны уже компрометирующія показанія, и вымогаютъ крупный выкупъ и т. п. Предварительные допросы на мѣстѣ всегда ведутся съ пристрастьемъ, заподозрѣнныхъ лицъ жестоко сѣкутъ, иногда до смерти, и подвергаютъ другимъ истязаніямъ[1]).

Подобными пріемами Волынская порядковая коммиссія пріобрѣла вскорѣ обильный матеріалъ въ видѣ нѣсколькихъ сотъ арестантовъ, которыхъ предстояло подвергнуть допросу, въ случаѣ вины отправить для суда въ гродъ и по полученнымъ отъ нихъ указаніямъ разыскивать дальнѣйшія нити заговора.

Первое дѣло, къ разсмотрѣнію котораго приступила коммиссія, возникло по доносу Франциска Вильчинскаго, арендаго владѣльца села Любче, имѣнія князя Воронецкаго. Крестьяне этого села были зажиточны и постоянно пререкались съ арендаторомъ и жалова-

[1]) Kalinka, I, стр. 485—487. Бродовичъ, стр.: 14, 54, 86--87.

лись на его злоупотребленія владѣльцу; Вильчинскій, раздраженный ихъ сопротивленіемъ, поспѣшилъ заявить коммиссіи, что крестьяне села Любча несомнѣнно причастны къ заговору потому, что многіе изъ нихъ имѣютъ у себя ружья и нѣкоторые произносили угрозы противъ своего священника. Коммиссія признала извѣтъ Вильчинскаго правильнымъ и потребовала, чтобы гродскій судъ судилъ оговоренныхъ за бунтъ. Судъ готовъ былъ начать дѣло, но потребовалъ, чтобы обвинитель представилъ свидѣтелей въ числѣ, постановленномъ закономъ; тогда коммиссія потребовала дѣло назадъ къ себѣ и, превысивъ данныя ей полномочія, присвоила себѣ судебную власть въ дѣлахъ, касающихся бунта, и притомъ, измѣнивъ существующій законъ, постановила, что будетъ считаться полною уликою виновныхъ свидѣтельство одного шляхтича, если онъ подтвердитъ его присягою; такимъ образомъ обвинитель становился единственнымъ свидѣтелемъ, рѣшавшимъ участь обвиняемыхъ. Вильчинскій принесъ требуемую присягу, и коммиссія немедленно приговорила одного крестьянина къ повѣшенію, остальныхъ же приказала препроводить домой подъ конвоемъ, съ тѣмъ, чтобы въ каждомъ селѣ, встрѣтившемся на пути, каждый изъ подсудимыхъ былъ наказанъ 100 ударами розгъ; селъ же на пути оказалось одиннадцать [1]).

Вслѣдъ затѣмъ повѣшенъ былъ дьякъ изъ села Жукова, Симеонъ Яроцкій, за то, что въ пьяномъ видѣ произносилъ угрозы противъ ляховъ и жидовъ, хотя и утверждалъ, что говорилъ слова эти шутя и ровно ничего не зналъ о предполагаемомъ заговорѣ [2]).

Еще болѣе жестоко поступила коммиссія въ дѣлѣ, возбужденномъ помѣщицею Прушинскою противъ крестьянъ ея села—Куриловки. Во время рождественскихъ праздниковъ крестьяне, по обычаю, пошли пѣть колядки подъ окнами помѣщицы, но нѣсколько запоздали и хоръ раздался въ то время, когда Прушинская соби-

---

[1]) Kalinka, т. I стр. 479; Бродовичъ, стр. 14, 21—22.

[2]) Бродовичъ, стр. 22.

ралась уже ложиться; недовольная этимъ, она приказала прислугѣ разогнать колядниковъ палками; среди сконфуженныхъ и оскорбленныхъ крестьянъ кто-то сказалъ: „наша пани не умѣетъ жить съ людьми; слѣдовало бы, чтобы ее проучилъ сынъ Гонты!“ Узнавъ впослѣдствіи объ этой угрозѣ, Прушинская приказала арестовать 27 крестьянъ и доставила ихъ въ Дубно; обвиняемые не отрицали сказанныхъ словъ, утверждали, что они ихъ произнесли въ раздраженіи, но что ровно ничего не знаютъ ни о бунтѣ, ни о сынѣ Гонты.—Коммиссія приговорила троихъ изъ нихъ къ четвертованію, десятерыхъ къ повѣшенію и остальныхъ къ жестокому тѣлесному наказанію[1]).

Затѣмъ повѣшены были въ Луцкѣ два крестьянина изъ селъ Квасова и Острожца за похвальбу, произнесенную въ пьяномъ видѣ, третьему же крестьянину изъ села Кроватки угрожала та же участь, но вслѣдствіе ходатайства уніатскаго капитула приговоръ былъ смягченъ и ему лишь отрубили правую руку. Недѣлю спустя послѣ операціи онъ умеръ[2]).

Между тѣмъ въ коммиссію поступило заявленіе дворянина Григорія Малецкаго, управляющаго имѣніями кн. Яблоновскаго, о томъ, что крестьяне села Карабіевки заказывали кузнецу большіе ножи, собирались на сходки, произносили угрозы и имѣли сношенія съ маркетанами и странствующими монахами. Коммиссія препроводила это обвиненіе, вмѣстѣ съ присягою Малецкаго, въ Кременецкій городскій судъ, который приговорилъ крестьянина Панаса Балду къ обезглавленію, Трохима Ищука, замѣченнаго раньше въ воровствѣ, къ повѣшенію и двухъ другихъ за неповиновеніе распоряженіямъ управляющаго къ тѣлесному наказанію[3]).—Затѣмъ въ Кременцѣ былъ повѣшенъ крестьянинъ Петро Гуменюкъ за при-

---

[1]) Kalinka, I, стр. 480, Бродовичъ, стр. 20—21. Часть порядковой коммиссіи осталась въ Луцкѣ, другая переѣхала въ Дубно для ускоренія слѣдствія. Бродовичъ, стр. 14, 21.

[2]) Бродовичъ, стр. 23.

[3]) См. №№: CXLV, стр. 265; CXLVI, стр. 266 и CXLVII, стр. 267.

готовленіе къ бунту, но свидѣтельствующій объ этомъ актъ не поясняетъ ни его вины, ни подробностей процесса [1]).

Кромѣ исчисленныхъ дѣлъ, коммиссія допрашивала нѣсколько сотъ арестованныхъ крестьянъ, но не могла установить изъ ихъ показаній сколько-нибудь серьезныхъ проступковъ; обвиненія оказывались или ни на чемъ не основанными сплетнями, или безсвязными разговорами выпившихъ людей; между тѣмъ сотни крестьянъ томились въ тюрьмѣ, многіе изъ нихъ умерли отъ голода и томительной тоски. На сколько призрачны были поводы ареста, видно изъ процессовъ, рѣшенія которыхъ сохранились: такъ сынъ священника Матвѣй Лохвинскій арестованъ былъ за то, что, встрѣтившись на дорогѣ съ священникомъ и экономическимъ писаремъ и изрядно выпивши, когда разговоръ начался объ арестахъ и обыскахъ, онъ похвалился, что ни въ какомъ случаѣ не дозволилъ бы произвести обыска въ своемъ домѣ.—Судъ постановилъ зачесть ему въ наказаніе предварительное заключеніе, въ которомъ онъ пребывалъ въ теченіе мѣсяца, и взыскать сто гривенъ штрафа.—Другой сынъ священника, Иванъ Загоровскій, обвиненъ былъ въ томъ, что, сильно напившись, пугалъ угрозами жену шинкаря еврея, ударилъ ее и какого-то крестьянина и обнаруживалъ намѣреніе бѣжать въ догонку за экипажемъ проѣзжавшаго мимо шинка шляхтича; за всѣ эти прегрѣшенія судъ приговорилъ его къ ста ударамъ розгами среди луцкаго рынка. Какой-то крестьянинъ Оверчукъ, обвиненный въ произнесеніи неосторожныхъ словъ, былъ отпущенъ въ виду того, что никто не могъ посвидѣтельствовать самаго факта [2]).

Далѣе разсматривалось дѣло троихъ крестьянъ изъ Чарторыйска. Одинъ изъ нихъ призналъ, что въ домѣ его ночевалъ маркетантъ, съ которымъ онъ бесѣдовалъ о современныхъ военныхъ событіяхъ; два же другіе обвинялись въ томъ, что, напившись, пугали

---

[1]) См. № CLXXVI, стр. 316—317.

[2]) См. №№: CXXVI, стр. 224—225; CXXVII, стр. 226—227.

еврея шинкаря сыномъ Гонты; судъ приговорилъ перваго къ 100 ударамъ, двухъ же другихъ къ 50 ударамъ розгами [1]).

Крестьянинъ Олихвиръ Косюбка, сильно пьяный, похвалялся принять участіе въ рѣзнѣ и хотя, проспавшись, на другой день не запомнилъ, что и съ кѣмъ говорилъ наканунѣ, тѣмъ не менѣе былъ приговоренъ къ годичному тюремному заключенію [2]). Многія лица были послѣ 1—3 мѣсяцевъ тюремнаго заключенія освобождены по маловажности обвиненій; такъ сыновья священниковъ Венедиктъ Лукашевичъ и Павелъ Братковскій были арестованы лишь за то, что выѣзжали изъ дому на 2—3 недѣли, разыскивая для себя приходы, и одинъ изъ нихъ распространялъ ложную молву, будто онъ рукоположенъ въ священники въ Молдавіи.— Крестьянинъ Химичъ обвинялся въ томъ, что сѣтовалъ по поводу предстоящаго прихода войскъ, а Василій Возный въ томъ, что заказалъ кузнецу слишкомъ длинный ножъ. Крестьянинъ Антонъ Балата былъ [3]) арестованъ за то, что, встрѣтивъ въ м. Муравицѣ неизвѣстнаго еврея, велъ съ нимъ шуточный разговоръ, содержаніе котораго осталось неизвѣстнымъ. Крестьяне: Новакъ, Савицкій и Познанскій попали въ тюрьму за то, что отлучались изъ дому для землекопныхъ работъ. Наконецъ, въ числѣ арестантовъ оказалось нѣсколько безпаспортныхъ и крестьянинъ, обвинявшійся въ покражѣ коня [3]). Среди арестантовъ оказался русскій дворянинъ Иванъ Богушевскій, обвинявшійся въ томъ, что ѣздилъ по Волыни „безъ нужды“, и такъ какъ представленный имъ паспортъ не свидѣтельствовалъ о его намѣреніяхъ, то судъ опредѣлилъ отдать его въ солдаты въ Острожскій полкъ впредь, пока онъ не представитъ доказательствъ своей невинности [4]). Наконецъ многихъ арестантовъ судъ освободилъ потому, что они ни въ чемъ не об-

---

[1]) См. № CXLIV, стр. 263—264.

[2]) См. № CLXXX, стр. 323—325.

[3]) См. №№: CLXXIX, стр. 322, CXCV, стр. 345—346; CXC, стр. 339—340; CXCI, стр. 341; CXCVIII, стр. 352; CXCIX, стр. 353.

[4]) См. № 200, стр. 354.

винялись и никому не было извѣстно, почему они попали подъ арестъ. Въ одномъ случаѣ судъ даже оговорился, что подобные аресты произошли „не съ цѣлью угнетенія крестьянъ, а единственно лишь потому, что среди тревожнаго времени необходимо было проявить большую бдительность[1]).

Не менѣе безплодными оказались усилія порядковой коммиссіи открыть слѣды заговора среди мѣщанъ волынскихъ городовъ. Кромѣ неосторожно высказанныхъ угрозъ въ пьяномъ видѣ и другихъ мелкихъ прегрѣшеній[2]), слѣдствіе раскрыло, что мѣщане въ нѣкоторыхъ городахъ составляютъ сходки, приносятъ присягу и собираютъ складчины; факты эти показались коммиссіи явными признаками бунта, но при слѣдствіи выяснилось и доказано было лишній разъ непониманіе шляхтичами отношеній края и незнаніе жизни и настроенія другихъ сословій.—Коммиссія собрала свѣдѣнія о томъ, что въ Луцкъ пріѣзжалъ, еще въ концѣ 1788 года, какой-то армянинъ изъ Каменца, который, проживая въ домѣ мѣщанина Павла Дасткевича, распространялъ мнѣніе о необходимости большей самостоятельности городскихъ обществъ и реформы городского управленія, что послѣ его бытности Дасткевичъ неоднократно собиралъ мѣщанскія сходки, на которыхъ присутствующіе приносили какую-то таинственную присягу и собирались куда-то отправлять пословъ, что мѣщане перестали повиноваться войтовскому намѣстнику, объявляя, что наступило время настоящаго самоуправленія и что власть намѣстника скоро прекратится; когда намѣстникъ отправилъ на одну изъ сходокъ офицера и троихъ солдатъ, то мѣщане вытолкали ихъ за двери и нанесли имъ побои, что въ магистратъ они снесли цеховое оружіе: дарды (копья) и бердыши, что они объявили, что для нихъ постыдно конвоировать, въ качествѣ стражи, лицъ препровождаемыхъ на смертную казнь

---

[1]) См. №№: CLXXX, стр. 325: CXCII, стр. 342: CXCIII, стр. 343 и CXC, стр. 340.

[2]) См. №№: CXLIII, стр. 262: CLXXI, и CLXXII, стр. 309—312.

и что, подъ вліяніемъ ихъ общественнаго мнѣнія, лицо, согласившееся принять на себя роль палача, отказалось отъ этой должности; что, наконецъ, какой-то пилипонъ, съ разрѣшенія Дасткевича, продавалъ въ Луцкѣ: свѣчи, мыло и яблоки. Во всѣхъ этихъ дѣяніяхъ коммиссія усматривала признаки принадлежности луцкихъ мѣщанъ къ заговору и обвиняла въ этомъ 27 человѣкъ въ гродскомъ судѣ. На судѣ Дасткевичъ отъ имени всѣхъ подсудимыхъ заявилъ, что бывшій въ Луцкѣ армянинъ разсказывалъ дѣйствительно о правахъ мѣщанъ Каменецкихъ и Луцкихъ и обѣщалъ послѣднимъ сообщить нужные документы, что сходки собирались исключительно по городскимъ дѣламъ и между прочимъ для избранія городскихъ должностныхъ лицъ, которыя и приносили присяги, что пословъ мѣщане избирали для посылки по своимъ дѣламъ въ Варшаву, что власти намѣстника они дѣйствительно не признаютъ на основаніи жалованныхъ грамотъ, данныхъ разновременно городу, о чемъ ведется многолѣтній процессъ въ ассесорскомъ судѣ, что мѣщане дѣйствительно считаютъ для себя позорною обязанность конвоировать преступниковъ, приговоренныхъ къ смертной казни, что наконецъ пилипонъ торговалъ яблоками и мыломъ съ-вѣдома самого намѣстника. Не смотря на настояніе коммиссіи, судъ не нашелъ въ приведенныхъ обвиненіяхъ состава преступленія и освободилъ подсудимыхъ, потребовавъ лишь отъ двухъ изъ нихъ присяги въ томъ, что они вовсе не причастны къ бунту и что ихъ сходки не имѣли ничего общаго съ предполагаемымъ заговоромъ[1]). Особенно характерно въ этомъ дѣлѣ то обстоятельство, что замѣченное среди луцкихъ мѣщанъ движеніе имѣло непосредственную связь съ занятіями сейма. Когда выяснилось, что сеймъ намѣренъ приступить къ радикальнымъ реформамъ государственнаго строя Польскаго государства, мѣщане крупныхъ городовъ рѣшили, по иниціативѣ подканцлера Коллонтая и варшавскаго президента (головы) Декерта, обратиться въ сеймъ съ просьбою видоизмѣнить положеніе

[1]) См. №№ CXCVI—CXCVII, стр. 346—351.

мѣщанскаго сословія; желанія мѣщанъ состояли въ томъ, чтобы имъ возвращены были права, которыхъ ихъ лишило шляхетское сословіе: они требовали, чтобы депутаты отъ городовъ допущены были въ сеймы, чтобы самоуправленіе и самосудъ городовъ были гарантированы отъ вмѣшательства старостинской и воеводской власти, чтобы мѣщане получили служебныя права, равныя шляхтичамъ, а также право пріобрѣтать поземельную собственность и т. п. Требованія эти Декертъ выразилъ въ прошеніи, поданномъ королю; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ написалъ циркулярное воззваніе ко всѣмъ городамъ, предлагая имъ поддержать общее дѣло и съ этою цѣлью выслать депутатовъ въ Варшаву для совмѣстнаго поднесенія королю прошенія о признаніи правъ мѣщанскаго сословія. Депутація такая дѣйствительно состоялась и Декертъ вручилъ прошеніе, явившись во главѣ свыше 200 человѣкъ, присланныхъ различными городами государства [1]).—Дѣло это очевидно агитировалъ въ Луцкѣ одинъ изъ армянъ Каменецкихъ, шляхетская же коммиссія приняла замѣченное по этому поводу возбужденіе среди мѣщанъ за симптомъ предполагаемаго заговора.

Совершенно аналогическое обвиненіе заявлено было противъ мѣщанъ мѣстечка Колки; здѣсь, по иниціативѣ городского писаря Андрея Дацкевича, мѣщане составляли сходки и дѣлали складчины съ цѣлью разысканія документовъ, для возстановленія своихъ правъ, сверхъ того нѣсколько человѣкъ обвинялись въ томъ, что въ пьяномъ видѣ произносили угрозы, пѣли какія-то подозрительныя пѣсни „русскими словами“ и неприличными шутками пугали евреевъ, нѣкоторые хранили у себя оружіе, одинъ же изъ нихъ былъ замѣченъ въ томъ, что покупалъ ножъ и платокъ у маркетана; притомъ мѣщане завели обычай при встрѣчѣ подавать другъ другу руку, что составляло признакъ заговора, потому что замѣчено было, что такимъ образомъ привѣтствовали другъ друга участники Уманской рѣзни. За всѣ эти прегрѣшенія судъ приговорилъ писаря и

[1]) Kalinka, I, стр. 654.

семь человѣкъ мѣщанъ къ тюремному заключенію отъ 1 до 3 лѣтъ и къ тѣлесному наказанію отъ 200 до 300 ударовъ розгами [1]).

Во всякомъ случаѣ слѣдствія, учиненныя надъ крестьянами и мѣщанами, и ихъ допросы, несмотря на жестокія наказанія многихъ подсудимыхъ, не давали коммиссіи матеріала для установленія того заговора, котораго доискивалась она по предвзятому предположенію; угрозы, произнесенныя въ пьяномъ видѣ, спорадическіе факты спора или неповиновенія экономическимъ властямъ и т. п. свидѣтельствовали лишь о томъ, что масса вообще относится недружелюбно къ дворянамъ и евреямъ, но нисколько не указывали на существованіе организованнаго заговора. Доказательства такого существованія коммиссія рѣшила добыть отъ духовенства. Десятки уніатскихъ священниковъ были арестованы вслѣдствіе извѣтовъ, иногда просто по капризу любого шляхтича. Плѣнниковъ размѣстили по тюрьмамъ въ Луцкѣ, Кременцѣ, Дубнѣ и Владимірѣ и коммиссія занялась весьма дѣятельно разслѣдованіемъ ихъ поведенія. Священники уніатскіе въ то время были въ большинствѣ случаевъ необразованны и весьма мало развиты; уніатскія семинаріи или другія учебныя заведенія для образованія священниковъ не существовали; отъ кандидата на священство требовалось лишь умѣніе читать богослужебныя книги и кое-какъ писать по-русски; такого едва грамотнаго человѣка разыскивала громада вакантнаго прихода, хлопотала для его принятія о согласіи помѣщика (о т. н. презентѣ) и затѣмъ о его рукоположеніи епископомъ. Священники не были въ состояніи поддержать авторитетъ своего званія и шляхтичи обращались съ ними высокомѣрно. Попавъ подъ судъ, по обвиненію въ бунтѣ, они не были въ состояніи защищаться на основаніи существовавшихъ законовъ и не умѣли разобраться среди совѣтовъ и инсинуацій, которыми члены коммиссіи и адвокаты сбивали ихъ съ толку. Этимъ обстоятельствомъ рѣшилась воспользоваться Волынская порядковая коммиссія для того, чтобы установить фактически а

---

[1]) См. №CLXXXII, стр. 326—329.

priori придуманныя ею подробности заговора. Коммиссіи необходимо было добыть сознаніе въ этихъ подробностяхъ хотя отъ одного изъ подсудимыхъ, и она вскорѣ этого достигла. Въ коммиссію поступилъ доносъ о томъ, что у священника Лукаевича, въ селѣ Сускѣ, ночевалъ маркетанъ; его рѣшили арестовать, но арестъ взялся произвести лично одинъ изъ членовъ коммиссіи, шамбелянъ Каетанъ Аксакъ; онъ поѣхалъ въ Сускъ и приказалъ священнику ѣхать съ нимъ вмѣстѣ въ Луцкъ. По дорогѣ онъ запугалъ священника страшною отвѣтственностью за пріемъ на ночлегъ маркетана и посовѣтовалъ ему, какъ единственный путь спасенія, чистосердечно признать свою вину и разсказать всѣ ея подробности; когда же священникъ заявилъ, что онъ положительно не знаетъ, въ чемъ онъ долженъ сознаться, то Аксакъ разсказалъ ему всѣ подробности, какія отъ него требовались, и завѣрилъ его, что если онъ сдѣлаетъ соотвѣтственное показаніе, то не только избавится отъ всякаго наказанія, но и получитъ богатую награду. Заручившись согласіемъ Лукаевича, Аксакъ заявилъ коммиссіи, что арестованный имъ священникъ желаетъ дать весьма важныя показанія, и ввелъ его въ присутствіе коммиссіи. Здѣсь Лукаевичъ показалъ, что у него дѣйствительно ночевалъ маркетанъ, по имени Василько, который уговаривалъ его агитировать возстаніе среди крестьянъ и показывалъ ему какой-то документъ, писанный по-русски, въ которомъ священникъ разобралъ лишь начало подписи: „Екат....“, утверждая, будто это есть указъ императрицы, предписывающій крестьянское возстаніе; хотя священникъ и не согласился повиноваться этому указу, маркетанъ все-таки оставилъ ему на расходы 20 червонцевъ. Показаніе это Лукаевичъ подтвердилъ, хотя и смущенный, присягою. Теперь коммиссія торжествовала, удостовѣривши показаніемъ Лукаевича правильность своего взгляда, и члены коммиссіи осыпали его любезностями и похвалами за чистосердечное раскрытіе заговора и рапортовали объ этомъ сейму, самого же Лукаевича препроводили въ Варшаву, заставивши предварительно нѣсколько разъ повторить показанія. Здѣсь Волын-

скіе послы демонстрировали его въ салонахъ и выхлопотали въ сеймѣ для него награду: ему пожалована была золотая медаль, дипломъ отъ сейма, удостовѣряющій его заслуги, и 2,000 злотыхъ[1]). Между тѣмъ въ Луцкѣ стали разъискивать ночевавшаго у него маркетана, который вскорѣ оказался въ числѣ арестантовъ. На очныхъ ставкахъ съ Лукаевичемъ онъ стойко отрицалъ его показанія, утверждалъ, что о бунтѣ онъ ничего не знаетъ, другого документа, кромѣ паспорта, не имѣлъ и не показывалъ и занимался исключительно торговыми дѣлами. Несмотря на отсутствіе всякихъ уликъ, кромѣ показаній священника, онъ былъ приговоренъ коммиссіею къ смертной казни и повѣшенъ. Предъ казнью коммиссія предложила ему даровать жизнь, если онъ признаетъ справедливыми показанія священника, но онъ отвѣтилъ, что не станетъ изъ-за спасенія жизни прибѣгать ко лжи и клеветѣ на свою Монархиню; уже вступивъ подъ висѣлицу, онъ громко заявилъ: „напрасно погибаю.“ За три дня до этой казни коммиссія получила отъ сейма выговоръ за присвоеніе себѣ судебной власти, запретъ издавать и исполнять приговоры и приказъ препровождать изслѣдуемыя ею дѣла на рѣшеніе гродскаго суда; тѣмъ не менѣе она распорядилась исполнить приговоръ.[2]).

Показанія Лукаевича усилили предвзятое отношеніе къ дѣлу въ общественномъ мнѣніи и сообщили суровый характеръ дальнѣйшимъ процессамъ духовныхъ лицъ; шляхетское общество требовало слѣдствія надъ уніатскими священниками и ихъ казни; аресты усилились и дѣла стали въ большомъ количествѣ поступать въ луцкій гродскій судъ, состоявшій подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія и представлявшей его коммиссіи. Приведемъ важнѣйшіе изъ этихъ процессовъ.

Трое крестьянъ изъ села Городища, имѣнія старосты овручскаго Ивана Стецкаго: Кассіянъ Андрійчукъ, Карпъ Омелянецъ и

---

[1]) См. № CLXVII, стр. 304—305.

[2]) Kalinka, т. I, стр. 481—482. Бродовичъ, стр. 24 - 27, 29—31, 32, 75.

Левко Яблонскій, встрѣтили въ придорожной корчмѣ какого-то надворнаго козака, проѣзжавшаго изъ Брацлавщины въ Дубно; онъ сообщилъ имъ, что въ Украинѣ можно ожидать бунта и истребленія дворянъ и евреевъ. Возвратившись въ село, крестьяне бесѣдовали о слышанномъ, при чемъ Левко Яблонскій заявлялъ готовность примкнуть къ возстанію, если бы оно вспыхнуло. Разговоръ ихъ подслушалъ слуга мазуръ и донесъ о немъ помѣщику. Стецкій приказалъ арестовать всѣхъ троихъ оговоренныхъ и отправить ихъ въ г. Острогъ на судъ мѣстнаго магистрата. Всѣ трое были приговорены къ повѣшенію, но уже подъ висѣлицей Андрійчукъ и Омельянецъ заявили, что они желаютъ открыть тайну; вслѣдствіе этого товарища ихъ повѣсили, ихъ же отправили въ Луцкій гродскій судъ. Здѣсь они оговорили своего приходскаго священника Александра Бендеровскаго, утверждая, что за двѣ недѣли до Пасхи священникъ, при выходѣ изъ церкви, задержалъ будто всѣхъ троихъ судившихся крестьянъ, объявилъ имъ, что наканунѣ Пасхи рѣшено истребить повсемѣстно дворянъ и евреевъ, уговаривалъ ихъ принять участіе въ этомъ дѣлѣ, обѣщалъ припасти оружіе и приказалъ сказанное держать въ глубокой тайнѣ. Бендеровскій былъ немедленно арестованъ и произведено слѣдствіе о его поведеніи, не открывшее, впрочемъ, ничего существеннаго; судъ узналъ лишь, что священникъ часто напивался, въ пьяномъ видѣ разгонялъ своихъ домашнихъ и оскорблялъ мать и что, бывши во время св. Пасхи въ гостяхъ у сосѣдняго экономa, когда послѣдній, приглашая гостей къ столу, сказалъ въ шутку: „Рѣжьте поросенка, пока насъ самихъ станутъ рѣзать,“ Бендеровскій отвѣтилъ также въ видѣ шутки: „если бы вы были нашей вѣры, то вамъ нечего было бы опасаться.“ Этимъ и ограничились всѣ улики; тѣмъ не менѣе судъ приговорилъ священника Бендеровскаго къ смертной казни. Но до исполненія ея, по закону слѣдовало, чтобы епископъ снялъ съ него духовный санъ. Между тѣмъ луцкій уніатскій епископъ Стефанъ Левинскій считалъ приговоръ несправедливымъ и незаконнымъ; онъ апеллировалъ къ папскому нунцію и въ сеймъ и объявилъ, что не имѣетъ права

лишать подсудимаго сана безъ разрѣшенія нунція, а въ ожиданіи отвѣта оттягивалъ дѣло въ теченіе трехъ недѣль. Все это время онъ подвергался нападкамъ и оскорбленіямъ со стороны дворянъ, которые, наконецъ, составили заявленіе въ судъ о томъ, что епископъ покровительствуетъ заговору, и пригрозили ему, что внесутъ этотъ протестъ въ гродскія книги, если онъ долѣе будетъ упорствовать въ отказѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ дворяне вытребовали приказъ гродскаго суда Луцкому магистрату---исполнить приговоръ 25 мая не взирая на то, будетъ ли къ тому времени снятъ съ подсудимаго санъ, или нѣтъ. Епископъ послѣ этого поколебался, но потребовалъ, чтобы ему были даны для пересмотра документы процесса; судъ исполнилъ его просьбу и выдалъ весьма неохотно документы, впрочемъ срокомъ лишь на однѣ сутки, для того же, чтобы предупредить вмѣшательство столичныхъ властей, коммиссія распорядилась въ теченіе сутокъ прекратить всякое сообщеніе города съ окрестностями. 25 мая епископскій судъ приговорилъ Бендеровскаго къ лишенію сана. Немедленно послѣ исполненія церемоніи подсудимаго повели на казнь; передъ смертью онъ каялся въ пьянствѣ и неуважительномъ отношеніи къ матери, но утверждалъ, что о бунтѣ онъ ровно ничего не зналъ. Когда послѣ казни возстановлено было сообщеніе съ городомъ, то почта доставила въ судъ полученное за сутки предписаніе сейма о томъ, чтобы воздержаться отъ исполненія казни и доставить подсудимаго въ Варшаву[1]).

Другой процессъ, окончившійся такъ же трагически, возникъ по обвиненію священника изъ села Староселья, Ѳедора Борковскаго; священникъ этотъ, какъ видно изъ собранныхъ судомъ о немъ свѣдѣній, человѣкъ уже не молодой (59 лѣтъ) и совсѣмъ необразованный, отличался не-трезвымъ поведеніемъ; во время попоекъ говорилъ несообразныя рѣчи, при чемъ неоднократно повторялъ ходившіе слухи о предстоящемъ весною возстаніи, объ ожидаемомъ появленіи сына Гонты и т. д. Рѣчи эти не произво-

[1]) См. №№ CXXVIII—CXXXIII, стр. 227—243. Kalinka, I, стр. 482—485. Бродовичъ, стр. 41—48 52, 59.

дили впечатлѣнія на крестьянъ, которые оставляли ихъ безъ отвѣта или протестовали противъ ихъ достовѣрности. Борковскій вообще не пользовался авторитетомъ среди крестьянъ: прихожане попрекали его пьянствомъ и были раздражены его чрезмѣрными вымогательствами платы за совершеніе требъ. Слухи о несвязныхъ рѣчахъ Борковскаго дошли до коммиссіи, и онъ былъ арестованъ; изъ допросовъ, снятыхъ съ него, ничего существеннаго не оказалось, но дѣло затягивалось, и священникъ сильно тяготился тюремнымъ заключеніемъ среди большой толпы арестантовъ, въ нечистотѣ, въ кандалахъ, при скудной пищѣ. Тогда его адвокатъ Яворовскій посовѣтовалъ ему измѣнить показанія и признаться въ небывалыхъ преступленіяхъ, по примѣру Лукаевича, увѣривъ его, что это единственный путь къ спасенію изъ тюрьмы. Послѣ нѣкотораго колебанія Борковскій согласился послѣдовать совѣту. Яворовскій сочинилъ фантастическій разсказъ, который священникъ подписалъ и представилъ въ судъ, какъ чистосердечное признаніе, прося замѣнить имъ прежнія показанія. Въ разсказѣ этомъ значилось, что разъ ночью священникъ отправился въ церковь и неожиданно встрѣтилъ въ оградѣ пилипона Семена Брусова, который объявилъ ему, что онъ одинъ изъ 3,000 агентовъ, присланныхъ въ Польшу изъ Россіи, „изъ земли Китайской, лежащей по ту сторону Петербурга“, что агенты прибыли съ цѣлью организовать крестьянское возстаніе и что Брусовъ предлагаетъ Борковскому принять въ немъ участіе; затѣмъ онъ выдалъ священнику сто рублей на расходы пропаганды и взялъ съ него росписку въ книжкѣ, въ которой было уже записано много подобныхъ квитанцій, но Брусовъ не позволилъ ихъ прочитывать; затѣмъ Борковскій пытался дѣлать крестьянамъ намеки, но, не встрѣтивъ сочувствія, отказался отъ дальнѣйшей пропаганды, деньги же истратилъ на свои нужды. Къ этимъ письменнымъ показаніямъ Борковскій прибавилъ словесно на судѣ, будто онъ припасъ оружіе и зарылъ таковое. Судъ распорядился арестовать Брусова и отрыть спрятанное оружіе, но послѣдняго не оказалось ни слѣда въ указан-

номъ мѣстѣ, и маркотана Брусова не нашли среди арестантовъ и никто не видѣлъ его въ Староселье. Пока происходили эти розыски, наступилъ срокъ перерыва судебныхъ засѣданій, и дѣло Борковскаго было отложено до слѣдующей сессіи. Въ промежуткѣ Борковскому было разъяснено, насколько опасенъ принятый имъ методъ защиты. Явившись въ первое судебное засѣданіе, онъ объявилъ, что поданное имъ признаніе вымышлено и составлено исключительно по внушенію адвоката; но судъ этого заявленія не принялъ и приговорилъ подсудимаго къ смертной казни, прибавивъ, что предварительно онъ обратится къ епископу, если это нужно будетъ, съ предложеніемъ о лишеніи сана. Епископъ Левинскій, опасаясь гнѣва дворянъ и исполненія казни безъ участія духовной власти, потребовалъ въ свой судъ и дѣло и подсудимаго; послѣдній еще разъ клялся, что онъ взвалилъ на себя вину напрасно, внявъ лишь совѣту адвоката; епископскій судъ три дня обдумывалъ свое рѣшеніе, но малодушно не устоявъ, составилъ приговоръ о лишеніи сана, и на слѣдующій день (11 августа) Борковскій былъ обезглавленъ среди луцкаго рынка[1]).

При всемъ малодушіи и запуганности уніатскаго епископа и его консисторіи, пассивное заступничество ихъ за подсудимыхъ раздражало въ высокой степени порядковую коммиссію и находившійся подъ ея вліяніемъ луцкій судъ. Видя въ этомъ заступничествѣ признакъ сочувствія заговору, коммиссія рѣшилась впутать въ дѣло членовъ высшаго уніатскаго клира. Уже въ дѣлѣ Борковскаго встрѣчаемъ намеки на то, что арестовавшій его инстигаторъ Карповскій велъ съ нимъ на пути въ Луцкъ подозрительные разговоры[2]). Въ дальнѣйшихъ процессахъ духовныхъ лицъ это стремленіе коммиссіи становится все яснѣе и яснѣе.

Нападеніе на луцкую уніатскую консисторію поведено было по слѣдующему поводу. Два товарища кавалеріи народовой, Гонт-

---

[1]) См. №№: CLI—CLIV, стр. 275—285. Бродовичъ, стр. 24, 49—51, 60—61, 104—105, 107—110, 115—116 и приложенія стр. 233.

[2]) См. № CLII, стр. 279—280.

ковскій и Дмошинскій, проѣзжая черезъ село Хорупань, остановились здѣсь на отдыхъ; имъ отведена была квартира въ домѣ священника Ивана Глодовскаго. Въ разговорѣ съ хозяиномъ товарищи разсказывали о происходящихъ казняхъ и арестахъ священниковъ и прибавили, что „сами вы виноваты, замышляя дурныя дѣла.“ Священникъ, человѣкъ старый (70 лѣтъ) и крайне неразвитой, отвѣтилъ пословицею: „на чьемъ возу сидишь, того пѣсеньку поешь“, прибавивъ, что каждый долженъ исполнять предписанія начальства. „Отъ кого же вы имѣете такія предписанія?“ спросили товарищи. „Отъ епископа“, былъ отвѣтъ. Товарищи записали весь разговоръ и представили въ коммиссію. Глодовскаго немедленно арестовали, препроводили въ Дубенскую крѣпость и подвергли допросу. Такъ какъ существованія епископскаго циркуляра не было возможности установить, то вопросъ этотъ былъ оставленъ въ сторонѣ и вниманіе слѣдствія было сосредоточено на дѣйствіяхъ члена консисторіи Симеона Карповскаго, который, по должности своей сборщика пошлинъ съ духовныхъ, объѣзжалъ постоянно епархію и знакомъ былъ лично со всѣми священниками. Глодовскій показалъ, что въ домѣ священника села Иваня, Василевскаго, Карповскій велъ разговоръ политическаго содержанія, въ которомъ утверждалъ, что когда русскіе отнимутъ Константинополь у турокъ, то Польша будетъ покорена и принуждена присоединиться къ православію, что Карповскій, встрѣтивъ подсудимаго въ Дубнѣ, во время контрактовъ, говорилъ ему о предписаніи уніатской консисторіи относительно истребленія дворянъ и совѣтовалъ подготовлять къ тому крестьянъ, что, наконецъ, священникъ изъ села Суража, Свидерскій, получилъ какое-то письмо весьма страшнаго характера, которое онъ сжегъ, но что содержаніе этого письма извѣстно священнику м. Рахманова, Каролинскому. Всѣ оговоренныя лица были арестованы и допрошены; священникъ Василевскій не подтвердилъ показаній Глодовскаго, священники же Свидерскій и Каролинскій объяснили, что инкриминированное письмо было получено Свидерскимъ отъ его брата, живущаго въ Галиціи, и содержало описаніе преслѣдо-

ваній. какимъ подвергается католическое духовенство въ Австріи Всѣ эти священники, равно какъ и Глодовскій, были освобождены, и все дѣло сосредоточилось на желаніи доказать виновность Карповскаго. Оговоръ Глодовскаго былъ признанъ правдивымъ и судъ отказалъ обвиняемому въ опросѣ свидѣтелей; показанія, даваемыя имъ, записывались на судѣ, несмотря на его протесты, въ извращенномъ видѣ; къ нему подослана была какая-то дама, пани Рогузская, которая, оказывая ему мнимое участіе, взялась передавать его письма къ друзьямъ и сообщала ихъ въ коммиссію, гдѣ съ нихъ списывали копіи; затѣмъ вспомнили показанія казненнаго Борковскаго и пріобщили ихъ къ дѣлу: въ нихъ значилось, что Карповскій говорилъ, будто папская булла не разрѣшаетъ уніатамъ переходить въ католичество, что, препровождая Борковскаго въ Луцкъ, онъ въ дорогѣ всячески его ободрялъ и т. д.—Сознавая, какой оборотъ принимаетъ его дѣло, Карповскій палъ духомъ и написалъ одному изъ своихъ друзей письмо, въ которомъ просилъ прислать ему яду, который онъ приметъ въ случаѣ, если будетъ приговоренъ къ смертной казни; письмо это попало, конечно, въ руки коммиссіи и было включено въ обвинительный актъ въ качествѣ попытки на самоубійство. Луцкій гродскій судъ, послѣ трехмѣсячнаго тюремнаго заключенія, основываясь на показаніяхъ Глодовскаго и Борковскаго и прибавивъ лишь къ нимъ замѣчанія, что Карповскій слишкомъ много разъѣзжалъ по епархіи и замѣченъ былъ въ пристрастіи къ женскому полу, издалъ приговоръ, которымъ приговорилъ его на трехлѣтнее заключеніе въ Каменецкой крѣпости и затѣмъ на пожизненное заточеніе въ монастырѣ. Онъ былъ немедленно препровожденъ въ Дубно, а оттуда подъ военною эскортою доставленъ въ Каменецъ. Здѣсь онъ просидѣлъ два года съ лишнимъ, пока совершенно неожиданный случай не далъ ему возможности освободиться. Въ каменецкомъ гарнизонѣ служилъ въ рангѣ капитана итальянецъ Бачіарели, братъ королевскаго любимца и секретаря, Фридерика Бачіарели; капитанъ, познакомившись съ Карповскимъ и узнавъ отъ него подробности

дѣла, взялся за него ходатайствовать; онъ послалъ брату прошеніе Карповскаго съ горячею просьбою представить все дѣло на усмотрѣніе короля. По настоянію послѣдняго, Люблинскій трибуналъ потребовалъ для пересмотра дѣло Карповскаго, кассировалъ приговоръ луцкаго суда и приказалъ освободить узника [1]).

Священникъ села Осницы Доминикъ Мицевичъ былъ арестованъ по доносу, что онъ имѣлъ сношенія съ маркетанами; препровожденный въ Луцкъ, онъ показалъ, что дѣйствительно два раза къ нему заѣзжали маркетаны, что онъ покупалъ у нихъ платки и замки и ни о чемъ другомъ съ ними не говорилъ; судъ приказалъ ему подтвердить присягою показанія и освободилъ отъ отвѣтственности [2]). Между тѣмъ, узнавъ объ его арестѣ, его отецъ, священникъ изъ мѣстечка Рафаловки, Ѳедоръ Мицевичъ поѣхалъ въ село Осницу, чтобы узнать о судьбѣ сына и помочь по возможности его горю. Узнавъ о его выѣздѣ, помѣщикъ Рафаловки, Олизаръ, отправилъ вслѣдъ за нимъ отрядъ милиціи, съ приказомъ арестовать его и доставить также въ Луцкъ. Мицевичъ попытался задобрить милиціонеровъ водкою, но самъ при случаѣ сильно напился; когда его стали сажать на сани, онъ поднялъ крикъ, угрожалъ арестовавшимъ клятвою и взывалъ къ крестьянамъ какъ въ Осницѣ, такъ и во встрѣтившемся на пути м. Чарторыйскѣ, чтобы они его освободили. Затѣмъ коммиссія взвалила на него обвиненіе въ сношеніяхъ съ маркетанами и въ подстреканіи крестьянъ къ бунту и какъ доказательство привела странный фактъ: за нѣсколько времени до ареста Ѳ. Мицевичъ въ дружеской бесѣдѣ съ экономомъ Милковскимъ, приложивъ палецъ къ его груди, сказалъ шуточно: „не нужно ли вамъ продѣлать отверстія къ сердцу?“ На основаніи этихъ данныхъ коммиссія приговорила подсудимаго къ смертной казни. Къ его счастью, въ то время пришло распоря-

---

[1]) См. №№: CXXXIV—CXLII, стр. 243—261, Бродовичъ, стр. 37—38, 53, 56—57, 104, 111 и 117.

[2]) См. № CLX, стр. 294.

женіе сейма, запрещавшее коммиссіи издавать и исполнять приговоры. Дѣло было пріостановлено и передано въ гродскій судъ, который, провѣривъ показанія, нашелъ, что въ дѣлѣ нѣтъ никакихъ данныхъ относительно сношеній Мицевича съ пилипонами и подстрекательства крестьянъ; Милковскій не подтвердилъ показанія объ отверстіи къ сердцу. За сопротивленіе же во время ареста и воззванія къ народу въ тревожное время судъ приговорилъ Мицевича къ годичному тюремному заключенію, засчитавъ время предварительнаго заключенія [1]).

Священникъ села Яблонки, Епифаній Бубаловичъ состоялъ уже давно въ недружелюбныхъ отношеніяхъ съ помѣщикомъ своего села Богуцкимъ; послѣдній еще въ 1782 г. отнялъ церковныя земли, пожертвованныя его предками; и обвинилъ священника предъ епископомъ въ предосудительномъ поведеніи; однако епископскій судъ, разсмотрѣвъ дѣло, призналъ поведеніе священника безупречнымъ и заставилъ помѣщика возвратить церковныя земли. Теперь, пользуясь смутнымъ временемъ, послѣдній рѣшился отмстить Бубаловичу. Призвавъ во дворъ пономаря, Андрея Кабасюка, онъ прочиталъ ему обвинительные пункты противъ священника и требовалъ признанія ихъ правдивости; встрѣтивъ рѣшительный отказъ пономаря, онъ приказалъ его сѣчь, пока послѣдній не посвидѣтельствуетъ обвиненія; послѣ 300 ударовъ Кабасюкъ далъ согласіе. Тогда Богуцкій призвалъ 12 крестьянъ изъ сосѣднихъ селъ и приказалъ пономарю въ ихъ присутствіи повторить обвиненіе, пріобрѣвъ такимъ образомъ положенное закономъ количество свидѣтелей. Обвиненія состояли въ слѣдующемъ. Къ Бубаловичу пріѣзжалъ благочинный изъ мѣстечка Колковъ Никифоръ Костюкевичъ и братъ его, священникъ села Собятина Стефанъ Бубаловичъ; они втроемъ о чемъ-то совѣщались, и вскорѣ послѣ того оба брата Бубаловича купили старыя ружья и о. Епифаній часто ѣздилъ въ Колки къ

---

[1]) См. № CLXXVIII, стр. 319—322; Бродовичъ, стр: 27—28, 31, 60. Kalinka, I, стр. 482.

благочинному; онъ предостерегалъ крестьянъ, что у нихъ будутъ отбирать оружіе. Послѣ ареста благочиннаго, Бубаловичъ заявилъ о томъ сожалѣніе и упрекалъ крестьянъ, что они допустили его арестовать; онъ заявлялъ досаду на то, что не засталъ въ Колкахъ пилипоновъ и не успѣлъ купить у нихъ ножей и въ нетрезвомъ видѣ говорилъ несвязныя рѣчи о пилипонахъ; по неизвѣстной причинѣ исповѣдывалъ въ началѣ поста только женщинъ, а мужчинъ лишь въ концѣ; наконецъ, другой братъ Бубаловича, Карпъ, во время обезоруживанія крестьянъ сказалъ: „пусть забираютъ наши косы и порѣжутся ими, я могъ бы ихъ побить и дубиною.“—На основаніи этихъ обвиненій гродскій судъ приговорилъ Епифанія Бубаловича къ тюремному заключенію въ продолженіе 12 лѣтъ, Стефана Бубаловича къ церковному покаянію, а брата ихъ Карпа къ тѣлесному наказанію 100 ударами и отдачѣ пожизненно въ солдаты. Бубаловичи апеллировали въ Люблинскій трибуналъ, но намъ не извѣстенъ дальнѣйшій ходъ ихъ дѣла [1]). Нѣсколько иной оборотъ получило дѣло благочиннаго Костюкевича; не было возможности найти противъ него свидѣтелей; двое крестьянъ, которыхъ понуждали розгами къ свидѣтельству, умерли отъ истощенія въ тюрьмѣ, не показавъ ничего во вредъ ему. Наконецъ благочинный успѣлъ выхлопотать переизслѣдованіе дѣла на мѣстѣ; на его основаніи судъ освободилъ Костюкевича отъ всякой отвѣтственности, признавъ всѣ взводимыя на него обвиненія вымышленными и убѣдившись, что его разъѣзды и собранія у него священниковъ происходили по дѣламъ церковнымъ, что сходки въ его домѣ мѣщанъ происходили съ цѣлью разысканія городскихъ правъ мѣстечка, складчины же собирались на постройку новаго иконостаса [2]).

Гораздо жесточе луцкаго суда былъ судъ гродскій Кременецкій. Предсѣдатель этого суда Янъ Загурскій и гродскій писарь, Святоянскій, вполнѣ подчинившись господствовавшей паникѣ, почитали своимъ дѣломъ истребить побольше мнимыхъ заговорщиковъ;

[1]) См. №№ CXLIX и CL, стр. 270—274. Бродовичъ, стр. 59—60.

[2]) См. №№: CLV—CLVII, стр. 285—291. Бродовичъ, стр. 24, 103, 123—125.

по отношенію къ нимъ они считали лишнимъ соблюдать всѣ закономъ установленныя гарантіи: они не требовали законнаго количества свидѣтелей; иногда совсѣмъ не обращались къ свидѣтелямъ, ограничиваясь допросами, доставленными офицерами и помѣщиками, отобранными съ жестокимъ пристрастіемъ. Арестантовъ—крестьянъ и священниковъ содержали въ помѣщеніяхъ крайне тѣсныхъ, сырыхъ и переполненныхъ нечистотами; на ночь арестантамъ ущемляли ноги въ деревянныя колоды и не снабжали ихъ пищею. Многіе арестанты умерли въ тюрьмѣ, другіе признавались въ мнимыхъ преступленіяхъ, лишь-бы избавиться отъ тюремной обстановки.— Этими обстоятельствами объясняется странный ходъ дѣла священника села Нижнихъ Дедеркалъ, Матѳея Хращевскаго. Священникъ этотъ поссорился съ дьякомъ и послѣдній въ ссорѣ назвалъ его гайдамакою. Извѣстіе объ этомъ дошло до свѣдѣнія шамбеляна Іоакима Дениска, начальника милиціи въ Ямпольскомъ округѣ, который приказалъ арестовать Хращевскаго и доставить въ свое село Загорцы; здѣсь онъ былъ подвергнутъ допросу и четыре раза мѣнялъ свои показанія: первоначально онъ показалъ, что въ декабрѣ 3 маркетана ночевали у крестьянина Мартына Драпалюка, что онъ купилъ у нихъ два платка и кусокъ ситца и ни о чемъ съ ними не разговаривалъ; на другой день, посовѣтовавшись съ мѣстнымъ священникомъ и въ виду обѣщанія Дениска, что, въ случаѣ признанія, онъ получитъ свободу, онъ видоизмѣнилъ показанія, утверждая, что маркетаны вербовали его въ заговорщики, что дали ему и Драпалюку по 200 рублей, за которые онъ обязался навербовать для возстанія 10 человѣкъ, Драпалюкъ же 40, и что они въ этомъ принесли присягу. Дениско отправилъ Хращевскаго и четыре его разнорѣчивыя показанія въ кременецкій судъ. Здѣсь священникъ опять четыре раза давалъ показанія, то признавая вину, то отрицая ее и каждый разъ мѣняя подробности разсказа. Арестованный Драпалюкъ и трое крестьянъ, вызванные въ свидѣтели изъ Дедеркалъ, признали, что три маркетана дѣйствительно ночевали въ ихъ селѣ и продавали мелкіе товары, но отрицали

всякія свѣдѣнія о пропагандѣ бунта. Тѣмъ не менѣе Кременецкій судъ, на основаніи собственнаго признанія, приговорилъ Хращевскаго къ смертной казни. Къ счастью его, епископъ отказался снять съ него санъ, указывая на незаконное веденіе дѣла и на отсутствіе въ немъ необходимыхъ документовъ. Дѣло было перенесено въ Люблинскій трибуналъ, который кассировалъ приговоръ кременецкаго суда, выразилъ послѣднему порицаніе за незаконные поступки, призналъ обвиненія недоказанными и приказалъ освободить какъ Хращевскаго, такъ и Драпалюка, приговореннаго къ шестилѣтнему заключенію въ крѣпости [1]).

Такая же участь угрожала благочинному кременецкому Павлу Громачевскому, человѣку весьма почтенному и образованному.— Онъ былъ арестованъ по доносу судовыхъ канцеляристовъ, бывавшихъ въ его домѣ, и препровожденъ въ Дубенскую крѣпость. Комендантъ этой крѣпости, князь Любомирскій, знавшій лично Громачевскаго, далъ строгій выговоръ арестовавшему его офицеру и приказалъ освободить благочиннаго; но въ виду вызваннаго этимъ распоряженіемъ раздраженія, доходившаго до того, что кн. Любомирскаго заподозрили во взяткѣ, онъ распорядился отправить Громачевскаго въ Варшаву на усмотрѣніе сеймовой депутаціи. Здѣсь было разсмотрѣно его дѣло; ему выдали дипломъ отъ имени сейма, удостовѣряющій его невинность, наградили золотою медалью и отпустили домой. Здѣсь однако озлобленіе противъ него было столь сильно, что онъ долженъ былъ перемѣнить мѣсто службы [2]).

Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ коммиссія порядковая и находившіеся подъ ея вліяніемъ суды гродскіе луцкій и кременецкій свирѣпствовали надъ подсудимыми, доискиваясь мнимаго заговора и наказывая лицъ, которыя имъ казались причастными къ таковому; но наконецъ паника стала мало-по-малу стихать,—и дѣла подсу-

---

[1]) См. №№: CCI, стр. 350; CCII, стр. 356—364, CCX, стр. 380. Бродовичъ, стр. 113, 85—86.

[2]) Бродовичъ, стр. 33, 77, 112. См. № CLXVIII, стр. 306.

димыхъ стали разсматривать съ меньшимъ предубѣжденіемъ. Уже во второй половинѣ мая луцкій судъ сталъ проявлять болѣе мягкое отношеніе къ обвиненнымъ: онъ освободилъ многихъ священниковъ, арестованныхъ неосновательно, по самымъ ничтожнымъ подозрѣніямъ; такъ освобождены были священники: Волковичъ, Антоневичъ, Семигиновскій и Яроцкій, вся вина которыхъ состояла въ томъ, что они разновременно покупали платки у пилиповъ [1]). Освобожденъ былъ Клеванскій благочинный, Илія Гусаковскій, обвинявшійся въ томъ, что во время тревоги, убоявшись доноса и ареста со стороны мѣстнаго управляющаго, съ которымъ онъ былъ въ ссорѣ, уѣхалъ на нѣкоторое время изъ дому [2]). Также освобождены были священники: Полетылло, противъ котораго не оказалось никакихъ обвиненій, и Дамьянъ Голубовичъ, обвинявшійся въ томъ, что въ разговорѣ съ другими духовными онъ поносилъ дворянина Домбровскаго [3]). Очень характерны подробности ареста послѣдняго: жившій по сосѣдству съ нимъ арендаторъ села Шапра, дворянинъ Соболевскій, арестовалъ шестерыхъ священниковъ изъ своей мѣстности и доставилъ ихъ подъ конвоемъ въ Луцкъ; здѣсь, остановившись на рынкѣ, онъ предложилъ имъ откупиться; четверо, воспользовавшись его предложеніемъ, получили свободу, два остальные, не имѣвшіе нужныхъ для выкупа средствъ: Голубовичъ и Антоневичъ, были сданы въ тюрьму на усмотрѣніе порядковой коммиссіи [4]).

Въ іюнѣ мѣсяцѣ и Кременецкій судъ смягчилъ свое отношеніе къ подсудимымъ: онъ разрѣшилъ имъ собирать для оправданія свидѣтельскія показанія и въ значительной мѣрѣ смягчилъ свои приговоры. Такъ священникъ Даніилъ Подчашинскій, обвиненный въ сношеніяхъ съ маркетанами, въ заготовленіи оружія и въ подстрекательствѣ къ бунту, успѣлъ добиться вызова свидѣтелей, пока-

---

[1]) См. №№ CLVIII, стр. 191—192: CLXI, стр. 295—296; CLXV, стр. 300—301; CLXXVII, стр. 317.

[2]) См. № CLXIV, стр. 298—300.

[3]). См. №№: CLXIII, стр. 297 и CLXII, стр. 296—297.

[4]) Бродовичъ, стр. 27.

заніями которыхъ всѣ обвиненія были опровергнуты и вся вина подсудимаго оказалась лишь въ томъ, что онъ произносилъ угрозы противъ евреевъ, за что судъ приговорилъ его къ мѣсячному тюремному заключенію [1]).—Къ такому же наказанію былъ приговоренъ священникъ Юстинъ Мартыновичъ за то, что годъ назадъ, бывши въ гостяхъ въ францисканскомъ монастырѣ, когда среди попойки зашелъ разговоръ объ ожидавшихся смутахъ, онъ совѣтовалъ францисканамъ перейти для безопасности въ унію и затѣмъ велъ себя неприлично [2]).—Священникъ Долинскій изъ Васьковецъ и трое крестьянъ обвинялись въ произнесеніи угрозъ противъ поляковъ и евреевъ и въ заготовленіи оружія. Свидѣтельскія показанія доказали неосновательность обвиненій, и подсудимые были оправданы, хотя двоихъ крестьянъ судъ приговорилъ къ тѣлесному наказанію по 50 ударовъ вообще за дерзкій нравъ [3]). Священники: Кухальскій и Терлецкій, подозрѣвавшіеся въ перепискѣ о дѣлахъ заговора на основаніи письма, содержавшаго неясныя выраженія, доказали, что письмо это было писано по поводу дѣла, производившагося въ консисторіи, и неясныя выраженія были употреблены по нежеланію компрометировать членовъ консисторіи. Оба были освобождены, равно какъ и священники Ланецкій и Бечковскій и два сына послѣдняго, такъ какъ противъ нихъ не было заявлено никакого обвиненія [4]).—

Казалось такимъ образомъ, что волненіе среди шляхетскаго общества приходитъ къ концу; одни стали убѣждаться въ призрачномъ характерѣ заговора, другіе торжествовали, полагая, что они предупредили вспышку энергическими охранительными мѣрами и жестокими казнями [5]).—Но неожиданно случился эпизодъ, который вновь на нѣкоторое время возбудилъ улегавшееся броженіе и какъ будто раскрывалъ въ фактическихъ подробностяхъ искомый заго-

---

[1]) См. №№: CLXIX - CLXX, стр. 307—309.
[2]) См. № CLXVI, стр. 301—303.
[3]) См. № CLXXIII, стр. 312—313.
[4]) См. №№ CXCIV, стр. 344—345 и CLXXIV, стр. 314—315.
[5]) См. CXLVIII, стр. 268—270.

воръ. Съ самаго начала дѣятельности порядковой коммиссіи принятыя ею экстренныя мѣры: разоруженіе крестьянъ, разъѣзды военныхъ командъ, многочисленные аресты и допросы и т. п. навели на крестьянскую массу ужасъ и трепетъ и породили разнородные слухи, догадки и чисто фантастическія повѣсти. Среди общей тревоги одни для личнаго спасенія, другіе просто по нервному аффекту стали выдумывать небылицы, наговаривать на себя и на другихъ. Такъ, въ началѣ еще розысковъ, какой-то нищій заявилъ, что онъ разносилъ записки отъ маркетановъ къ священникамъ, призывавшія ихъ къ оружію, и что оставшіяся у него воззванія онъ спряталъ въ крышу на своей родинѣ, въ с. Торчинѣ.—Оказалось, что оговоренные священники никогда его не видали, экономія же и крестьяне Торчина удостовѣрили, что въ этомъ селѣ онъ не жилъ и что его тамъ не знаютъ; въ указанной имъ крышѣ ничего не было найдено—онъ просто оказался умопомѣшаннымъ, и владимірскій подстароста Заленскій на всякій случай приказалъ его повѣсить[1]).

Другой аналогическій случай имѣлъ гораздо болѣе печальныя послѣдствія. Въ окрестности м. Волочиска, въ селѣ Рабіевкѣ, лежащемъ на границѣ Подольскаго воеводства, мѣстный помѣщикъ Ѳеодоръ Ястржембскій задержалъ прохожаго крестьянина, Кирилла Пундыка, который почему-то показался ему переодѣтымъ запорожцемъ, и сталъ его допрашивать; въ теченіе двухъ сутокъ Ястржембскій сначала одинъ, потомъ при участіи шляхтичей сосѣдей произвелъ 4 раза допросы. Арестантъ показалъ, что онъ крестьянинъ, родомъ изъ села Глубочка, въ окрестности Тарнополя, по профессіи мельникъ, что пришелъ изъ-за кордона уже три года и проживалъ въ разныхъ селахъ и мѣстечкахъ на пограничной чертѣ Волыни и Подоліи, нанимаясь работникомъ на мельницы. Это простое показаніе не удовлетворило Ястржембскаго: онъ сталъ допрашивать Пундыка о заговорѣ и вынудилъ розгами его признаніе. Послѣ этого допросы были направлены на раскрытіе заговора и отъ обвиняе-

[1]) Бродовичъ, стр. 28—29.

маго потребовали полнаго перечня его сообщниковъ и изложенія извѣстныхъ ему подробностей заговора. „Запорожецъ Кирило Пундыкъ, апостолъ бунта“,—такъ его назвалъ Ястржембскій въ протоколѣ допросовъ,—поощряемый розгами, далъ весьма пространное показаніе: онъ утверждалъ, что къ заговору примкнуло до 5,000 участниковъ, что гетманомъ состоитъ „попъ изъ села Карповецъ“, что подъ его начальствомъ находится 8 дивизій, руководимыхъ каждая отдѣльнымъ комендантомъ, священникомъ или крестьяниномъ (въ дальнѣйшихъ показаніяхъ онъ увеличилъ вдвое количество комендантовъ); затѣмъ онъ сообщилъ перечень около 80 селъ и мѣстечекъ, въ которыхъ онъ указалъ число заговорщиковъ, называя многихъ поименно; вообще въ его показаніи оговорено до 500 лицъ. Напрягая по возможности память, Пундыкъ включилъ въ свой перечень всѣ села, въ которыхъ проживалъ, которыя ему встрѣчались на пути, или названія которыхъ онъ слышалъ; изъ оговоренныхъ лицъ онъ ниодного священника не зналъ ни по имени, ни по фамиліи и называлъ лишь имена приходовъ; большинство крестьянъ онъ зналъ лишь по крестному имени, многихъ не зналъ даже именъ, а указывалъ лишь мѣстоположеніе ихъ усадьбъ или семейныя ихъ отношенія, напр. „тотъ, что живетъ за плотиною“, „тотъ, который имѣетъ свой прудъ“, „тотъ, который служилъ сторожемъ“, „сапожникъ, который женился на дочери мельника“ и т. п[1]).—Списавъ эти показанія со словъ арестанта, Ястржембскій препроводилъ его вмѣстѣ съ допросами въ распоряженіе ближайшей военной команды въ м. Базалію; здѣсь опять его допросили съ пристрастіемъ и препроводили въ Волынскую порядковую коммиссію.—Послѣдняя опять допросила подсудимаго и торжественно заявила объ окончательномъ раскрытіи заговора какъ сеймовую депутацію, такъ и порядковыя коммиссіи сосѣднихъ воеводствъ, самого же Пундыка препроводила въ Кременецкій гродскій судъ. Здѣсь опять произведены были допросы и началось немедленно слѣдствіе надъ огово-

[1]) См. № CCIII, стр. 364–369.

ренными лицами; сеймовая депутація вытребовала подсудимаго для допроса въ Варшаву и затѣмъ возвратила его опять въ Кременецъ въ качествѣ необходимаго свидѣтеля при процессахъ оговоренныхъ имъ лицъ; такъ какъ многія изъ нихъ жили въ Подоліи, то его на время пересылали въ Каменецъ и Летичевъ, гдѣ опять повторялись допросы въ гродскихъ судахъ[1]).—Судя по одному изъ послѣднихъ варіантовъ, видно, что многочисленные допросы прошли для Пундыка не даромъ: въ началѣ пытка и страхъ внушили ему темы для показаній; вслѣдствіе систематически подставляемыхъ слѣдователями вопросовъ, мало-по-малу безсвязныя и наивныя первоначальныя показанія превращаются въ цѣлую фантастическую повѣсть, богато обставленную подробностями: въ ней фигурируютъ уже и маркетаны, и раздаваемыя ими большія суммы денегъ, разсказывается о тайныхъ собраніяхъ начальниковъ заговора, о принесеніи присяги, объ ожиданіи прибытія сына Гонты съ 14,000 козаковъ.—О себѣ подсудимый разсказываетъ, что онъ въ теченіе полугода исполнялъ должность агента, разносившаго прокламаціи, и такимъ образомъ перезнакомился со всею старшиною и т. п.

На основаніи показаній Пундыка открылся цѣлый рядъ процессовъ противъ лицъ, оговоренныхъ имъ, въ городахъ Кременецкомъ, Каменецкомъ и Летичевскомъ. О процедурѣ судовъ подольскихъ будетъ разсказано впослѣдствіи, теперь же укажемъ пріемы Кременецкаго суда, принявшагося за дѣло съ большою поспѣшностью и легкомысліемъ и съ взглядомъ, установленнымъ a priori. Во всѣхъ процессахъ порядокъ дѣлопроизводства былъ одинъ и тотъ же: оговоренныхъ лицъ арестовали и доставляли прежде всего въ военную команду, расположившуюся въ селѣ Святцѣ; здѣсь арестантовъ сѣкли, пока они не признавались во всѣхъ впередъ намѣченныхъ преступленіяхъ, и затѣмъ протоколы допросовъ и арестантовъ отсылали въ гродскій Кременецкій судъ. Здѣсь не только

---

[1]) См. №№: CCXXXIX, стр. 440—447; CCXLI—CCXLII, стр. 449—450. Бродовичъ, стр. 100.

не дѣлали новаго допроса, но отказывали въ вызовѣ свидѣтелей и не принимали объясненій о насильственномъ вынужденіи признанія. Исключительно на основаніи показаній Пундыка[1]) и допроса, снятаго въ Святцѣ, постановлялся приговоръ. Поведеніе Кременецкаго суда характеризовалъ Люблинскій трибуналъ, пересматривавшій нѣкоторые изъ произнесенныхъ имъ приговоровъ, слѣдующими словами: „Лица, обвиненныя въ бунтѣ Кирилломъ Пундыкомъ, прежде всего отсылались въ военныя команды въ Базалію и Святецъ, гдѣ, по свидѣтельству протоколовъ, доставленныхъ военными властями, они подвергались жестокому сѣченію; на судѣ не признавали показаній подсудимыхъ о томъ, что показанія были насильно отъ нихъ вымучены; многія показанія судомъ извращались (слѣдуютъ примѣры). Нѣкоторыя лица, особенно же Кирилло Пундыкъ постоянно перемѣнялъ свои показанія, такъ, что допросы, снятые съ него въ Кременецкомъ судѣ, менѣе достовѣрны и совсѣмъ не согласуются съ его показаніями передъ сеймовою депутаціею... такіе разсказы не могутъ служить судебнымъ доказательствомъ; въ процессахъ нѣтъ ни сознаній подсудимыхъ, ни свидѣтельскихъ показаній, которыя даже не собирались, что все не согласно съ основнымъ закономъ 1588 года“[2]).

При помощи указанныхъ пріемовъ всѣ процессы, разсмотрѣнные въ Кременецкомъ судѣ, крайне однообразны; всѣ подсудимые обвиняются въ сношеніяхъ съ маркетанами, въ получкѣ отъ нихъ денегъ, въ подготовкѣ бунта, принесеніи присяги, принятіи отъ Кирилла прокламацій и т. п. По всѣмъ процессамъ постановлены равно жестокіе приговоры и степень кары разнообразится лишь значеніемъ въ организаціи заговора, которое подсудимымъ приписывалъ Пундыкъ. Такое теченіе и исходъ имѣли въ кременецкомъ судѣ дѣла по обвиненію въ бунтѣ: Базалійскихъ мѣщанъ, священ-

[1]) Пундыкъ постоянно сбивался въ подробностяхъ и впадалъ въ противорѣчія. Многихъ изъ подсудимыхъ онъ не зналъ въ лицо и вмѣсто нихъ при очныхъ ставкахъ указывалъ другихъ и т. п. Бродовичъ, стр. 88.—

[2]) См. ССХ, стр. 379—380.

ника Ивана Маевецкаго и 14 крестьянъ изъ села Чабаны и окрестностей; священника села Глибки—Ѳедора Волшинскаго и 9 крестьянъ изъ селъ: Индыки и Пилипы; дѣло 11 крестьянъ изъ селъ Бубновки, Сергіевки и Юхимовецъ; 19 крестьянъ изъ села Западынецъ и дѣло священника Ивана Мисевича и 22 крестьянъ изъ мѣстечка Красилова и окрестностей [1]). По рѣшенію кременецкаго суда, по перечисленнымъ процессамъ 12 человѣкъ были приговорены къ смертной казни, 43 къ арестантскимъ работамъ въ Каменецкой крѣпости срокомъ на 1—6 лѣтъ и 21 къ тѣлесному наказанію. Изъ нихъ только два священника: Маевецкій и Волшинскій спаслись отъ грозившей имъ смертной казни, благодаря заступничеству епископа, который опротестовалъ приговоры и перенесъ дѣла въ Люблинскій трибуналъ; послѣдній, разсмотрѣвъ процессы, кассировалъ приговоры кременецкаго суда, объявилъ священниковъ по суду оправданными и приказалъ возвратить имъ свободу [2]). Надъ всѣми остальными осужденными приговоръ суда былъ исполненъ.

Гораздо спокойнѣе и тактичнѣе отнеслась къ возложенному на нее дѣлу Подольская порядковая коммиссія, не смотря на то, что паника здѣсь распространилась среди дворянъ не менѣе, чѣмъ на Волыни; коммиссія не только не усиливала этой паники, но старалась по возможности ее ослабить. Она сразу положила своею задачею, съ одной стороны, принять мѣры предосторожности, съ другой—раскрыть заговоръ, существованіе котораго коммиссія сама допускала, но раскрыть его пріемами законными, не увлекаясь предвзятыми положеніями и соблюдая всѣ законные пріемы судопроизводства. Коммиссія признавала за собою лишь власть административную и слѣдственную, но судебной власти себѣ не припи-

---

[1]) См. №№: CCIV—CCIX, стр. 367—377: CCXII—CCXVIII, стр. 382—389; CCXXI, стр. 400—401.

См. № CCX, стр. 378—381.

сывала. Дѣла объ обвиненныхъ и арестованныхъ лицахъ она тщательно изслѣдовала, отбирая показанія подсудимыхъ и свидѣтелей; всѣ дѣла по маловажнымъ обвиненіямъ она прекращала, отпуская на волю подсудимыхъ, и только болѣе важныя дѣла препровождала на рѣшеніе Каменецкаго и Летичевскаго гродскихъ судовъ, которые, раздѣляя точку зрѣнія коммиссіи, старались всѣми зависѣвшими отъ нихъ мѣрами добиться истины и, не находя сколько-нибудь вѣскихъ доказательствъ вины, оправдывали подсудимыхъ.— Это спокойное отношеніе къ дѣлу Подольская коммиссія сохранила во все время своего существованія, не смотря на то, что въ началѣ она подвергалась значительному натиску какъ со стороны Волынской коммиссіи, такъ и со стороны многихъ дворянъ Подольскаго воеводства. Немедленно послѣ полученія сеймоваго распоряженія Подольская коммиссія издала универсалъ къ дворянамъ своего воеводства, въ которомъ указала характеръ возложенной на нее функціи, и предложила имъ зорко слѣдить за настроеніемъ крестьянъ, арестовать всѣхъ заподозрѣнныхъ въ бунтѣ и отсылать ихъ въ распоряженіе коммиссіи, поставляя вмѣстѣ съ тѣмъ на видъ, что кроткое обращеніе съ крестьянами скорѣе всего можетъ способствовать[1]) успокоенію ихъ раздраженія, весьма естественнаго при ихъ крѣпостной зависимости.—При этомъ коммиссія указывала, что подымную подать, постановленную сеймомъ, дворяне должны уплачивать сами, не взыскивая ее съ крестьянъ. Затѣмъ, подъ натискомъ Волынской коммиссіи, Подольская постановила, чтобы дворяне завели въ своихъ селахъ десятниковъ шляхтичей, чтобы они обезоружили крестьянъ и чтобы всѣ маркетаны и безпаспортныя лица были задержаны и отосланы въ Каменецкую крѣпость[2]). Въ коммиссію стали поступать отношенія отъ дворянъ изъ разныхъ мѣстностей воеводства, свидѣтельствующія о ихъ тревожномъ настроеніи, съ жалобами на то, что крестьяне повсемѣстно

---

[1]) См. № XLII, стр. 94—96.
[2]) См. № XLIV, стр. 97—98.

произносятъ угрозы, и съ требованіемъ присылки войска; такія заявленія получены были отъ помѣщиковъ Летичевскаго повѣта, также изъ окрестностей Гусятина, Грудка, Хмѣльника и т. п.[1]). Для успокоенія тревоги, коммиссія отправила въ разъѣздъ по воеводству часть каменецкаго гарнизона и вскорѣ потомъ выпросила у генерала Дзержка небольшой отрядъ регулярной кавалеріи. Для облегченія сношеній съ военными командами, коммиссія организовала земскую почту[2]). Затѣмъ она отнеслась къ епархіальному начальству уніатской Каменецкой епархіи, прося ее оповѣстить циркулярно духовенство, дабы оно старалось проповѣдями успокаивать прихожанъ, и отправила просьбу къ проживавшему во Львовѣ каменецкому епископу Бѣлянскому о томъ, чтобы онъ переѣхалъ въ Каменецъ и поддержалъ своимъ авторитетомъ усилія коммиссіи[3]). Обо всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ коммиссія аккуратно посылала рапорты въ сеймовую депутацію и сообщала коммиссіямъ сосѣднихъ воеводствъ[4]).

Принимая эти мѣры, Подольская коммиссія въ то же время занялась весьма усердно производствомъ слѣдствія надъ арестованными лицами. Въ этомъ отношеніи подольскіе дворяне доставили ей обильный матеріалъ. Уже нѣсколько дней спустя послѣ открытія дѣйствій коммиссіи въ Каменецъ потянулись цѣлыя вереницы крестьянъ, арестованныхъ помѣщиками по самымъ маловажнымъ причинамъ. Въ одной монастырской лѣтописи подъ 4 числомъ апрѣля (коммиссія открылась 23 марта) мы встрѣчаемъ такую замѣтку: „Произошла большая тревога по поводу мнимаго заговора, будто-бы руководимаго пилипонами, агитирующими среди

---

[1]) См. №№: XLIII, стр. 96—97, LIII, стр. 111; LIX, стр. 117, CCLXII, стр. 487 и CCLXX, стр. 501.—

[2]) См. №№: XLVI, стр. 99—100, XLVIII, стр. 101; LXIII, стр. 119; CCXXI, стр. 502—503; LXI, стр. 119; LXII, стр. 120—122 и LXV, стр. 125.—

[3]) См. №№: XLVII, стр. 100 и LXIV, стр. 121.

[4]) См. №№ XLV, стр. 99; XLVIII, стр. 101; LI, стр. 105; LIV, стр. 112; LVII, стр. 114—115; LVIII, стр. 116; LXXIII стр. 133—134; LXXVIII, стр. 138 и CCXXIX, стр. 414—416.

уніатскаго духовенства. Нѣсколько десятковъ священниковъ арестованы и посажены въ Каменцѣ частью на гауптвахту, частью въ двухъ тюрьмахъ, устроенныхъ при Доминиканскомъ монастырѣ, гдѣ они ожидаютъ рѣшенія своей участи“ [1]). Вскорѣ и крѣпость и всѣ тюрьмы въ Каменцѣ были до того переполнены арестантами, что комендантъ крѣпости, полковникъ Ганицкій, обратилъ вниманіе коммиссіи на то, что гарнизонъ каменецкій значительно ослабленъ разсылкою патрулей по воеводству, что арестантовъ скопилось нѣсколько сотъ человѣкъ и комендантъ не имѣетъ возможности ни стеречь ихъ, ни противодѣйствовать имъ, если бы они вздумали насильно вырваться изъ тюрьмы [2]). Еще тревожнѣе отнесся къ этому факту каменецкій магистратъ: указывая на то, что большое скопленіе арестантовъ повліяло на значительное повышеніе цѣнъ съѣстныхъ продуктовъ, что вслѣдствіе скученности и тѣсноты помѣщеній могутъ развиться эпидеміи и что, въ случаѣ бунта арестантовъ, городу угрожаетъ полное разореніе, магистратъ просилъ коммиссію распорядиться казнить всѣхъ подсудимыхъ для устрашенія остального населенія. Коммиссія отнеслась къ этому прошенію неодобрительно; она отвѣтила магистрату, что никакая власть не можетъ казнить обвиненныхъ лицъ безъ суда и что магистратъ, если онъ опасается бунта арестантовъ, можетъ организовать мѣщанскую стражу въ помощь гарнизону [3]). Съ своей стороны коммиссія старалась по мѣрѣ возможности ускорить слѣдствіе и отпустить лицъ, арестованныхъ за маловажные проступки, но на ихъ мѣсто прибывали новые арестанты, такъ что, послѣ двухмѣсячныхъ усилій, въ концѣ мая состояло подъ стражею еще 70 лицъ, въ томъ числѣ 14 священниковъ, а еще черезъ мѣсяцъ, къ 1 іюля арестантовъ числилось 31 [4]).

---

[1]) Рукописная лѣтопись Сатановскаго монастыря въ рукописномъ отдѣленіи института Оссолинскихъ, во Львовѣ, № 2106.

[2]) См. №№ XLIX—L, стр. 102—104.

[3]) См. №№: LV—LVI, стр. 113—114.

[4]) См №№: LXXIII, стр. 134 и CCXL, стр 448—449.

Огромное большинство дѣлъ, разсмотрѣнныхъ коммиссіею, оказалось основаннымъ лишь на мелочныхъ обвиненіяхъ, не имѣвшихъ никакого существеннаго значенія; по большей части крестьяне обвинялись лишь въ произнесеніи въ пьяномъ видѣ или въ шутку угрозъ противъ шляхтичей и евреевъ, или выраженій досады по поводу какого-нибудь обиднаго для крестьянина столкновенія[1]). Очень часто подобныя рѣчи вовсе не были ими произнесены, лишь приписывались имъ вслѣдствіе ложныхъ доносовъ евреевъ, съ которыми они поссорились по поводу столкновенія по частному дѣлу[2]). Иногда приводились въ обвиненіе сказанныя подсудимыми слова, почему-то показавшіяся неясными или двусмысленными, или совершенно праздные, не имѣвшіе никакого значенія разговоры[3]). Иногда противъ подсудимыхъ не было никакого обвиненія и никому не была извѣстна причина ихъ ареста[4]); иногда крестьянинъ обвинялся въ томъ, что дозволилъ въ своемъ домѣ переночевать пилипону, хотя и не велъ съ нимъ преступныхъ разговоровъ[5]), иногда просто въ бродяжничествѣ, неимѣніи паспорта[6]).—Одинъ слуга обвинялся въ томъ, что, услышавъ о томъ, что солдаты отбираютъ оружіе, предостерегъ своего господина и посовѣтовалъ ему припрятать бывшія у него ружья[7]). Священникъ села Збрызя, Стопневичъ, обвинялся въ томъ, что читалъ въ церкви проповѣдь „по картѣ“; одна изъ прихожанокъ, не понявъ прочитаннаго, разсказала евреямъ, что свя-

---

[1]) См. №№: CCLXIII, стр. 488—490; CCLXXVIII, стр. 523—524: CCXC, стр. 550—551: CCCXI, стр. 595—600, CCCXIII—CCCXV, стр. 600—605; CCCXVI—CCCXVII, стр. 606—611; CCCXIX—CCCXXI, стр. 612—616, CCCXXXVI—CCCXXXVII стр. 664—665.

[2]) См. №№ CCLXI, стр. 486: CCLXIV, стр. 490—492, CCLXVIII, стр, 499: CCXCI, стр. 551.

[3]) См. №№: CCLXVII, стр. 498—499: CCLXXVI, стр. 511—517: CCLXXXIV, стр. 535—541.

[4]) См. № CCXCV, стр. 557—559.

[5]) См. № CCCXXXV, стр. 662.

[6]) См. № CCCXXXIV, стр, 661.

[7]) См. № CXCCIV, стр. 554—556.

щенникъ будто говорилъ, что „пора отбирать куколь отъ пшеницы". При разслѣдованіи дѣла оказалось изъ показанія многихъ свидѣтелей, что священникъ уговаривалъ народъ воздерживаться отъ ругательствъ по отношенію къ полякамъ и евреямъ и совѣтовалъ вообще избѣгать праздныхъ разговоровъ[1]). Всѣхъ арестантовъ перечисленныхъ категорій коммиссія послѣ допроса освобождала или совершенно, или засчитывала имъ въ наказаніе предварительный арестъ, или предоставляла ихъ наказаніе на усмотрѣніе экономической власти[2]). Пересмотрѣвъ обвиненія нѣсколькихъ сотъ арестантовъ, коммиссія нашла едва 6—7 дѣлъ, болѣе сложныхъ, и направила ихъ въ судъ; она пришла къ убѣжденію, что, не смотря на недружелюбное настроеніе крестьянъ, заговора среди нихъ нѣтъ и она не находитъ никакихъ признаковъ бунта[3]). Полное подтвержденіе ея взгляда выразилъ въ письмѣ къ коммиссіи генералъ Феликсъ Потоцкій, указавшій, что вся тревога основана лишь на легкомысленныхъ слухахъ и что подобнымъ выдумкамъ нельзя придавать серьезнаго значенія[4]). Такое же точно мнѣніе высказывалъ въ рапортахъ, присылаемыхъ коммиссіи, офицеръ, командовавшій разъѣздами регулярнаго войска, Мадейскій; изъ каждой проходимой имъ мѣстности онъ удостовѣрялъ коммиссію, что въ воеводствѣ господствуетъ полное спокойствіе и не замѣтно никакихъ признаковъ волненія[5]).

Одно изъ дѣлъ, на которое Подольская коммиссія обратила особенное вниманіе, состояло въ слѣдующемъ. Арендный владѣлецъ м. Лянцкоруня, поручикъ Игнатій Маршицкій, представилъ въ коммиссію арестованнаго имъ священника Павла Котельскаго при

---

[1]) См. № CCCIX, стр. 592—593.

[2]) См. №№: LII, стр. 106—110; CCLXIX, стр. 500—501; CCCX, стр. 594; CCCXXXVII, стр. 664—666.

[3]) См. № LIV, стр. 112.

[4]) См. № LXXII, стр. 132—133.

[5]) См. №№: LXIII, стр. 122—123; LXX, стр. 130; LXXIV, стр. 135 и LXXV, стр. 136.—

слѣдующемъ обвиненіи: слуга Маршицкаго, Андрей Ватылюкъ, возвратившись отъ исповѣди, заявилъ своему господину, что священникъ Котельскій во время исповѣди совѣтовалъ ему не ночевать въ панскомъ дворѣ, потому что вскорѣ ожидается всеобщее истребленіе дворянъ и евреевъ; показаніе это Ватылюкъ подтвердилъ присягою. Владѣлецъ Лянцкоруня, староста Іоакимъ Лянцкоронскій, приказалъ произвести повальный обыскъ о поведеніи какъ священника Котельскаго, такъ и Ватылюка; впрочемъ при обыскѣ ничего особеннаго не оказалось, только нѣсколько человѣкъ показали, что недѣли 4—5 тому назадъ въ мѣстечкѣ, въ еврейскомъ домѣ, ночевали пилипоны и заходили къ священнику. Коммиссія допросила свящ. Котельскаго, который отрицалъ и вмѣняемыя ему слова на исповѣди, и бытность у него пилипоновъ, вопреки яснымъ показаніямъ свидѣтелей. Это противорѣчіе побудило коммиссію направить дѣло въ гродскій судъ; послѣдній опять допросилъ обвиняемаго и свидѣтелей, которые отзывались весьма похвально о поведеніи вообще свящ. Котельскаго; о словахъ, сказанныхъ будто-бы Ватылюку на исповѣди, они ничего, конечно, показать не могли, относительно же бытности пилипоновъ выяснилось, что они дѣйствительно были въ мѣстечкѣ и заходили къ священнику съ предложеніемъ товаровъ, но въ домъ его не были допущены. Судъ не постановилъ никакого рѣшенія и отослалъ дѣло на усмотрѣніе сейма. Между тѣмъ, Котельскій представилъ свидѣтелей изъ другихъ мѣстностей, гдѣ проживалъ Ватылюкъ до своего прихода въ Лянцкорунь; свидѣтели эти показали, что послѣдній былъ нѣсколько разъ уличенъ въ воровствѣ и за то лишался службы. Это обстоятельство поколебало увѣренность въ его показаніе и когда сеймъ разрѣшилъ гродскому суду покончить дѣло Котельскаго, послѣдній былъ освобожденъ при ручательствѣ за него уніатской Каменецкой консисторіи[1]). По поводу пребыванія пили-

[1]) См. №№: CCXXIX, стр. 414; CCXCVI–CCCVIII, стр. 559—591.

поновъ арестованъ былъ также священникъ Волянскій изъ мѣстечка Купина; онъ прямо заявилъ коммиссіи, что пилипоны дѣйствительно у него ночевали наканунѣ Рождества, что онъ покупалъ у нихъ товары, но постороннихъ разговоровъ съ ними не водилъ; то же показалъ и купинскій мѣщанинъ Борсукъ, у котораго маркетаны ночевали другую ночь.—Коммиссія удовлетворилась этими показаніями, удостовѣренными свидѣтелями, и освободила подсудимыхъ, не доводя дѣла до суда[1]).

Весьма сложный процессъ возникъ случайно противъ священника Онуфрія Горецкаго. Въ селѣ Монастыркѣ, въ домѣ крестьянина Семена былъ поминальный обѣдъ; въ числѣ присутствовавшихъ находился крестьянинъ Василь Колесникъ, извѣстный буйнымъ нравомъ въ пьяномъ видѣ. Мимо двора проѣзжалъ въ каретѣ дворянинъ Радецкій, который остановился, вышелъ изъ экипажа и попросилъ дать ему воды; выпивши ее, онъ выпустилъ изъ рукъ стаканъ, который застучалъ на тарелкѣ. Пьяный Колесникъ сталъ по этому поводу приставать къ Радецкому съ несвязными рѣчами, которыя разные свидѣтели впослѣдствіи различно передавали; крестьяне удалили его въ другую комнату, но такъ какъ онъ вырывался, понося ихъ ругательствами, то они рѣшились связать его и отвели во дворъ; отсюда онъ былъ отосланъ въ село Свинное, гдѣ жилъ управляющій имѣніемъ и въ то время находилась военная команда. Управляющій Джевецкій и поручикъ Павловскій рѣшили подвергнуть его допросу, допытываясь подробностей о бунтѣ; при этомъ его сѣкли въ нѣсколько пріемовъ розгами и нагайками, офицеръ же заявилъ, что онъ напрасно запирается, такъ какъ священникъ уже во всемъ сознался. Тогда Колесникъ сталъ давать показанія; онъ призналъ, что священникъ приводилъ къ присягѣ его и 8 другихъ крестьянъ на то, что они будутъ ему повиноваться и будутъ ожидать его приказа-

---

[1]) См. №№: CCLXXXV—CCLXXXIX, стр. 541—549.

ній; что нѣсколько разъ при встрѣчѣ и на исповѣди священникъ напоминалъ о данномъ обѣщаніи и совѣтовалъ держаться между собою солидарно, что онъ куда-то уѣзжалъ изъ дому, разсказывалъ объ ожидаемомъ приходѣ Гонты и хвалился, что тогда онъ станетъ офицеромъ. Колесникъ и Горецкій были препровождены въ распоряженіе коммиссіи, которая повторила допросъ и направила дѣло въ гродскій Каменецкій судъ, который Колесника отправилъ по мѣсту подсудности въ Летичевскій гродскій судъ. Оба суда допросили около 40 свидѣтелей, по преимуществу шляхтичей и крестьянъ католиковъ, при чемъ дѣло окончательно выяснилось. Лѣтъ 5 раньше оказалась необходимость произвести ремонтъ церкви; желая усилить средства, священникъ основалъ церковное братство и привелъ къ присягѣ 9 братчиковъ, которые обязались во всемъ повиноваться церкви и заботиться о ея нуждахъ; при случаѣ священникъ напоминалъ братству данное обѣщаніе и уговаривалъ ихъ дѣйствовать солидарно: „держитесь дружно и Богъ намъ поможетъ“, говорилъ онъ братчикамъ; уѣзжалъ онъ изъ дому къ своимъ родственникамъ на Побережье; слухи о приходѣ Гонты онъ узналъ отъ сына, возвратившагося изъ Барской школы; онъ шуточно говорилъ шляхтичамъ, что говорятъ, будто Гонта придетъ съ 7,000 войска, и потому онъ не будетъ брить бороду, чтобы его не сочли католическимъ священникомъ, когда же придетъ польское войско, онъ сейчасъ побрѣется. Очевидно, все обвиненіе сводилось къ недоразумѣнію и мелочамъ. Судъ уже въ началѣ августа, послѣ трехмѣсячнаго заключенія, освободилъ изъ тюрьмы священника Горецкаго по просьбѣ уніатской консисторіи, и послѣ окончанія юридическихъ формальностей 31 октября объявилъ какъ его, такъ и Колесника по суду оправданными[1]).

Въ гродскомъ судѣ разбиралось дѣло викарнаго священника села Карабчіевки, Ивана Прокоповича, обвиненнаго въ сношеніяхъ

---

[1]) См. №№: CCXXVII, стр. 410; CCCIV, стр. 585; CCCXXIII—CCCXXXIII стр. 617—661; CCCXXXVII, стр. 668.

съ маркетанами, въ подстрекательствѣ крестьянъ къ бунту и произнесеніи хулы на католическую церковь. Всѣ свидѣтели, вызванные судомъ, единогласно показали, что въ Карабчіевкѣ пилипоны никогда не бывали и что Прокоповичъ никогда никого не подстрекалъ. Вся его вина сводилась лишь къ тому, что на крестинахъ онъ завелъ споръ съ шляхтичемъ, которому доказывалъ, что русская вѣра старше римской. Этимъ обстоятельствомъ воспользовался давно враждовавшій съ Прокоповичемъ по частному дѣлу дворянинъ Бѣневскій, сдѣлавшій на него доносъ. По ходатайству уніатской консисторіи, священникъ былъ освобожденъ изъ-подъ ареста, а затѣмъ по суду оправданъ [1]).

Въ мѣстечкѣ Солобковцахъ евреи разновременно сдѣлали доносы помѣщику на восьмерыхъ крестьянъ, обвиняя ихъ въ томъ, что они грозили евреямъ рѣзнею, отзывались враждебно о войскѣ, произносили имя Гонты, что одинъ парубокъ хвалился, будто во время обыска припряталъ ножъ и носитъ его въ голенищѣ и т. д. Помѣщикъ Гротковскій приказалъ допросить оговоренныхъ, затѣмъ повторилъ допросъ при участіи военной команды и препроводилъ обвиненныхъ въ распоряженіе коммиссіи; они допрашивались и въ коммиссіи и въ гродскомъ судѣ, куда вызваны были также въ качествѣ свидѣтелей шляхтичи, жившіе въ Солобковцахъ. Слѣдствіе выяснило, что обвиненія были на нихъ взведены напрасно: одинъ изъ крестьянъ дѣйствительно, встрѣтивъ въ сосѣднемъ мѣстечкѣ войско, выступавшее въ походъ, высказалъ проклятіе: „чтобы всѣ они тамъ пропали“, потому, что былъ сердитъ на солдатъ за опустошеніе своего сада; другой подсудимый былъ виноватъ въ томъ, что за нѣсколько лѣтъ раньше покушался на кражу денегъ у своего господина, остальные ссорились съ евреями по поводу разныхъ житейскихъ столкновеній, но угрозъ вовсе не произносили. Свидѣтели шляхтичи дали о подсудимыхъ вполнѣ одобри-

[1]) См. №№: CCXXVII, стр. 410; CCCXXVII, стр. 629 и CCCXXXVIII, стр 666—672.

тельный отзывъ, и судъ приказалъ ихъ освободить, засчитавъ имъ въ наказаніе предварительное заключеніе [1]).

Совершенно аналогичное дѣло, завершенное точно такимъ же приговоромъ, возникло въ м. Шаравкѣ. Евреи донесли управляющему Плесневичу на семерыхъ крестьянъ, будто они похваляются рѣзать евреевъ. Обвиненныхъ допрашивали: управляющій, порядковая коммиссія и гродскій судъ, который выслушалъ и вызванныхъ свидѣтелей. Оказалось, что послѣдніе никакихъ угрозъ не произносили, лишь ссорились съ евреями по поводу различныхъ житейскихъ столкновеній; одинъ изъ нихъ предлагалъ евреямъ въ шутку креститься и брался за плату учить ихъ христіанскимъ молитвамъ. Конечно, всѣ они были оправданы [2]).

Единственный обвинительный вердиктъ въ подольскомъ воеводствѣ встрѣтился въ Летичевскихъ гродскихъ книгахъ; это приговоръ, осуждающій крестьянина изъ Хмельницкаго староства, Павла Цызара, на годичное заключеніе въ Каменецкой крѣпости. Подсудимый былъ человѣкъ нрава буйнаго и сварливаго, заводилъ ссоры и драки съ односельцами, не повиновался старостинскому уряду и вслѣдствіе этого свидѣтели дали о немъ неодобрительный отзывъ; они привели множество фактовъ, свидѣтельствовавшихъ о томъ, что Цызаръ многократно похвалялся готовностью пристать къ бунту, говорилъ съ сочувствіемъ объ ожидаемомъ пришествіи Гонты и пугалъ угрозами чиншевую шляхту своего села [3]).

Среди дѣлъ, разбиравшихся въ подольскихъ судахъ, есть одно дѣло, представляющее не столько историческій, сколько этнографическій интересъ, вслѣдствіе того, что оно указываетъ процессъ образованія народныхъ легендъ. Среди допросовъ много разъ встрѣчаются обвиненія крестьянъ въ томъ, что они упоминали имя сына Гонты, что

---

[1]) См. №№: CCLXXIV—CCXXV, стр. 503—510; CCLXXXII, стр. 529—530; CCXCVII. стр. 560—561. и CCCXXXVII, стр. 665.

[2]) См. №№: CCLXXIX—CCLXXXI, стр. 525—528; CCLXXXIII, стр. 531—535; CCCXXXVII, стр. 665.

[3]) См. № CCCXXXIX, стр. 672—678.

ожидали его появленія во главѣ болѣе или менѣе численнаго войска полагали, что тогда произойдетъ истребленіе дворянъ и евреевъ или, какъ выражались фигурально, „станутъ отбирать куколь отъ пшеницы“; многіе заявляли готовность примкнуть къ Гонтѣ, другіе боялись его пришествія[1]), но всѣ не только подсудимые, но и слѣдователи вѣрили въ правдивость извѣстія.---Слухъ этотъ не имѣлъ никакого фактическаго основанія, а выражалъ лишь въ образной формѣ настроеніе народа, неясныя инстинкты и надежды. У Гонты, уманскаго полковника (1768), былъ дѣйствительно молодой сынъ, но послѣ бѣдствія, постигшаго отца, одинъ изъ сотниковъ, преданныхъ послѣднему, увезъ мальчика и съ нимъ бѣжалъ въ Молдавію, какъ носились слухи; о дальнѣйшей судьбѣ мальчика ничего неизвѣстно. Лица, говорившія о Гонтѣ, не могли при всемъ желаніи указать источника, откуда объ немъ узнали, и ссылались лишь на общераспространенный слухъ. Мѣстопребываніе Гонты указывали то въ окрестностяхъ Херсона, то въ Россіи, то на Волощинѣ, то въ окрестностяхъ Винницы и т. п. Въ половинѣ апрѣля дьячекъ въ селѣ Мартынковцахъ, Степанъ Лобоцкій былъ обвиненъ въ распространеніи слуховъ о Гонтѣ: какъ дьчекъ, такъ и болѣе десятка лицъ, оговоренныхъ по этому поводу, крестьянъ, мѣщанъ, ремесленниковъ и женщинъ, допрашивались въ Сатановскомъ магистратѣ, при помощи пытки. Подсудимые ссылались на то, что слышали извѣстіе другъ отъ друга, при чемъ подробности разсказа постепенно разростались, пополнялись и пріобрѣтали поэтическую форму. Составилась цѣлая легенда, переданная подсудимыми, не отрицавшими, что они ее повторяли, хотя не могли указать ея источника; судя по различнымъ варіантамъ, очевидно, что разсказчики невольно и безсознательно украшали ее подробностями при пересказѣ. Самый полный варіантъ легенды состоялъ въ слѣдующемъ: „Вскорѣ прійдетъ Гонта, будетъ отбирать куколь отъ пшеницы и произойдетъ великая „руина“. Этотъ сынъ Гонты---„великій рыцарь“; онъ обратился къ императрицѣ съ прось-

[1]) См. №№: CCLXV, CCLXVI, стр. 493—498; CCCXXII, стр. 617 и т. д.

бою, чтобы она разрѣшила ему отправиться въ Польшу, отмстить за смерть отца, устроить по немъ поминальный обѣдъ и отобрать куколь отъ пшеницы. Императрица поставила ему на видъ, что онъ слишкомъ молодъ, не съумѣетъ исполнить своего предпріятія и напрасно погибнетъ; Гонта тогда предложилъ доказательства своей удали и умѣнія: по его просьбѣ, зарядили пушку цѣпью и выстрѣлили въ него, но онъ цѣпь поймалъ на лету и положилъ у ногъ императрицы; затѣмъ выстроили полкъ кавалеріи съ поднятыми вверхъ копьями, и Гонта пробѣжалъ по остріямъ копій вдоль полка. Тогда императрица разрѣшила ему выступить въ походъ. Онъ уже стоитъ на границѣ, укрѣпившись засѣками въ лѣсу, собралъ 5,000 козаковъ, намѣренъ ихъ направить пятью различными путями, самъ же будетъ двигаться по срединѣ[1]).“ Мы не знаемъ, чѣмъ кончился этотъ процессъ, но судя по настроенію Подольской коммиссіи, можно полагать, что она не дала ему дальнѣйшаго хода, и участники народнаго творчества были отпущены по домамъ.—

Вообще, благодаря спокойному и объективному отношенію къ дѣлу Подольской порядковой коммиссіи и строгому соблюденію подольскими судами формъ законнаго судопроизводства, мнимый заговоръ, стоившій столько крови и страданій на Волыни, въ Подоліи оказался пустымъ призракомъ, основаннымъ лишь на легкомысленныхъ слухахъ и предвзятомъ предубѣжденіи. Вѣроятно, перечисленными процессами окончилась бы на Подоліи вся тревога, если бы не случилось показаній Кирилла Пундыка, которыя встревожили Подольскую коммиссію, придавшую этимъ показаніямъ въ началѣ серьезное значеніе; коммиссія усердно принялась за слѣдствіе надъ лицами, оговоренными Пундыкомъ, но къ чести ея нужно признать, что даже подъ впечатлѣніемъ тревоги она не измѣнила разъ установленныхъ пріемовъ и законнаго веденія дѣлъ, при чемъ, вытребовавъ въ два пріема изъ Волыни, въ качествѣ необходимаго свидѣтеля, самого Пундыка, она вскорѣ убѣдилась

---

[1]) См. № CCLXXVII, стр. 517—523.

въ сбивчивости и лживости его показаній [1]). Тѣмъ не менѣе, на первыхъ порахъ произошли многочисленные аресты нѣсколькихъ сотъ крестьянъ и болѣе 20 священниковъ. Подольскіе крестьяне въ свою очередь встревожились и стали бѣжать за Днѣстръ, такъ, что помѣщики обращались въ коммиссію съ просьбою о присылкѣ войска для удержанія эмиграціи [2]).

Прежде всего обращено было вниманіе на Іосифа Михневича, приходскаго священника села Карповецъ, который, по показаніямъ Кирилла Пундыка, былъ вождемъ, „гетманомъ" заговорщиковъ; онъ былъ допрошенъ въ коммиссіи и затѣмъ въ гродскомъ судѣ, который собралъ показанія отъ свидѣтелей. Изъ показаній священника и по единогласному отзыву свидѣтелей оказалось, что пилипоны разъ только были въ его домѣ, гдѣ въ присутствіи многихъ свидѣтелей онъ купилъ у нихъ два платка и сейчасъ же ушелъ въ церковь, не вступая съ ними ни въ какіе разговоры, что Кирилло Пундыкъ никогда не былъ въ Карповцахъ и никто его не видѣлъ, что священникъ по окрестнымъ селамъ не разъѣзжалъ, никакой пропаганды не велъ и отлучался изъ дому только одинъ разъ, когда ѣздилъ въ Летичевъ по судебному дѣлу, что списки прихожанъ составлены имъ были въ качествѣ исповѣдныхъ вѣдомостей по требованію консисторіи. Судъ, разсмотрѣвъ дѣло, освободилъ свящ. Михневича, по ходатайству консисторіи, еще до окончательнаго рѣшенія дѣла и впослѣдствіи объявилъ его по суду оправданнымъ [3]). Оговоренные тѣмъ же Кирилломъ въ качествѣ зачинщиковъ два мельника оказались поляками и католиками и потому коммиссія сочла лишнимъ призывать ихъ къ допросу.

Совершенно тождественными съ предыдущимъ во всѣхъ подробностяхъ были процессы священниковъ: Михаила Бѣлецкаго

---

[1]) См. №№: CCXXX, стр. 416–417; CCXXXVII, стр. 437; CCXLI, стр. 449 и CCXLII, стр. 450.

[2]) См. №№ LXVII—LXVIII, стр. 127—128; LXXVIII, стр. 139.—

[3]) См. №№: CCXXVII, стр. 410; CCXXXII—CCXXXIII, стр. 413—430; CCXCVII, стр 563 и CCCXXVII, стр. 628.

изъ села Россоша и Василія Ролинскаго изъ села Лехковки, которые названы были въ показаніяхъ Пундыка „комендантами", т. е. начальниками дивизій предполагавшагося возстанія; малѣйшаго признака сношеній съ пилипонами, агитаціи среди крестьянъ, равно какъ и знакомства съ Пундыкомъ слѣдствіе не обнаружило, и оба они были оправданы судомъ [1]).

Не менѣе вымышленными оказались обвиненія Пундыка по отношенію къ оговореннымъ имъ крестьянамъ. Летичевскій судъ произвелъ подробное разслѣдованіе относительно одиннадцати крестьянъ изъ разныхъ селъ Николаевскаго имѣнія и крестьянина Степана Трача изъ села Казимирки и убѣдился послѣ показаній, отобранныхъ у Пундыка, въ совершенной лживости его обвиненій; онъ не только не зналъ именъ и фамилій оговоренныхъ имъ лицъ, но даже ихъ наружности и расположенія ихъ усадебъ, между тѣмъ, какъ показанія свидѣтелей ясно удостовѣряли, что въ ихъ селахъ не было никакого подстрекательства къ бунту, что Кирилла никто въ этихъ селахъ не видалъ и что оговоренные крестьяне люди мирные, хорошіе хозяева, никогда не замѣченные въ дурныхъ поступкахъ. Судъ оправдалъ всѣхъ подсудимыхъ и приказалъ освободить ихъ изъ-подъ ареста [2]).

Впрочемъ, показанія не всѣхъ подсудимыхъ крестьянъ оканчивались равно благополучно; если первоначальные допросы производились помѣщикомъ съ сильнымъ пристрастіемъ, то нѣкоторые подсудимые для прекращенія пытки давали требовавшіяся отъ нихъ показанія, оговаривая и себя и другихъ лицъ въ небывалыхъ преступленіяхъ. Въ подольскихъ дѣлахъ встрѣчаемъ два такіе случая. Въ мелкопомѣстномъ селѣ Гелетинцахъ шляхтичи допрашивали крестьянина Андрея Бондаря; онъ показалъ, что ночевавшіе у него

---

[1]) См. №№: CCXXIII—CCXXIX, стр. 403—415; CCXXXI, стр. 418 и CCCXXVII, стр. 628.

[2]) См. №№ CCXXXIV—CCXXXVI, стр. 431—436; CCXXXVIII. стр. 437—440 и CCCXXXVII, стр. 665.

два пилипона уговорили его принять участіе въ предстоящемъ истребленіи дворянъ и евреевъ; получивъ его согласіе, они привели его къ присягѣ и подарили 6 рублей денегъ, платокъ, замокъ и ножъ, что они утверждали, будто имѣютъ многихъ соучастниковъ: священниковъ и крестьянъ, что возстаніе должно вспыхнуть въ день святой Пасхи, что возставшіе должны будутъ отправиться къ Гонтѣ, живущему въ какомъ-то селѣ близъ Херсона; что, соединившись съ ними, Гонта отправится въ походъ, освободитъ крестьянъ отъ барщины и обезпечитъ ихъ свободу. Подсудимый, не смотря на присягу, самъ никого не пріобщилъ къ заговору и деньги истратилъ на свои нужды. Показанія эти Бондарь повторилъ и въ порядковой коммиссіи; послѣдняя придала имъ серьезное значеніе, оповѣстила о нихъ сосѣднія коммиссіи и рапортовала сейму; по распоряженію войсковой коммиссіи, Бондарь и протоколъ его допросовъ были отправлены въ Варшаву [1]); дальнѣйшая его судьба намъ неизвѣстна и подольскіе акты впослѣдствіи о немъ не упоминаютъ.

Гораздо сложнѣе и подробнѣе дѣло другого арестанта, назвавшагося Василіемъ Бедрійчукомъ. Въ селѣ Завалійкахъ дворянинъ Заремба-Целецкій подвергъ допросу бродягу, крестьянина Бедрійчука; при допросахъ подсудимому связывали руки и ноги и въ такомъ видѣ привѣшивали въ „дымарѣ“ на продолжительное время и потомъ жестоко сѣкли. Побуждаемый такимъ образомъ, арестантъ далъ весьма обстоятельныя показанія. Онъ назвалъ себя Василіемъ Бедрійчукомъ изъ села Щеглевки, близъ Межибожа; здѣсь священникъ Чернявскій уговорилъ его и трехъ другихъ парубковъ отправиться въ путь по селамъ и вербовать крестьянъ въ заговоръ; самъ священникъ куда-то отлучался въ теченіе трехъ недѣль и успѣлъ заручиться согласіемъ 8 селъ; онъ уговаривалъ допрашиваемаго вмѣстѣ съ священникомъ села Деркачей, который также пріобрѣлъ согласіе девяти селъ, при этомъ его поили вод-

[1]) См. №№: CCXLIII—CCXLV, стр. 451—455.

кою и, въ случаѣ успѣха, обѣщали ему дать денегъ; оба священника читали ему изъ списковъ имена тѣхъ пановъ, которыхъ слѣдуетъ убить; другихъ подробностей онъ не успѣлъ узнать, потому что священники говорили при немъ по латыни; ему извѣстно, что у священника въ скирдѣ соломы спрятано 15 ружей и 6 пистолетовъ. Когда отецъ Бедрійчука узналъ о данномъ имъ обѣщаніи и хотѣлъ донести на него помѣщику, то онъ, испугавшись, бѣжалъ изъ села.—Черезъ четыре дня съ подсудимаго снимали вторично допросъ въ магистратѣ города Тарноруды; здѣсь онъ нѣсколько видоизмѣнилъ свои показанія: онъ назвалъ своею родиною не Щеглевку (село не существующее), а Шумовцы; сказалъ при томъ, что въ списокъ заговорщиковъ записался его отецъ и записалъ туда же двухъ сыновей, получивъ по 8 злотыхъ на человѣка; онъ прибавилъ, что къ священнику въ Шумовцы съѣхались ночью 12 священниковъ изъ перечисленныхъ имъ селъ, что на съѣздъ этотъ священникъ изъ Западынецъ привезъ много денегъ и каждому изъ присутствовавшихъ далъ по 18 червонцевъ. Подсудимый былъ доставленъ въ Каменецъ и допрошенъ въ порядковой коммиссіи; Бедрійчукъ повторилъ вновь свои показанія, видоизмѣнивъ, впрочемъ, нѣкоторыя подробности: на ночномъ съѣздѣ было лишь три священника, но всѣхъ участвующихъ въ заговорѣ ему извѣстно 14. Шумовецкій священникъ не допускалъ его до исповѣди, пока онъ не принесетъ присяги на участіе въ заговорѣ, и потомъ заставилъ присягнуть, угрожая пистолетомъ. Кирилла Пундыка Бедрійчукъ лично не знаетъ, но слышалъ объ его дѣятельности. Выслушавъ показанія подсудимаго, коммиссія опросила оговоренныхъ имъ священниковъ. Священникъ села Шумовецъ, Іоаннъ Кобрицкій показалъ, что въ его приходѣ вовсе нѣтъ семейства Бедрійчуковъ, что подсудимый проживалъ дѣйствительно въ Шумовцахъ въ продолженіе девяти недѣль, занимаясь поденною работою, въ томъ числѣ молотилъ два дня у священника, который ни о чемъ постороннемъ съ нимъ не говорилъ, и больше его не видѣлъ; оружія никакого у священника нѣтъ и никакихъ съѣздовъ въ его домѣ

не происходило. Другіе священники: Василій Сциборскій изъ Ружичанки, Михаилъ Бѣлецкій изъ Россоша, Григорій Меньковскій изъ Рожичны и благочинный Константиновскій Яковъ Мархалевичъ изъ Западынецъ, человѣкъ извѣстный своею ученостью и благочестіемъ, показали, что никогда ни съ кѣмъ о бунтахъ не говорили, въ съѣздахъ не участвовали, подсудимаго никогда не видѣли, что крестьяне, поименованные въ ихъ приходахъ Бедрійчукомъ, вовсе не существуютъ. Коммиссія, выслушавъ эти показанія, постановила доставить подсудимаго въ Шумовцы и произвести о немъ повальный обыскъ. Изъ показаній многочисленныхъ лицъ всѣхъ сословій оказалось, что онъ дѣйствительно проживалъ въ теченіе 9 недѣль въ Шумовцахъ у вдовы Павлихи, выдавая себя за католика Стаха, что онъ сваталъ дочь Павлихи и хвалился, что имѣетъ мѣшокъ денегъ, но былъ уличенъ въ томъ, что вмѣсто денегъ наполнилъ мѣшокъ черепьями разбитаго горшка, вслѣдствіе чего съ позоромъ бѣжалъ изъ села; раньше же разсказывалъ, что онъ родомъ изъ мѣстечка Кузьмина, откуда бѣжалъ изъ тюрьмы, куда попалъ за участіе въ убіеніи какого-то парубка.—Послѣ обыска онъ былъ вновь допрошенъ въ коммиссіи и, наконецъ, показалъ правду. Истинною его родиною было село Борышковцы на Збручѣ, гдѣ живутъ его отецъ, братья и сестры, называется онъ Онуфрій Трачъ; онъ призналъ, что всѣ его показанія ложны, вынуждены пыткою: „меня мучили и били, требуя показаній о пилипонахъ, священникахъ и крестьянахъ, и я отъ боли и страха утверждалъ все, что мнѣ подсказывали“. Вызванные въ магистратъ города Жванца, жители Борышковецъ подтвердили его имя и происхожденіе и признали его своимъ односельцемъ[1]). Тѣмъ и кончилось дѣло Бедрійчука-Трача, дальнѣйшая судьба котораго намъ неизвѣстна. Несомнѣнно, что на Волынской почвѣ его показанія подали-бы поводъ къ многочисленнымъ казнямъ, арестамъ и преслѣдованіямъ.

---

[1]) См. №№: CCXLVI—CCLVII, стр. 455—479. Бродовичъ, стр. 89.

Еще болѣе хладнокровно отнеслась къ поднятой тревогѣ Кіевская порядковая коммиссія. Обыватели Кіевскаго воеводства, привыкшіе бороться съ гайдамацкими набѣгами, знали, что народное броженіе можетъ вспыхнуть внезапно, при благопріятныхъ для него условіяхъ, но были увѣрены, что систематическая его подготовка и обширный заговоръ среди крестьянской массы немыслимы. „Намъ нечего особенно бояться“, пишетъ Кіевская коммиссія въ отношеніи къ Брацлавской: „понынѣ у насъ, подобно какъ и въ Брацлавскомъ воеводствѣ, не оказалось ничего грознаго для общественной безопасности, но такъ какъ излишняя осторожность никогда не помѣшаетъ, то мы и принялись за исполненіе возложенной на насъ обязанности“ [1]). Немедленно послѣ полученія сеймоваго распоряженія, Кіевская порядковая коммиссія издала универсалъ къ помѣщикамъ и ихъ управляющимъ, въ которомъ, объявляя объ открытіи своей дѣятельности, она предписываетъ слѣдующія мѣры предосторожности: помѣщики должны отобрать оружіе у крестьянъ и запретить кузнецамъ и слесарямъ заготовлять таковое для крестьянъ; они должны въ селахъ назначить на каждые 10 дворовъ одного десятника изъ числа лучшихъ хозяевъ и поручить имъ задержать всѣхъ постороннихъ лицъ, скрывающихся среди крестьянъ, опрашивать паспорты у проѣзжихъ и проходящихъ лицъ и, въ случаѣ подозрѣнія, отправлять ихъ въ коммиссію въ Житомиръ; десятники должны наблюдать, чтобы крестьяне не собирались на сходки, и арестовать всѣхъ лицъ, замѣченныхъ въ наклонности къ бунту; помѣщики должны отправлять всю корреспонденцію коммиссіи исправно и безъ замедленія, пересылая ее другъ другу.—Мѣры эти, впрочемъ, выполнялись помѣщиками до того вяло, что коммиссія должна была болѣе $1^1/_2$ мѣсяца спустя напоминать о необходимости ихъ осуществленія [2]).— Этими мѣрами предосторожности и ограничились дѣйствія Кіевской порядковой коммиссіи.—

---

[1]) См. № LXXXII, стр. 145.

[2]) См. №№: LXXIX, стр. 140—142 и LXXXIII, стр. 147—148.

Такое же спокойное отношеніе проявила Кіевская коммиссія и въ дѣлѣ разслѣдованія обвиненій лицъ, арестованныхъ по подозрѣнію въ наклонности къ бунту. Вначалѣ количество этихъ лицъ было весьма значительно; аресты были произведены преимущественно въ мѣстностяхъ болѣе близкихъ къ Житомиру, въ повѣтахъ Овручскомъ и Житомирскомъ. Вскорѣ тюрьмы Житомира были переполнены, и капитанъ Овсинскій, командовавшій небольшимъ гарнизономъ города, заявилъ суду, что количество арестантовъ, по большей части невинно захваченныхъ, превосходитъ численно силы гарнизона, и просилъ ускорить дѣлопроизводство, что судъ охотно исполнилъ[1]). Почти всѣ арестанты были освобождены послѣ предварительнаго дознанія и только 6—7 дѣлъ были разсмотрѣны судомъ, и тѣ, за исключеніемъ двухъ, окончились оправданіемъ подсудимыхъ. Такъ Житомирскій гродскій судъ, разсмотрѣвъ дѣло о монахахъ: Варсонофіѣ, Корнѣѣ и Гервасіѣ, и о монахинѣ Сусаннѣ, не нашелъ за ними никакой вины[2]). Затѣмъ разсмотрѣно было дѣло священника, обвинявшагося въ томъ, что онъ изъ уніи перешелъ въ православіе, но на судѣ заявилъ готовность возвратиться въ унію. Судъ представилъ подсудимому на выборъ: или обратиться къ уніатскому митрополиту съ просьбою присоединить его къ уніи, или остаться православнымъ и, въ такомъ случаѣ, выселиться изъ государства[3]). Уніатскіе священники Овручскаго повѣта: Ѳома Григоровичъ изъ села Клинца и Степанъ Юхновскій изъ мѣстечка Норинска обвинялись въ произнесеніи возмутительныхъ рѣчей, но оба были судомъ оправданы. Обвинявшій перваго изъ нихъ помѣщикъ Тележинскій взялъ назадъ свое обвиненіе, заявивъ, что инкриминированныя слова были произнесены священникомъ въ пьяномъ видѣ и ничего не заключали. Юхновскій же былъ обвиненъ по ложному доносу евреевъ, вполнѣ опровергнутому показаніями свидѣтелей[4]).

---

[1]) См. № LXXXI, стр. 143–144.
[2]) См. №№: CCCLIII, стр. 703 и CCCLIX, стр. 724.
[3]) См. № CCCLVIII, стр. 723.
[4]) См. №№: CCCLX–CCCLXII, стр. 725–728.

Въ числѣ дѣлъ, рѣшенныхъ гродскимъ судомъ, встрѣчаемъ, наконецъ слѣдующее оригинальное дѣло. Крестьянинъ Тимошъ Бурлаченко былъ арестованъ за произнесеніе угрозъ; послѣ разслѣдованія дѣла оказалось, что онъ работалъ на поташномъ заводѣ и потребовалъ у приказчика разсчета, но послѣдній денегъ ему не уплатилъ, предлагая вмѣсто того дать ему корову. Бурлаченко отказался отъ этой сдѣлки, заявивъ, что не желаетъ болѣе служить и уйдетъ домой; приказчикъ заявилъ ему, что онъ не можетъ уйти, не получивъ проходного свидѣтельства, на что Бурлаченко возразилъ, что онъ попроситъ свидѣтельство у заводскаго писаря, но если встрѣтитъ отказъ, то вырубитъ въ лѣсу палку и отправится въ путь. Послѣднія слова и послужили поводомъ его ареста въ качествѣ угрозы бунтомъ. Судъ оправдалъ Бурлаченка, замѣтивъ не безъ юмора въ приговорѣ, что „палка, обыкновенный спутникъ пѣшехода, не можетъ быть разсматриваема какъ оружіе, могущее нарушить общественное спокойствіе“ [1]).

Изъ Кіевскаго повѣта, расположеннаго вдоль по теченію Днѣпра, арестантовъ не присылали въ Житомиръ; ихъ судили на мѣстѣ старостинскіе или магистратскіе уряды и или освобождали, или наказывали легкими дисциплинарными карами. Вотъ нѣсколько такихъ слѣдствій, произведенныхъ въ Богуславскомъ старостинскомъ урядѣ. Житель мѣстечка Медвина, Олекса, былъ арестованъ за то, что у него нашли немного селитры, которую ему подарили на заводѣ, гдѣ онъ работалъ; Богуславскій же обыватель Кондратъ Садовскій за то, что встрѣченъ былъ на дорогѣ съ копьемъ въ рукахъ безъ проходного билета; копье это онъ по порученію мастера относилъ заказчику. Оба были сейчасъ же отпущены [2]). Крестьяне Лисенко и Медведенко судились за угрозы, произнесенныя ими въ ссорѣ съ приказчикомъ и служанкою; оба также были освобождены [3]).

---

[1]) См. № CCCLVII, стр. 721—722.

[2]) См. №№: CCCXLV, стр. 690—691 и CCCL, стр. 701.

[3]) См. №№: CCCXLI, стр. 680—681 и CCCXLIII, стр. 688—689.

Затѣмъ встрѣчаемъ цѣлый рядъ дѣлъ, возбужденныхъ вслѣдствіе доносовъ евреевъ. Среди различныхъ житейскихъ сдѣлокъ возникали часто ссоры между евреями съ одной, мѣщанами и крестьянами съ другой стороны; среди ссоры часто произносились угрозы или двусмысленныя выраженія, толкуемыя евреями какъ угрозы, что и давало евреямъ матеріалъ для доносовъ. За два дня (28 февраля—1 марта) девять дѣлъ подобнаго рода разбиралось въ Богуславскомъ магистратѣ; во всѣхъ обвиненія оказались или вымышленными, или преувеличенными; свидѣтели отрицали вину подсудимыхъ; иногда слова, сказанныя спьяна или въ шутку, ставились въ вину обвиняемымъ [1]). —Разумѣется, всѣ такія дѣла оставлялись безъ послѣдствій; только въ одномъ случаѣ виновный былъ наказанъ 30 ударами, въ другомъ былъ отпущенъ на поруки извѣстныхъ уряду лицъ.

Собственно только два дѣла были признаны серьезными Кіевскою порядковою коммиссіею, какъ это видно изъ отношеній ея къ Брацлавской коммиссіи [2]): одно возникло по почину дворянина Шашкевича, другое касалось обвиненія протоіерея Андріевскаго. Дворянинъ Карлъ Шашкевичъ владѣлъ тремя селами, расположенными въ западномъ углу воеводства, на границѣ съ Волынью: Бичевою, Цымбаловкою и Яблоновкою. Вѣроятно, сосѣдство съ Волынью сдѣлало его крайне чуткимъ относительно слуховъ, ходившихъ о предстоящемъ бунтѣ, и достаточно было малѣйшаго повода для того, чтобы онъ призналъ въ нихъ симптомы надвигавшейся грозы. Такой поводъ скоро встрѣтился: одинъ изъ крестьянъ села Цымбаловки, Ярема Пиндюрукъ, во время разоруженія крестьянъ утаилъ копье, бывшее у него въ залогѣ; копье было отыскано и Шашкевичъ увидѣлъ въ этомъ фактѣ ясный признакъ готовящагося бунта; онъ вызвалъ въ свое имѣніе отрядъ войска подъ начальствомъ хорунжаго Брезы и оба они произвели слѣдствіе въ три

---

[1]) См. №№: CCCXLII, стр. 681–688; CCCLI–CCCLII, стр. 701–702.

[2]) См. №№: LXXXII, стр. 146 и LXXXIV, стр. 149.

пріема. Начали, конечно, съ Пиндюрука; послѣдній, послѣ троекратнаго сѣченія, заявилъ наконецъ готовность дать показанія, въ которыхъ указалъ до 20 сообщниковъ среди крестьянъ всѣхъ трехъ селъ. Привлеченные къ отвѣту и также подверженные поркѣ, они подтвердили показанія Пиндюрука, хотя разногласили въ нѣкоторыхъ подробностяхъ. Въ общемъ, показанія состояли въ слѣдующемъ: Не задолго до этого времени въ селѣ Яблоновкѣ стояла партія воловъ, скупленныхъ русскимъ провіантскимъ вѣдомствомъ; при нихъ были погонщики и конный солдатъ Сибирскаго карабинернаго полка, подъ начальствомъ поручика Соколовскаго. Воспользовавшись этимъ обстоятельствомъ, Пиндюрукъ показалъ, что слуга (по другимъ показаніямъ писарь) поручика, по имени Климъ, занимался вербовкою соучастниковъ будущаго бунта, что навербованные приносили Климу присягу на евангеліи въ томъ, что будутъ повиноваться его приказамъ и сохранятъ тайну, затѣмъ Климъ заносилъ имена присягнувшихъ въ списокъ, который они скрѣпляли крестами. Имъ приказано было продолжать вербовку, не признаваться на исповѣди священникамъ и явиться въ указанное время въ назначенный сборный пунктъ, куда явится Климъ въ сопровожденіи 300 погонщиковъ и донскихъ козаковъ и доставитъ запасъ оружія; тогда всѣ вмѣстѣ примутся истреблять дворянъ и евреевъ. Показанія, впрочемъ, разногласили относительно времени и условленнаго мѣста сбора: одни указывали Бѣлую Церковь, другіе Немировъ, Баръ, долину на Синявской степи, озеро на степи Любарской и т. д.—Во время производства дознанія, одинъ изъ оговоренныхъ, Иванъ Пушкарукъ, убоявшись пытки, бѣжалъ изъ села, скитался нѣсколько дней по окрестностямъ, но наконецъ былъ задержанъ въ пасѣкѣ и приведенъ въ село; здѣсь онъ забѣжалъ по дорогѣ въ свой домъ и перерѣзалъ себѣ ножемъ горло. Окончивъ допросъ, хорунжій Бреза арестовалъ всѣхъ обвиненныхъ и доставилъ ихъ подъ конвоемъ въ Житомиръ. Въ гродскомъ судѣ дѣло было переизслѣдовано; судъ нашелъ, что показанія не заслуживаютъ довѣрія, такъ какъ были получены подъ

впечатлѣніемъ боли и страха, что они содержатъ много противорѣчій, что Климъ, котораго удалось разыскать, оказался безграмотнымъ погонщикомъ, писарь же его команды носилъ другое имя. Затѣмъ судъ обратился къ Шашкевичу съ просьбою доставить другія улики виновности, буде таковыя у него имѣются; но Шашкевичъ заявилъ, что, кромѣ первоначальныхъ показаній, нѣтъ другихъ уликъ и свидѣтелей. Подсудимые же на судѣ объявили свои первоначальныя показанія ложными, вынужденными пыткою и страхомъ. Пиндюрукъ утверждалъ, что онъ считаетъ себя достойнымъ наказанія лишь за то, что отъ страха и боли впуталъ въ дѣло столько невинныхъ людей. Судъ призналъ, что, по закону, слѣдовало бы допустить подсудимыхъ къ очистительной присягѣ и затѣмъ освободить, но, принявъ во вниманіе, что крестьяне не достаточно сознаютъ святость присяги, въ виду притомъ современныхъ обстоятельствъ, которыя заставляютъ наказывать даже за подозрѣніе, онъ приговорилъ 7 крестьянъ въ крѣпостныя арестантскія роты, впредь до совершеннаго успокоенія края, послѣ чего они могутъ быть освобождены по желанію помѣщика или сданы на поруки другихъ лицъ. Изъ числа осужденныхъ Пиндюрукъ, сверхъ того, долженъ быть наказанъ 200 ударами за ложныя показанія, а Пушкарукъ 100 ударами за покушеніе на самоубійство. Десять другихъ крестьянъ были приговорены на шесть лѣтъ въ солдаты, въ полки, расположенные въ Великой Польшѣ, съ Шашкевича положено было взыскать судебныя издержки и, наконецъ, Климъ, попавшій нечаянно въ процессъ, долженъ былъ два года служить любому лицу, которое возьметъ его въ услуженіе, обезпечивъ его прокормленіе и одежду [1]).

Другое дѣло, на которое Кіевская порядковая коммиссія обратила особенное вниманіе, не состояло въ непосредственной связи съ вопросомъ объ предполагавшемся крестьянскомъ волненіи; оно было лишь отголоскомъ вѣкового религіознаго, національнаго и со-

---

[1]) См. №№: CCCLIV—CCCLV, стр. 704—720.

словнаго антагонизма польскаго дворянства съ массою коренного народонаселенія края. Дѣло это возникло вслѣдствіе обвиненія протоіерея Алексѣя Андріевскаго, приходскаго священника села Бабичъ и благочиннаго Мошнянскаго.

Отецъ Алексѣй былъ уже человѣкъ не молодой и много потрудившійся. Въ священники онъ былъ рукоположенъ еще въ 1765 или 1766 г. уніатскимъ митрополитомъ Володковичемъ и при этомъ случаѣ перемѣнилъ свою прежнюю фамилію—*Дытюкъ* на новую, заимствованную, вѣроятно, отъ отчества—*Андріевскій*. Принадлежность его къ уніатской церкви зависѣла отъ внѣшнихъ, невыгодныхъ для православія условій, но не вытекала изъ его убѣжденія, и онъ, при первой возможности, разстался съ уніею. Въ 1768 году, когда въ Украинѣ вспыхнуло крестьянское возстаніе, извѣстное подъ названіемъ коліивщины, многіе уніатскіе священники и въ томъ числѣ Алексѣй Андріевскій отправились въ Переяславль, гдѣ епископъ Гервасій присоединилъ ихъ къ православію. Но, возвратившись на родину, о. Алексѣй засталъ обстоятельства измѣнившимися: быстро вспыхнувшее крестьянское возстаніе было также быстро подавлено; многочисленныя военныя и гражданскія коммиссіи судили и казнили его участниковъ; уніатское духовенство производило розыскъ о священникахъ, ѣздившихъ въ Переяславль, нѣкоторыхъ предавало суду, остальныхъ лишало приходовъ; многіе изъ нихъ, руководившіеся мірскими побужденіями, являлись въ уніатскую консисторію съ повинною, объясняли свой переходъ въ православіе страхомъ грозившей отъ бунтовщиковъ опасности и подписывали отреченіе. Но о. Алексѣй Андріевскій дѣйствовалъ по убѣжденію, слѣдовать которому онъ рѣшился помимо житейскихъ невзгодъ; онъ отказался принести повинную и былъ лишенъ прихода; затѣмъ, въ теченіе 20 лѣтъ велъ жизнь скитальческую: по временамъ громады селъ, болѣе энергично стоявшія за православіе, призывали его къ себѣ на приходъ, но нигдѣ онъ не могъ долго удержаться: то уніатское духовенство съ помощью экономическихъ властей смѣщало его, замѣняя уніа-

томъ, то помѣщики отказывали ему въ „презентѣ“ и онъ долженъ былъ переѣзжать на новое мѣсто или оставаться вовсе безъ дѣла. Въ 1780 г. онъ занималъ должность благочиннаго въ Фастовѣ и былъ избранъ окрестнымъ православнымъ духовенствомъ депутатомъ для поѣздки въ Петербургъ, чтобы принести жалобы на притѣсненія, испытываемыя православными отъ уніатовъ; онъ собрался въ путь, но въ Переяславлѣ епископъ Иларіонъ отмѣнилъ этотъ выборъ и назначилъ другое лице въ составъ депутаціи. Наконецъ, въ 1785 году судьба улыбнулась отцу Алексѣю. Въ этомъ году состоялся актъ раздѣла украинскихъ помѣстій, принадлежавшихъ нѣкогда Вишневецкимъ и, послѣ прекращенія ихъ рода, перешедшихъ къ ихъ наслѣдникамъ: Радзивилламъ, Ржевускимъ, Любомирскимъ и т. п. Въ числѣ другихъ сонаслѣдниковъ кн. Ксаверій Любомирскій получилъ ключъ Межирицкій (въ Черкасскомъ уѣздѣ, Кіевской губ.), состоящій изъ м. Межирѣча и 11 окрестныхъ селъ. Кн. Ксаверій Любомирскій, генералъ-маіоръ русской службы, принадлежалъ къ небольшому кружку польской аристократіи, получившей хорошее европейское образованіе. Сознавая ненормальность отношеній, установившихся въ Польшѣ, онъ старался въ управленіи своими имѣніями примѣнить другіе, болѣе гуманные принципы. На первомъ мѣстѣ его экономическихъ плановъ стояли заботы о благосостояніи крестьянъ; онъ облегчилъ почти на половину ихъ повинности, сложилъ дани натурою, разрѣшилъ крестьянамъ пріобрѣтать поземельную собственность, поощрялъ занятіе промыслами и т. п. Въ религіозномъ отношеніи кн. Любомирскій строго держался вѣротерпимости и отказался отъ всякаго давленія въ этомъ отношеніи на народонаселеніе.—Вскорѣ представился удобный случай примѣнить этотъ принципъ на дѣлѣ: въ селѣ Бабичахъ, принадлежавшемъ къ Межирѣчскому ключу, громада пригласила на приходъ Свято-Покровской церкви священника Алексѣя Андріевскаго, но уніатская консисторія, помимо воли громады, назначила своего ставленника; помѣщикъ имѣлъ рѣшительный голосъ въ этомъ вопросѣ, ибо на основаніи его презенты могъ удержаться

на приходѣ одинъ изъ двухъ кандидатовъ. Князь Любомирскій, выслушавъ мнѣніе громады, познакомился съ обоими ставленниками и, оцѣнивъ личность о. Алексѣя, отвѣтилъ громадѣ, что въ ея волѣ удержать того или другого священника; къ кому прихожане будутъ обращаться за исполненіемъ требъ, тотъ и будетъ священникомъ, презенту же онъ предложилъ обоимъ, но съ уніатскаго ставленника онъ потребовалъ за презенту весьма высокую плату, Андріевскому же выдалъ ее даромъ. Оставленный прихожанами и не желавшій платить за презенту назначенной цѣны, уніатскій священникъ уѣхалъ изъ Бабичей и приходъ остался за о. Алексѣемъ. Его испытанная энергія и дружелюбныя отношенія, въ которыя онъ сталъ къ князю Любомирскому, обратили на него вниманіе епархіальнаго начальства, которое поручило ему управленіе обширнымъ Мошнянскимъ благочиніемъ. Три года пребывалъ въ этой должности свящ. Андріевскій и, благодаря какъ собственной энергіи, такъ и гуманному взгляду и поддержкѣ кн. Любомирскаго, онъ успѣлъ возстановить постепенно православіе во всѣхъ селахъ Межирѣчскаго ключа. Въ 1788 году одинъ только приходъ Успенской церкви въ селѣ Поповкѣ, смежномъ съ Бабичами, оставался во власти уніатскаго священника, хотя и здѣсь большинство жителей обращалось за исполненіемъ требъ къ о. Алексѣю. Желая прекратить это неопредѣленное положеніе, послѣдній неоднократно совѣтовалъ крестьянамъ, приходившимъ къ нему изъ Поповки, пригласить на приходъ православнаго священника, указывая на примѣръ другихъ селъ Межирѣчскаго ключа. Въ 1788 г., по просьбѣ громады, онъ назначилъ въ Поповку православнаго ставленника; къ несчастію, для полученія презенты встрѣтилось неожиданное препятствіе: въ исходѣ 1787 года кн. Любомирскій продалъ всѣ свои украинскія имѣнія свѣтлѣйшему князю Григорію Потемкину. Новый владѣлецъ жилъ въ Петербургѣ и путь къ нему за полученіемъ презенты былъ слишкомъ далекъ и труденъ, его же управляющій, полковникъ Стааль, не отваживался вмѣшиваться въ дѣло безъ инструкціи

владѣльца; онъ отвѣтилъ на просьбу поповецкой громады совѣтомъ обратиться къ духовному вѣдомству, указавъ Мотронинскій монастырь, игумены котораго, со времени извѣстнаго Мелхиседека Яворскаго, считались правителями православныхъ церквей въ южной Украинѣ. Узнавъ о такомъ рѣшеніи полковника, уніатскій священникъ Поповки поспѣшилъ явиться въ Мотронинскій монастырь раньше своего соперника и заявилъ полную готовность присоединиться къ православію, но предложеніе его было отклонено, такъ какъ онъ не внушалъ къ себѣ довѣрія и уже нѣсколько разъ, сообразаясь съ теченіемъ событій, переходилъ изъ уніи въ православіе и обратно. Впрочемъ, возвратившись въ Поповку, онъ не считалъ свое дѣло окончательно проиграннымъ, отказался отдать громадѣ церковные ключи и продолжалъ отправлять въ церкви богослуженіе. Поповцы обратились за совѣтомъ къ благочинному, который сказалъ имъ, что впредь до рѣшенія княземъ вопроса о судьбѣ прихода они могутъ отправлять богослуженіе въ частномъ домѣ, необходимыя же церковныя облаченія и книги они могутъ взять изъ церкви, гдѣ предметы эти находятся въ достаточномъ для двухъ священниковъ количествѣ. Слѣдуя этому совѣту, крестьяне послѣ церковной службы потребовали отъ уніатскаго священника нужные предметы; получивъ отказъ, они, помимо его запрета, взяли часть церковныхъ облаченій и свѣчей и двѣ богослужебныя книги и отправились слушать заутреню въ частномъ домѣ, гдѣ служилъ православный священникъ.

Между тѣмъ, благочинный Андріевскій получилъ изъ экономіи весьма неутѣшительныя вѣсти: кн. Потемкинъ, не желая раздражать мѣстнаго дворянства, отказался отъ вмѣшательства въ спорный вопросъ и потребовалъ, чтобы объ этомъ объявлено было крестьянамъ. Благочинный обязанъ былъ заявить имъ, что дальнѣйшую борьбу изъ-за уніи крестьяне должны вести собственными силами и не должны впредь ссылаться на авторитетъ или надѣяться на поддержку владѣльца. Извѣстіе это привело жителей Поповки въ большое уныніе: православный священникъ бѣжалъ

изъ села, крестьяне же бросились къ уніатскому священнику просить прощенія. Послѣдній торжествовалъ и рѣшился отмстить благочинному за испытанную тревогу, благо наступило удобное время: только что отъ порядковой коммиссіи получены были объявленія объ угрожавшемъ волненіи и воззваніе о доставленіи свѣдѣній о подозрительныхъ лицахъ.

Въ началѣ апрѣля 1789 г. о. Алексѣй получилъ частное извѣщеніе о томъ, что на него поданъ доносъ въ коммиссію и что съ часу на часъ ему угрожаетъ арестъ. Отслуживъ заутреню, онъ призвалъ нѣсколько степенныхъ крестьянъ, разсказалъ имъ положеніе дѣла и просилъ защиты; онъ предлагалъ крестьянамъ, когда жолнеры и уніаты пріѣдутъ арестовать его, сбѣжаться по сигнальному выстрѣлу и воспротивиться его аресту. Крестьяне отказались исполнить этотъ планъ: „мы не можемъ, говорили они, оказать сопротивленія войску; такимъ поступкомъ мы навлекли бы гибель на себя и на наши семейства—поляки вырѣжутъ все село безъ остатка“; они совѣтовали благочинному бѣжать и укрыться на время въ какомъ-нибудь монастырѣ. „Никакой монастырь не охранитъ меня, сказалъ о. Алексѣй, вы же потеряли, какъ вижу, всякое мужество: не такъ поступали ваши предки въ славное время Хмельницкаго“. Услышавъ такія рѣчи, крестьяне прекратили разговоръ и разошлись по домамъ.

Въ слѣдующій день произошла ожидаемая катастрофа: отрядъ жолнеровъ окружилъ домъ благочиннаго и произвелъ въ немъ строгій обыскъ; отобраны были: четыре ружья (потомъ на слѣдствіи оказалось, что о. Алексѣй страстно любилъ охоту), два пистолета, большой кухонный ножъ и рукописная книга на русскомъ языкѣ. 20 апрѣля благочинный уже былъ подъ стражею въ Житомирѣ и 21 съ него сняты первыя показанія въ засѣданіи порядковой коммиссіи. Подсудимый здѣсь не потерялся; сознавая, что коммиссія предубѣждена противъ него, онъ требовалъ перенесенія дѣла въ нормальные суды и нѣсколько разъ заявлялъ апелляцію въ Люблинскій трибуналъ; тому же методу защиты слѣ-

довалъ отъ имени владѣльца имѣнія вызванный въ судъ представитель экономіи кн. Потемкина. Требованія эти не были уважены и дѣло отца Алексѣя было передано на окончательное рѣшеніе Житомирскому гродскому суду. Послѣдній особенно тщательно изслѣдовалъ это дѣло и 6 іюня постановилъ окончательный приговоръ. Судъ призналъ протоіерея Алексѣя Андріевскаго виновнымъ въ слѣдующихъ преступленіяхъ: онъ отзывался объ уніи въ оскорбительныхъ выраженіяхъ; побудилъ крестьянъ села Поповки унести насильно изъ церкви разныя принадлежности богослуженія; пытался побудить крестьянъ села Бабичей оказать сопротивленіе военной командѣ и, наконецъ, разсказывалъ крестьянамъ о бунтѣ Хмельницкаго и читалъ неоднократно объ этомъ предметѣ отрывки изъ рукописной книги, которая и была у него найдена при обыскѣ. Эту книгу разсматривали и члены коммиссіи и члены гродскаго суда, но ни тѣ ни другіе не были въ состояніи прочитать ее, такъ какъ она была написана по-русски; наконецъ разыскали канцеляриста, умѣвшаго читать на этомъ языкѣ, и дали ему рукопись на разсмотрѣніе. Это была одна изъ козацкихъ лѣтописей; на сколько можно судить по приводимому въ дѣлѣ заглавію: „xiążka o rewolucji Chmielnickiego“, это, вѣроятно, былъ или списокъ лѣтописи Грабянки („Дѣйствія презѣльной и отъ начала поляковъ трвавшей небывалой брани Богдана Хмельницкого“) или лѣтопись Самовидца (Лѣтописецъ о началѣ войны Хмельницкаго). Списокъ этотъ о. Алексѣй переписалъ лично еще до рукоположенія въ іереи и любилъ ее перечитывать вслухъ. Экспертъ, разсматривавшій ее, далъ такой отзывъ: „книга эта заключаетъ много ложныхъ разсказовъ о козакахъ и написана злостно, съ желаніемъ возбудить отвращеніе къ полякамъ“, въ доказательство чего онъ представилъ суду нѣсколько отрывковъ въ переводѣ. Судъ заключилъ, что всѣ перечисленныя преступленія ясно доказываютъ, „что священникъ Андріевскій — лице вредное для края и для общества, нарушавшее общественное спокойствіе, и что онъ за свои поступки, исполненные соблазна, долженъ подлежать примѣрному наказанію“,

вслѣдствіе этого судъ опредѣлилъ заключить его на 12 лѣтъ въ Каменецкую крѣпость, гдѣ онъ долженъ будетъ снискивать себѣ пропитаніе личнымъ трудомъ, работая при починкѣ крѣпостныхъ построекъ, т. е., говоря современнымъ языкомъ, онъ былъ отправленъ на 12 лѣтъ въ крѣпостныя арестантскія роты [1]).

Документовъ объ исполненіи приговора и о дальнѣйшей судьбѣ о. Алексѣя мы не имѣемъ. Во всякомъ случаѣ судьба сократила срокъ его заточенія: въ апрѣлѣ 1793 года польскій комендантъ Каменца, Злотницкій, сдалъ крѣпость русскому генералу Дерфельду и, конечно, вслѣдъ за этимъ должно было послѣдовать освобожденіе узника.

Злосчастная рукопись, сыгравшая столь фатальную роль въ процессѣ, была, по приказанію суда, опечатана въ отдѣльномъ пакетѣ и сдана для храненія въ архивъ Житомирскаго гродскаго суда; къ несчастью, при передачѣ дѣлъ этого суда въ Кіевскій центральный архивъ, пакета не оказалось на мѣстѣ и интересный лѣтописный списокъ можно считать безвозвратно утеряннымъ.

Еще болѣе хладнокровно отнеслась къ тревожнымъ слухамъ Брацлавская порядковая коммиссія, хотя она не сразу установила свою точку зрѣнія. Первыя три недѣли своего существованія коммиссія колеблется между двумя противоположными направленіями: съ одно стороны, получая частыя отношенія отъ Волынской порядковой коммиссіи и многочисленныя письма изъ Волыни, Брацлавская коммиссія склонна придавать серьезное значеніе тревожнымъ слухамъ, и первыя ея распоряженія отличаются нѣкоторою торопливостью; съ другой стороны, она получаетъ цѣлый рядъ писемъ отъ Феликса Потоцкаго, самаго крупнаго землевладѣльца въ воеводствѣ,

[1]) См. №№ CCCXLVI—CCCXLIX, стр. 691—700.

которому принадлежала треть его территоріи, и встрѣчаетъ въ нихъ постоянно утвержденіе, что тревога ни на чемъ не основана и что пустымъ слухамъ не слѣдуетъ придавать серьезнаго значенія. Послѣднее мнѣніе встрѣчаетъ подтвержденіе въ фактахъ, изслѣдованныхъ коммиссіею, и около половины апрѣля вполнѣ устанавливается; вслѣдствіе этого Брацлавская коммиссія воздерживается отъ организаціи воеводской коммиссіи, которую ей совѣтуетъ Волынская коммиссія, и устраняетъ почти совершенно аресты подозрительныхъ лицъ.

Сейчасъ послѣ своего учрежденія коммиссія издала универсалъ къ помѣщикамъ своего воеводства, въ которомъ предписываетъ мѣры почти тождественныя съ сосѣдними коммиссіями: она требуетъ, чтобы священники поучали въ церквяхъ прихожанъ касательно ихъ обязанностей по отношенію къ ближнимъ, къ обществу и къ государству; затѣмъ предписываетъ помѣщикамъ отнять оружіе какъ у крестьянъ, такъ и у надворныхъ козаковъ, воспретить продажу оружія, свинцу, пороху и селитры и наблюдать, чтобы кузнецы и слесари не дѣлали и не исправляли оружія. Затѣмъ помѣщики должны усилить сельскую полицію, назначивъ асауловъ, войтовъ и десятниковъ, которые должны будутъ наблюдать, чтобы крестьяне не собирались на сходки и не держали въ своихъ домахъ постороннихъ захожихъ людей; они должны у проходящихъ спрашивать паспорты и задерживать всѣхъ подозрительныхъ лицъ. Далѣе коммиссія предлагаетъ помѣщикамъ уничтожить хутора и переселить ихъ жителей въ села, въ случаѣ же если эта мѣра окажется неудобною, взять на себя отвѣтственность за совершенную ихъ безопасность, наконецъ приглашаетъ помѣщиковъ обращаться съ крестьянами ласково и справедливо, не раздражать ихъ притѣсненіями и не взыскивать съ нихъ подати, возложенной сеймомъ на дворянъ[1]).— Нѣсколько дней спустя, получивъ отъ Волынской коммиссіи свѣдѣніе о томъ, будто на Волыни маркетаны сознались въ томъ, что

---

[1]) См. № LXXXVI, стр. 151—157

агитируютъ бунтъ, Брацлавская коммиссія предписываетъ обыскивать всѣхъ маркетановъ, отбирать у нихъ оружіе и, въ случаѣ подозрѣнія, арестовать [1]).

Вмѣстѣ съ изданіемъ универсала коммиссія обратилась къ Феликсу Потоцкому, какъ начальнику войскъ, расположенныхъ въ Украинѣ, съ просьбою прислать отрядъ войска для охраны воеводства; просьбу эту коммиссія повторяла многократно, черезъ каждые 4—5 дней, поставляя на видъ тревожныя извѣстія, полученныя изъ Волыни, о раскрытіи тамъ заговора, объ убіеніи Вележинскихъ и т. п.[2])—Потоцкій на всѣ эти письма отвѣчалъ категорически: онъ обѣщалъ прислать требуемый отрядъ войска, что вскорѣ и исполнилъ [3]); но вмѣстѣ съ тѣмъ постоянно отрицалъ возможность бунта: „Лучшее средство, писалъ онъ, для того, чтобы сохранить спокойствіе—состоитъ въ томъ, чтобы оказывать народу довѣріе и справедливость. Состоя обывателемъ Брацлавскаго воеводства, котораго значительная часть принадлежитъ мнѣ, могу увѣрить коммиссію, что мои крестьяне вовсе о бунтѣ не думаютъ, и я не намѣренъ раздражать ихъ ненужными обысками“ [4]). Въ другомъ письмѣ онъ высказывается слѣдующимъ образомъ: „Я лично глубоко убѣжденъ, что бунтъ не возможенъ и что слухи о немъ основаны лишь на пустыхъ вѣстяхъ и словахъ, сказанныхъ спьяна; вѣсти эти, распространяясь, преувеличиваются и внушаютъ страхъ, вслѣдствіе котораго помѣщики оставляютъ свои хозяйства, крестьяне же пріобрѣтаютъ самомнѣніе и наталкиваются на соображенія о возможности бунтовъ..... Обвиненія, основанныя на рѣчахъ пьяныхъ людей, должны разсматриваться съ большимъ благоразуміемъ: можно предполагать, что многія изъ нихъ будутъ лживы и основаны на личныхъ побужденіяхъ ненависти, зависти и другихъ

---

[1]) См. № XCII, стр. 162.

[2]) См. №№ LXXXVII, стр. 155—156; LXXXIX, стр. 158; XCI стр. 160—161; XCIV, стр. 164; XCVIII, стр. 169—170; CI, стр. 172.

[3]) См. №№: XCV, стр. 161 и XCIX, стр. 170.

[4]) См. № LXXXVIII, стр. 157.

страстей, также доступныхъ простонародію, какъ и другимъ сословіямъ“ [1]). Въ началѣ же своей дѣятельности Брацлавская коммиссія въ виду тревоги, поднятой на Волыни, сносится съ коммиссіями Кіевскою и Волынскою и спрашиваетъ ихъ совѣта, какіе пріемы слѣдовало бы употреблять для раскрытія заговора, такъ какъ, не смотря на всѣ старанія, ей не удалось открыть ничего существеннаго по этому вопросу [2]). Конечно, желаемыхъ совѣтовъ коммиссія не получила, а между тѣмъ факты все болѣе и болѣе подтверждали правильность взгляда Потоцкаго: крестьяне, обвинявшіеся въ произнесеніи угрозъ, допрашивались въ коммиссіи тщательно, объ нихъ собирались показанія свидѣтелей, но малѣйшихъ признаковъ бунта изъ нихъ не обнаружилось; коммиссія нашла лишь пустые разговоры, вызванные или притѣсненіями управителей, или опьяненіемъ, не имѣющіе никакого значенія. Нѣсколько человѣкъ задержанныхъ пилипоновъ оказались людьми ни въ чемъ неповинными, мирными торговцами, и при томъ они были снабжены надлежащими паспортами [3]). Наконецъ поручикъ Ястржембскій, командовавшій военнымъ разъѣздомъ по воеводству, рапортовалъ коммиссіи, что на всемъ протяженіи своего пути, не смотря на самые тщательные розыски, онъ не нашелъ никакихъ признаковъ волненія и что вездѣ господствуетъ полное спокойствіе [4]).

Такимъ образомъ совершенно улеглось тревожное настроеніе Брацлавской коммиссіи; она распорядилась освободить всѣхъ арестованныхъ лицъ и для окончательной выработки общественнаго мнѣнія брацлавскій подкоморій, Богданъ Островскій, созвалъ въ Винницу всѣхъ дворянъ всеводства на 15 апрѣля. Собравшіеся на сеймикъ дворяне пришли къ убѣжденію, „что слухи, распространившіеся въ нашемъ воеводствѣ, предвѣщавшіе грозящее общест-

---

[1]) См. № XC, стр. 159—160.
[2]) См. №№: XCIII, стр. 163—164; XCVII, стр. 168; C, стр. 171—172.
[3]) См. №№: CIV, стр. 177—178; CVII, стр. 186.
[4]) См. № CXVIII, стр. 196—197.

венному спокойствію бѣдствіе, не имѣютъ никакого реальнаго основанія", и потому собравшіеся находятъ, что мѣры, принятыя коммиссіею, вполнѣ достаточны, и поручаютъ ей продолжать дѣятельность въ томъ же направленіи и соображаться съ совѣтами Феликса Потоцкаго [1]). На другой день послѣ закрытія сеймика, порядковая коммиссія отправила рапортъ сейму, въ которомъ, перечисливъ всѣ принятыя ею мѣры, удостовѣрила сеймъ, что въ воеводствѣ господствуетъ полное спокойствіе и нѣтъ никакихъ признаковъ крестьянскаго волненія. Сеймъ изъявилъ коммиссіи благодарность за ея образъ дѣйствія и одобрилъ принятыя ею мѣры [2]). Вслѣдъ затѣмъ коммиссія издала универсалъ къ обывателямъ своего воеводства, въ которомъ заявляя, что нѣтъ никакихъ признаковъ крестьянскаго волненія и что воеводство достаточно обезпечено отрядами войска, предлагаетъ помѣщикамъ успокоиться и не уѣзжать изъ домовъ своихъ, дабы не усиливать напрасной тревоги; она рекомендуетъ не задерживать пилипоновъ, торгующихъ мелкимъ товаромъ, если они снабжены паспортами и не развозятъ оружія. Захожихъ безпаспортныхъ бродягъ коммиссія предлагаетъ отдавать подъ судъ мѣстнымъ крестьянскимъ громадамъ; помѣщикамъ же вмѣняетъ въ обязанность повѣрять паспорты у лицъ прохожихъ или проѣзжихъ [3]). Такой же успокоительный характеръ носятъ отношенія Брацлавской порядковой коммиссіи къ Подольской, которую она увѣряетъ въ неосновательности слуховъ, не подтверждающихся ни розысками, ни допросами [4]). По отношенію къ Волынской коммиссіи тонъ корреспонденціи принимаетъ явно ироническій оттѣнокъ.—Брацлавская коммиссія, сообщая о состоявшемся сеймикѣ, извѣщаетъ, что на основаніи дѣйствіи коммиссіи и собственныхъ наблюденій, дворяне не нашли никакихъ признаковъ бунта и признали невозможнымъ

---

[1]) См. №№: XCVI, стр. 166—167 и CIII, стр. 174—176.
[2]) См. №№: CIV, стр. 177—179 CIX, стр. 187—188.
[3]) См. №№: CVI, стр. 183—185 и CXX, стр. 199.
[4]) См. № CVII, стр. 185—186.

существованіе среди крестьянъ правильно организованнаго и хранимаго въ глубокой тайнѣ заговора. Коммиссія воздержалась отъ устройства милиціи потому, что ей извѣстно, что вслѣдствіе волненія дворянъ среди крестьянъ распространился слухъ, что шляхтичи въ условленный день намѣрены напасть на нихъ и перерѣзать. Устройство милиціи могло бы усилить это заблужденіе и довести крестьянъ до отчаянія и вспышки. Не смотря на полное спокойствіе воеводства, Брацлавская коммиссія однако обезпокоена извѣстіями, сообщенными ей Волынскою коммиссіею, гласящими, что на Волыни уже 4 человѣка казнены смертью, что много денегъ роздано на пропаганду бунта и что ожидается приходъ сына Гонты. Опасаясь подобныхъ же проявленій въ своемъ районѣ, Брацлавская коммиссія проситъ Волынскую сообщить ей копіи какъ смертныхъ приговоровъ, такъ и показаній и свидѣтельствъ, на основаніи которыхъ они были произнесены.[1]) Послѣ этого заявленія переписка съ Волынскою коммиссіею прекратилась.

Успокоившись относительно бунта, Брацлавская коммиссія занялась другимъ дѣломъ: она рѣшилась привести въ исполненіе постановленіе сейма относительно приведенія къ присягѣ на вѣрность королю и Рѣчипосполитой православнаго духовенства. Съ этою цѣлью она распорядилась опубликовать въ католическихъ и уніатскихъ церквяхъ сеймовый универсалъ, изданный по этому поводу, и снеслась съ Кіевскою коммиссіею для совмѣстнаго дѣйствія[2]). По собраннымъ справкамъ оказалось, что весь обширный Звенигородскій повѣтъ составляетъ одно благочиніе, состоящее подъ управленіемъ протоіерея Луки Романовскаго, приходскаго священника м. Чечельника. Къ нему-то и обратилась порядковая коммиссія съ предложеніемъ исполнить требованіе сейма и представить свѣдѣнія о количествѣ православныхъ церквей и священ-

---

[1]) См. № CV, стр. 180—182.

[2]) См. №№: CXIII—CXIV, стр. 192—193; CXI, стр. 190 и CXVI, стр 194—195.

никовъ въ его благочиніи, съ указаніемъ, кто изъ нихъ принесъ требуемую присягу. Изъ рапорта протоіерея Романовскаго оказалось, что во всемъ Звенигородскомъ повѣтѣ нѣтъ ни одной православной церкви, потому что послѣднія были отняты и перечислены въ унію еще въ 1775 году. Священниковъ же, лишенныхъ приходовъ, осталось два: Павелъ Зволинскій, проживающій въ бывшемъ приходѣ, селѣ Юрковкѣ, и Петръ, живущій въ селѣ Богачевкѣ; оба они понынѣ не принесли присяги, потому что никто не предъявлялъ имъ требованія [1]). Затѣмъ въ Брацлавскомъ воеводствѣ оказался одинъ православный монастырь въ м. Бершадѣ, въ которомъ жило 26 монаховъ, но они отказались принести присягу, и согласно сеймовому постановленію, коммиссія распорядилась выпроводить ихъ подъ конвоемъ за границу [2]).

Вслѣдствіе сношеній коммиссіи съ Винницкимъ гродскимъ судомъ, засѣданія послѣдняго были открыты во второй половинѣ мая. На рѣшеніе суда были предоставлены дѣла о пиковскомъ ассаулѣ Гаврилѣ и нѣкоторыхъ другихъ крестьянахъ, арестованныхъ въ началѣ дѣятельности коммиссіи [3]). Мы не знаемъ, какая судьба постигла обвиняемыхъ, не можно полагать, что они были судомъ освобождены, такъ какъ декретовъ о нихъ нѣтъ ни въ гродскихъ книгахъ, ни въ декретовыхъ протоколахъ Виницкаго гродскаго суда. Послѣ 15 апрѣля аресты совсѣмъ почти прекратились, и немногія задержанныя лица обвинялись въ поступкахъ, не имѣвшихъ ничего общаго съ крестьянскимъ волненіемъ, такъ что коммиссія нашла излишнимъ дѣла о нихъ доводить до суда. Такъ въ м. Красномъ арестованъ былъ проходившій пилипонъ Семенъ Федоровъ; онъ былъ вооруженъ саблею, имѣлъ значительную сумму денегъ, количества которыхъ не зналъ, и представилъ паспортъ, выданный въ Яссахъ русскими властями купцу Федору Степановичу съ работникомъ для

---

[1]) См. №№: CXII, стр. 191; CXVII, стр. 196 и CXIX, стр. 197—198.
[2]) См. №CCCLXXII, стр. 739 – 740.
[3]) См. №№: CXV, стр. 193 и CCCLXXI, стр. 738.

проѣзда въ м. Рашковъ. Коммиссія заподозрѣла Федорова въ томъ, что онъ убилъ въ дорогѣ своего хозяина, и отдала его, какъ русскаго подданнаго, въ распоряженіе генерала Шимшева, какъ ближайшей русской власти[1]). Въ Грановѣ арестованъ былъ какой-то Миргородскій купецъ, прибывшій съ паспортомъ для закупки скота, но занимавшійся вмѣсто торговли пьянствомъ и посѣщеніемъ крестьянскихъ свадебъ[2]); послѣ допроса онъ былъ освобожденъ коммиссіею. Въ селѣ Поповкѣ задержанъ былъ дворяниномъ Пшилускимъ русскій дезертиръ, по имени Артемъ, бѣжавшій изъ команды капитана Броневича и укравшій коня этого офицера; коммиссія уполномочила Пшилускаго допросить арестанта и, если за нимъ окажется только частная кража, опредѣлить ему наказаніе. Пшилускій выразилъ мнѣніе, что его слѣдуетъ сдать въ солдаты. Тотъ же Пшилускій сообщилъ коммиссіи, что уніатскій священникъ села Нападовки сдѣлалъ ему доносъ на православнаго священника, проживающаго въ селѣ Купчинцахъ, утверждая, что это человѣкъ опасный, исполняющій тайно требы и пользующійся большимъ уваженіемъ у крестьянъ; но когда коммиссія потребовала къ себѣ уніатскаго священника для болѣе обстоятельныхъ показаній, то Пшилускій извѣстилъ ее, что оговоренный священникъ, по внушенію Потоцкаго, согласился перейти въ унію и потому дѣло о немъ слѣдуетъ прекратить[3]).

Нѣсколько интереснѣе было дѣло, возникшее по доносу о подстрекательствѣ крестьянъ города Литина православными священниками. Получивъ этотъ доносъ, коммиссія поручила дворянину Фелику Поляновскому съѣздить въ Литинъ, произвести на мѣстѣ дознаніе и, въ случаѣ, если виновные окажутся, арестовать ихъ и доставить вмѣстѣ съ протоколомъ дознанія въ коммиссію. Поляновскій, исполнивъ возложенное на него порученіе, представилъ

---

[1]) См. № CCCXLVI, стр. 733.
[2]) См. № CCCLXVI, стр. 734.
[3]) См. №№ CCCLXVIII—CCCLXX, стр. 735—738.

слѣдующій отчетъ. Минуя мелочныя и несущественныя подозрѣнія, онъ остановилъ вниманіе на двухъ болѣе важныхъ пунктахъ обвиненія. Близъ Литина проживалъ на своемъ хуторѣ на покоѣ православный священникъ о. Симеонъ; состоя въ дружбѣ съ шляхтичемъ Піотровскимъ, онъ сказалъ ему въ шутку: „припаси провизіи, а я, въ случаѣ нужды, дамъ тебѣ пріютъ въ своемъ хуторѣ.“ Никакой иной вины за нимъ не числилось. Другой православный священникъ, имѣвшій приходъ въ г. Литинѣ, о. Ѳома обвинялся въ доносѣ, будто онъ сказалъ въ проповѣди, что „предстоитъ большая война, въ теченіе которой будемъ рѣзать ляховъ и жидовъ.“ При разслѣдованіи Поляновскаго оказалось, что слова эти передавала, возвратившись изъ церкви, одиннадцатилѣтняя дѣвочка, между тѣмъ какъ всѣ прихожане, слушавшіе проповѣдь, заявили, что Ѳома, повинуясь предписанію коммиссіи, предостерегалъ людей, чтобы они остерегались легкомысленныхъ разговоровъ и не болтали о рѣзнѣ. 12 лучшихъ хозяевъ, бывшіе въ церкви, показали подъ присягою, что въ проповѣди не было сказано ничего опаснаго для общественнаго спокойствія. Дьячекъ, бывшій въ томъ же приходѣ, обвинялся евреями въ томъ, что онъ похвалялся, будто имѣетъ подписи 200 человѣкъ присоглашенныхъ къ бунту. Но евреи не могли ничѣмъ доказать своего обвиненія, между тѣмъ какъ прихожане атестовали своего дьячка съ лучшей стороны, бывшій же у него списокъ нѣсколькихъ крестьянъ оказался спискомъ лицъ, участвовавшихъ въ складчинѣ для монаха, помогавшаго отправлять требы передъ праздникомъ. Выслушавъ докладъ Поляновскаго, коммиссія прекратила дѣло[1]).

Послѣднее дѣло, имѣвшее связь съ бунтомъ, производилось въ Винницкомъ гродскомъ судѣ уже въ концѣ 1789 года по слѣдующему поводу: православный священникъ м. Рашкова, Иванъ Делимерко, переправляясь черезъ Днѣстръ въ одной лодкѣ съ проѣзжимъ крестьяниномъ и нѣсколькими евреями, услышалъ громкій

---

[1]) См. №№: CCCLXIV—CCCLXV, стр. 729—732.

говоръ послѣднихъ и, будучи сильно пьянъ, сказалъ съ досадою: „подождите недѣльку или двѣ: увидите, что будетъ!“ Евреи немедленно донесли о сказанныхъ словахъ въ таможенный Рашковскій судъ, который составилъ протоколъ и препроводилъ обвиненнаго въ военную команду, начальникъ которой, Дзержекъ, отослалъ его въ Каменецъ. Здѣсь его допрашивали въ гродскомъ судѣ, узнали, что прежде онъ былъ уніатомъ, потомъ въ Переяславѣ присоединился къ православію, что онъ присягалъ въ Винницѣ на вѣрность королю и Речипосполитой, о бунтахъ ровно ничего не знаетъ, инкриминированныя же слова сказалъ въ состояніи сильнаго опьяненія и потому ихъ не помнитъ. Впрочемъ, Каменецкому суду не пришлось постановить приговора по этому дѣлу: вслѣдствіе протеста Потоцкаго, подсудимый былъ препровожденъ въ Винницу, въ судъ своего воеводства; для новаго производства понадобился вызовъ свидѣтелей, за неявкою которыхъ окончательное рѣшеніе дѣла было отложено до слѣдующаго года[1]).—

В. Антоновичъ.

---

[1]) См. №№: CCCLXXIII—CCCLXXVIII, стр. 741—751.

3 1/2 8